

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казанский государственный университет

**Образование и просвещение
в губернской Казани**

Выпуск 2

**Образование и просвещение
в губернской Казани
Вып. 2**

Научное издание

Оригинал-макет – *А.Р.Тухватуллина*

Корректор – *Н.А.Кореева*

Подписано в печать 29.09.2009 г.

Печ. листов 19,0. Тираж 150 экз.

Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

г. Казань, Кремль, подъезд 5

Тел. (843) 292-95-68, 292-18-09

Казань – 2009

УДК 371
ББК 74.58
О 18

Х.М.Абдуллин

**Школа батальонов военных кантонистов как
единственное военно-образовательное учреждение
Казани в первой половине XIX в.**

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук **И.К.Загидуллин**
доктор исторических наук **Е.А.Вишленкова**

О 18 Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. – Вып. 2 / Отв. ред. И.К.Загидуллин, Е.А.Вишленкова. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 304 с.

В сборнике статей представлены материалы II научно-практической конференции «Образование и просвещение в Казани в XIX веке», посвященной 250-летию юбилею Казанской гимназии (г.Казань, 28 октября 2008 г.).

На обложке: здание Казанской гимназии. 1800 г. (Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. – Казань, 2003. – С.20).

Форзац 1: Рис. Вид Арской улицы от крепости к Арскому полю (к статье С.П.Саначина).

Форзац 2: Рис. Вид Арской улицы, снятой от Покровской церкви к крепости (к статье С.П.Саначина).

ISBN 978-5-94981-139-9

© Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук РТ, 2009
© Казанский государственный
университет, 2009

В 1721 г. по указу Петра I при каждом полку российской армии были созданы гарнизонные школы для солдатских детей. Их принято считать прообразом будущих школ военных кантонистов. Первоначально они не играли большой роли в военном ведомстве, так как численность солдатских детей петровской России была незначительной (не более 2 000 человек). Наибольшего количества своего численного состава школы военных кантонистов достигают к концу правления Николая I (378 000 человек). Более того, именно в них воспитывался основной контингент будущего унтер-офицерского и специального технического персонала военного ведомства.

В Казани такое учебное заведение изначально базировалось в Казанском кремле. Казанская батальонная и гарнизонная школа в петровский период размещалась в башне над Тайницкими воротами. Такие школы функционировали на основе устава для гарнизонных школ 1732 г. К концу XVIII – началу XIX века назрела насущная необходимость реформы начальных военно-учебных заведений. Павел I производит реформу гарнизонных школ. Они переименовываются в военно-сиротские отделения общего военно-сиротского дома. Отделения открылись в губернских городах и за короткое время правления Павла I выпустили около 64 000 воспитанников. В тот период из солдатских семей забирались все дети мужского пола семилетнего возраста. Преподавание было нехитрым: грамота, строевая наука, барабанный бой и игра на флейте. С 1805 г. учащиеся военно-сиротских отделений стали именоваться кантонистами. Под кантонистами (от нем. *Kantonist* – военнообязанный) в России 1805–1856 гг. понимались солдатские сыновья, числившиеся со дня рождения за военным ведомством¹. В Казани начала XIX

¹ Большой энциклопедический словарь. – М., 1998. – С.491.

века кантонисты первоначально размещались в доме по Воскресенской улице.

25 октября 1817 г. высочайшим указом императора Александра I была создана Комиссия для составления учебных пособий. На нее накладывались обязанности выработки новых принципов обучения кантонистов: составление таблиц и учебных книг, разъяснение учебных методов, составление инструкций учителям, перевод методической литературы с иностранных языков и пр. В 1819 г. комиссия разработала «Руководство к учреждению школ для кантонистов среднего возраста по методу взаимного обучения и к управлению оными». Оно опиралось на модный в тот период метод обучения Ланкастера, подразумевающий обучение по цепочке – от учителя к старшим ученикам, от них – к младшим. Членами комиссии были составлены и индивидуальные работы («О долге христианина» (священника Павского), «О долге воина» (капитана Н.И.Глинки), «Извлечения из школы рекрутской для кантонистов» (генерал-майора А.Н.Перского)). Были переведены и изданы и иностранные книги, которые предполагалось использовать в качестве дополнения к курсу, проходимому кантонистами большого возраста².

В 1824 г. военно-сиротские отделения принимает на себя ведомство военных поселений под руководством А.А.Аракчеева. Оно изменяет возрастные границы отдельных групп кантонистов: младший – до 10, средний – с 10 до 14 и старший – с 14 до 18 лет. Также менялись и сроки обучения в школах: 4 года – в школе среднего возраста и 4 – в школе большого возраста. Эта мера принесла пользу и с практической стороны: обмундирование кантонистам теперь отпускалось с 10 лет, а не с 7, как это было ранее. В действительности пойти на этот шаг вынуждали частые болезни и, как следствие, высокая смертность среди воспитанников. Однако, еще в 1843 г. в списках 8 роты батальонов можно было встретить семими летних кантонистов³.

² Ячменихин В.К. Реформа низшего военного образования в России первой трети XIX века / В.К.Ячменихин // Философский век. Альманах. – Вып.6. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. – СПб., 1998. – С.165.

³ НА РТ. Ф.509. Оп.1. Д.3. Л.115об.–116.

Всего же к концу царствования Александра I в стране насчитывалось свыше 150 000 кантонистов.

При новом императоре Николае I указом от 3 декабря 1826 г. военно-сиротские отделения были преобразованы в чисто военную организацию. Они начали делиться на роты, полубатальоны и батальоны военных кантонистов (в каждой соответственно по 250, 500 или 1000 человек). Ротой командовали 8 обер-офицеров, 1 фельдфебель, 10 учителей (из унтер-офицеров или рядовых), 4 престарелых унтер-офицера, имеющих фронтовой опыт, 3 барабанщика из старших кантонистов и 20 инвалидов на хозяйственных должностях. Соответственно полубатальонами и батальонами командовали уже штаб-офицеры. Все роты, полубатальоны и батальоны объединялись в учебные бригады⁴. Казанские 1-й и 2-й батальоны, вместе с Нижегородскими, Симбирскими, Саратовскими и Пермскими батальонами, вошли в 4-ю учебную бригаду. Указом от 19 августа 1827 г. Казанские и Пермские батальоны составили 6-ю учебную бригаду. 7 февраля 1843 г. учебные бригады вновь претерпевают изменения: Казанские, Пермские, Саратовские и Симбирские батальоны включаются в состав 3-й бригады. Наконец, законодательным актом от 15 марта 1847 г. батальонам, полубатальонам и ротам в составе учебных бригад присваиваются отдельные номера; таким образом, полное название казанских батальонов начинает звучать как: №8 Казанские батальоны III учебной бригады военных кантонистов.

В недрах Национального архива Республики Татарстан хранятся дела, собранные в фонд, посвященный деятельности Комитета по устройству зданий для Казанских батальонов военных кантонистов. «Комитет, высочайше учрежденный в г. Казани для устройства помещений Казанских батальонов военных кантонистов – именно так звучало официальное название комитета – был открыт 9 декабря 1824 г. на основании Высочайшего повеления и занимался хозяйственными вопросами⁵. Председателем комитета был назначен командир Казанских батальонов Евгений Васильевич Колтовский. В означенный период в Казани

⁴ Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауз, И.А.Эфрон. – Т.XIV. – СПб., 1895. – С.318–319.

⁵ НА РТ. Ф.492. Оп.1. Д.2. Л.21.

размещалось 2 батальона военных кантонистов. Всего численность кантонистов доходила до 1400 воспитанников, а в 30–40-х годах XIX в. здесь числилось уже 2000 и более солдатских детей. Перед Комитетом остро встал вопрос об их размещении. Одну из рот даже пришлось разместить в городе у родственников, а другую распределить на постой в окрестные села. Так, например, один из кантонистов, 14-летний Ахмедий Бахтияров, проживал в селе Никольском⁶. Остальные роты жили часто в непригодных условиях в разных частях города (в так называемых Воскресенском, Адмиралтейском и Покровском домах, казармах Укусникова, во Владимирской и Свечинской банях, сушильне и прачечной в доме Юнусова, классах и мастерских в Кремле). Все это значительно затрудняло их деятельность. Лишь в 1838 г. батальоны полностью переселяются в Казанский кремль. Для них было решено восстановить сильно пострадавшие от пожара 1815 г. здания Арсенала и Литейного двора. Большая часть материалов, отложившихся в фонде Комитета по устройству зданий для Казанских батальонов военных кантонистов, посвящена именно вопросам ремонта и приспособления под нужды кантонистов указанных зданий. В частности, благодаря этим документам удалось установить, что восстановление зданий бывшего Арсенала и Литейного двора осуществлялось на конкурсной основе. В итоге самым достойным для проведения ремонтных работ оказался «Казанский помещик, Надворный Советник и кавалер Николай Васильев сын Чемесов», который за 257 000 рублей согласился осуществить необходимые работы. 18 ноября 1827 г. он был утвержден Комитетом как руководитель восстановления и ремонта зданий бывшего Арсенала и Литейного двора⁷.

В новых отреставрированных зданиях кантонистам преподавались следующие предметы: Закон Божий, русский язык, арифметика, первоначальные понятия геометрии, рисование и пение. В середине 40-х годов XIX века законоучителями у кремлевских кантонистов являлись священники казанских церквей: Грузинской – о.Александр (Нелидов), Духосошественской –

⁶ НА РТ. Ф.4. Оп.56. Д.59. Л.1.

⁷ НА РТ. Ф.492. Оп.1. Д.1. Л.71–72.

о.Степан (Вишневецкий), Московских Чудотворцев – о.Александр (Павловский)⁸. Как отмечает В.К. Ячменихин, учебное заведение подразделялось на «малые отделения» по 8–10 человек в каждом. Руководили занятиями «старшие ученики», которые обучались в «верхних отделениях» и выполняли обязанности старших по отношению к ученикам «низших отделений». Оборудование классов было более чем скромным: вместо книг и букварей употреблялись таблицы, которые развешивались по стенам, а роль бумаги и перьев выполняли мелко рассыпанный на столе песок, грифельные доски и остро заточенные палочки. Все учащиеся, согласно положению, делились на классы и разряды: словесный и арифметический. По каждому разряду имелось 8 классов. Переход из одного класса в другой производился в зависимости от уровня успеваемости учеников. В обязанности учителя входило наблюдение за «неукоснительным исполнением всех предписанных правил», забота о надлежащем устройстве помещения школы и ее принадлежностях, заготовка учебных пособий и других необходимых материалов. Учитель школы также вел всю школьную документацию. После каждого занятия учитель производил разбор «донесений старших учеников» и подводил итог занятий⁹. По окончании обучения наиболее прилежные избирались для зачисления в учебные карабинерные полки. Из этих полков выпускались в фельдфебели, унтер-офицеры, музыканты и барабанщики. Неуспевающие и ленивые ученики выходили в армейские полки рядовыми.

В июне 1823 г. было высочайше утверждено новое положение, определявшее процесс образования для кантонистов большого возраста. Теперь они распределялись «по наукам» на три класса: нижний, средний и верхний. В свою очередь, каждый класс состоял из двух отделений, имевших равное количество обучающихся. Предметы, входившие в программу обучения, оставались такими же, что и для кантонистов среднего возраста. Однако появились и существенные отличия. Во всех классах изучали Закон Божий, чистописание, рисование и пение по

⁸ Баженов Н.К. Казанская история – Ч.III. Казанская губерния / Н.К.Баженов. – Казань, 1847. – С.78.

⁹ Ячменихин В.К. Указ. соч. – С.163–164.

однотипной программе, в то время как русский язык, арифметика и геометрия усложнялись при переходе из класса в класс. В нижнем классе по русскому языку изучалось правописание, грамматика и синтаксис, по арифметике – десятичные дроби и пропорции, по геометрии – черчение фигур. В среднем классе: по русскому языку писали диктанты и сочинения, по арифметике проходили сравнения, по геометрии изучали изменение длины и площади поверхности. Наконец, в верхнем классе по русскому языку акцент делался на российской грамматике, также кантонисты учились составлять делопроизводственную документацию и судопроизводство по военной части. Еще одним предметом, входившим в курс кантонистов большого возраста, являлось бухгалтерское дело. Сам процесс обучения в школе остался таким же, как и для кантонистов среднего возраста. Таким образом, была завершена реформа образования для нижних чинов армии¹⁰.

В феврале 1829 г. были изданы новые «Правила». Вновь изменялись возрастные границы отдельных групп кантонистов. Младший возраст стал включать в себя детей до 14 лет, средний – с 14 до 18 и большой – с 18 до 20 лет. Учебный курс сокращался до 4 лет. Согласно новым «Правилам» изменилась и программа обучения кантонистов. Образовательный процесс ограничивался лишь такими дисциплинами, как чтение, письмо и арифметика. Все это стало огромным шагом назад по сравнению с введенным во время реформы образованием для кантонистов¹¹.

Не оставляли своим вниманием казанскую школу военных кантонистов и монаршие особы. В 1817 году тогда еще военносиротское отделение посетил великий князь Михаил Павлович¹². Во время пребывания в Казани школу кантонистов ревизировал император Николай I, но наиболее запоминающимся для кантонистов и горожан стало посещение школы 20 июня 1837 года наследником российского престола цесаревичем Александром

¹⁰ Там же. – С.169–170.

¹¹ Там же. – С.170–171.

¹² Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. / Сост. Н.П.Загоскин. Репринт. изд. 1895 г. – Казань, 2005. – С.244.

Николаевичем, будущим императором Александром II. При осмотре казарм батальонов цесаревич пробовал пищу кантонистов. После отъезда Александра Николаевича столовые приборы, которыми он пользовался, были выставлены на особом пьедестале под колпаком в столовой, где и хранились вплоть до закрытия школы. Дальнейшая судьба этих предметов пока остается невыясненной¹³. В октябре 1845 г. здесь также побывал и его императорское высочество герцог Максимилиан Лейхтенбергский¹⁴. С 1844 г. в России он занимал должность главного управляющего Института корпуса горных инженеров, поэтому его интерес к школе кантонистов был далеко не праздным¹⁵.

Как отмечает Баженов, в тот период Казанские батальоны военных кантонистов составляли единственное в городе военно-учебное заведение. Даже несмотря на то, что обучались здесь в основном солдатские дети, современники отдавали должное этому заведению, видя в нем воспитательное учреждение, дающее путевку в жизнь наиболее способным из воспитанников. К тому же, как выяснилось, классы школы посещали и дети дворян и обер-офицеров, «вступившие в число кантонистов по недостаточному их состоянию»¹⁶.

¹³ Там же. – С.248.

¹⁴ Герцог Максимилиан-Евгений-Иосиф-Наполеон Лейхтенбергский (1817–1852) – сын вице-короля Италии Евгения Богарнэ и Амалии-Августы, дочери короля Баварии. С 1839 г. – супруг дочери Николая I, великой княгини Марии Николаевны. Привез с собой в Россию крупную коллекцию произведений искусства, которая в 1880-х гг. в течение нескольких лет размещалась в Академии художеств. Обладал обширными познаниями в области естественных наук. С 1839 г. – почетный член Академии наук. Изучал гальванопластику, электрохимическую металлургию, минералогию, горное дело. Развивая идеи о гравировании с гальванопластических досок, ставил опыты. В 1842 г. избран почетным любителем Академии художеств, в 1844 – назначен главноуправляющим Института корпуса горных инженеров. Способствовал развитию железных дорог в России. С 1843 по 1852 г. – президент Академии художеств. В 1851 г. организовал в залах Академии первую в истории России выставку произведений из частных собраний. В период его президентства при Академии художеств было открыто мозаичное отделение, Московская художественная школа, частные школы в Саранске, Киеве, Варшаве.

¹⁵ Баженов Н.К. Указ. соч. – С.139–140.

¹⁶ Там же. – С.92.

В 1841 г. численность кантонистов составила 802 человека в возрасте от 7 до 21 года, которые были распределены по 8-ми ротам. Религиозный состав солдатских детей был следующим: 90% православных, 7% мусульман и 3% католиков. В 1842 г. численный состав кантонистов значительно изменился, достигнув 2696 человек. Претерпел изменения и состав воспитанников: 69% иудеев, 26% православных и по 2% католиков и мусульман. Несмотря на столь разительное изменение в процентном отношении пропорции православных и иудеев среди кантонистов в 1841–1842 гг., обращает на себя внимание тот факт, что численно количество православных изменилось незначительно (724 и 707 соответственно). Численность католиков (поляков), напротив, возросла более чем вдвое (22 и 53), а количество мусульман (татар) также изменилось незначительно (56 и 61). В 1843 г. численность кантонистов несколько снизилась, составив 2268 человек. Впервые среди кантонистов начинают фигурировать и лица лютеранского исповедания, правда их было всего 3 человека: 66% иудеев, 28% православных, по 3% католиков и мусульман, 0,1% лютеран. Далее численность кантонистов продолжала снижаться, составив в 1844 г. 1475 человек: 54% иудеев, 41% православных, 3% мусульман, 2% католиков и 0,2% лютеран. Наконец, в 1845 г. численность кантонистов уменьшилась до 1320 человек, соответственно составив: 53% православных, 42% иудеев, 4% мусульман, 1% католиков и 0,2% лютеран¹⁷.

Приведенные выше цифры также раскрывают и тенденцию к постоянному сокращению доли иудеев среди кантонистов. И эта тенденция неслучайна, так как еще одной официальной функцией школ батальонов военных кантонистов, на государственном уровне, объявлялась христианизация иноверческих солдатских детей. Государство поддерживало эту деятельность и экономически, о чем свидетельствует указ от 24 января 1836 г. «О выдаче денежного вознаграждения кантонистам магометанского или языческого исповеданий, принявшим христианскую веру»¹⁸, размер выплат составлял 25 рублей ассигнациями единовременно. Так, например, в 1837 г. под силу этого закона попал при-

¹⁷ НА РТ. Ф.509. Оп.1. Д.1. Л.60–71; Д.3. Л.74–118.

¹⁸ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т.ХІ. – Отд.І. – №8812. – СПб., 1837. – С.82.

нявший крещение кантонист Казанского порохового завода Халит Сагитов¹⁹.

Как отмечает И.Алексеев, в 1843 г. «Государь Император Высочайше повелеть соизволил... приступить к обращению в христианство состоящих в заведениях военных кантонистов иудейского исповедания чрез надёжных священников»²⁰. Подтверждает эту дату и исследовательская работа Н.К.Баженова, современника тех событий: «Независимо от миссии совершилось приятное для Христианского мира событие – быстрое обращение Евреев. Им ознаменовались батальоны военных кантонистов, и блистательное развитие Евангельского учения началось с 1843 года; с тех пор, как командует бригадою Полковник Алексей Сидорович Андреев, употребивший всю возможную деятельность мер, направленных к этой цели»²¹.

В первой половине XIX в. в регулярной армии низшими чинами из непривилегированных «иноверцев» несли службу в основном татары-мусульмане, евреи-иудеи и небольшой процент поволжских финно-угорских народов «идолопоклонников». Первые из них призывались в армию еще со времен рекрутского сбора 1722 г., а евреи начали привлекаться к регулярной воинской службе с 1827 г. Однако, в отличие от представителей других народов России, у евреев рекрутским наборам могли подлежать и мальчики с 12 лет. Эти дети-рекруты, зачастую и еще более младшего возраста, направлялись в батальоны военных кантонистов. Вот чем объясняется многочисленность евреев среди них. В Казанские батальоны первая партия 280 евреев-кантонистов из Киева прибыла 3 апреля 1828 г. Это были мальчики 14 и 15 лет.

Как отмечает И.Алексеев, с 1845 г. в деле крещения кантонистов наметился радикальный перелом. По сведениям командира Казанских батальонов военных кантонистов, за шесть месяцев – с 1 октября 1844 г. по 1 апреля 1845 г. – были обращены в христианство 41 кантонист и 1 нижний чин. 574 кантониста и 20

¹⁹ НА РТ. Ф.252. Оп.96. Д.27. Л.87.

²⁰ Алексеев И. Еврейский крестник Льва Толстого. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.anco-rt.ru/index.php?i=8&k=48>.

²¹ Баженов Н.К. Указ. соч. – С.77.

нижних чинов оставались иудеями. А немногим спустя, за 13 месяцев – с 1 декабря 1845 г. по 1 января 1847 г. – крестился 281 кантонист. Иудеев к тому времени из наличного состава оставалось лишь четверо²². Несколько иные данные встречаем в исследовании современника тех событий – Н.К.Баженова: «В 1843 приняли Христианскую веру 76; а по 1845 было уже 258 новых Христиан. В течение 1845 года просветились Христианством более 300 ч. евреев, в число которых для этой цели вызвано было несколько чел. из других батальонов самых упорнейших, наконец доведенных до восприятия Евангельской истины. Ныне все состоящие при казанских батальонах, за отправлением даже многих крещенных на службу – Христиане. Последний подвиг крещения совершен был (1846 – летом) на р. Казанке. Тогда по примеру встретивших их собратий обратилась вся прибывшая партия и почти уже без влияния на них мер начальства. Хотя бригадный командир полков. Андреев и употребил сначала для обращения Евреев в Христианство все усилия, но меры были самые кроткие – нисколько не вынудительные»²³.

По случаю больших успехов в миссионерской деятельности 17 января 1846 года в Казанском кремле было проведено специальное мероприятие среди кантонистов. Его описание сохранилось благодаря трудам того же Н.К.Баженова: «Начало его возвестил благовест Спасского монастыря и туда для слушания литургии шли стройные ряды обращенных в Православие. По окончании Божественной службы, с приличною событию торжественностью, один из обращенных, исключенный в духовное звание, кантонист из евреев Кузнецкий, произнес на еврейском языке речь... После этого все находившиеся в церкви, в разное время обращенные Евреи, выстроены были на монастырском дворе, и мимо их шествовала духовная процессия, встреченная барабанным боем похода. Потом, в стройном военном порядке, шли они за нею в здания батальонов, где процессию ожидали все вообще кантонисты. В батальонах, во время водоосвящения, было многочисленное стечение публики и народа. По окончании

²² Алексеев И. Указ. соч.

²³ Баженов Н.К. Указ. соч. – С.77–78.

его архимандрит Климент произнес речь... После проповеди было торжественное молебствие с коленопреклонением, заключившимся многолетием Государю Императору и Августейшей Фамилии... Замечателен своею оригинальностью и завтрак, данный для посетителей бригадным командиром с штаб и обер-офицерами батальонов. Он был в столовой кантонистов, во время их обеда приятно было видеть знаменитых гостей, в знак торжества Веры, беседовавших в рассаднике рядов Царской службы»²⁴. Все мероприятие закончилось гимном «Боже Царя Храни». Следует также отметить, что подобное усердие в миссионерской деятельности не осталось незамеченным вышестоящим командованием. В частности, бригадный полковник А.С.Андреев был награжден орденом Св.Владимира III степени, поощрения получили и другие офицеры бригады, проявившие себя на этом поприще.

Именно крещенные и некрещенные евреи-кантонисты, вышедшие позже в нижние чины и унтер-офицерские звания, положили начало еврейской общине в нашем городе. По сведениям на 1889 г. из них в Казани проживало 252 человека мужского пола и 220 – женского. Все они были бывшими кантонистами, либо являлись их потомками²⁵.

Казанский профессор Н.П.Загоскин в своем знаменитом «Спутнике по Казани» также отмечал: «В старые годы военное образование сводилось у нас в провинциальных городах к обучению в военно-сиротских отделениях или школах кантонистов, печальная память о которых еще слишком свежа. Розга составляла в них основу всей воспитательной системы. Все культурное значение этих школ сводилось разве только к тому, что они расплодили в Казани, из крещеных евреев, целую массу ремесленников, преимущественно портных, из которых многие и поныне доживают здесь свой век»²⁶.

²⁴ Баженов Н.К. Указ. соч. – С.83–86.

²⁵ Еврейские общины. Казань. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://base.ijc.ru/basesite/site.aspx?IID=157691&SECTIONID=157686>.

²⁶ Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. / Сост. Н.П.Загоскин. Репринт. изд. 1895 г. – Казань, 2005. – С.388.

В то же время для многих детей Казанская школа батальонов военных кантонистов стала настоящей путевкой в жизнь и, в условиях повальной безграмотности среди крестьян России, позволила найти свою достойную нишу в обществе, связала их судьбы с Казанью.

В 1855 г. в кантонистских школах по всей империи обучалось более 35 тысяч воспитанников, из них около 2 тысяч в Казани. Только после смерти императора Николая I, особым манифестом Александра II от 26 августа 1856 г. батальоны военных кантонистов, как пережиток крепостнической системы, были упразднены. Тогда же началось постепенное упразднение кантонистских учебных заведений. В 1858 г. они были преобразованы в училища военного ведомства, получившие совершенно иной характер²⁷. Казанские кремлевские казармы также пустовали недолго. В 1866 г. их заняли воспитанники пехотного юнкерского училища.

²⁷ Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауз, И.А.Эфрон. – Т.ХIV. – СПб., 1895. – С.319.

Х.З.Багаутдинова

Некоторые аспекты истории развития Казанского реального училища (1875–1900 гг.)

Одной из заметных страниц в становлении и развитии профессионального технического образования в Казани стало учреждение в городе реального училища. Его открытие было связано с возросшей потребностью Казани в инженерно-технических кадрах. Глубокие изменения, происходившие в стране, модернизация экономики, рост промышленного производства стимулировали спрос на квалифицированных специалистов со специальным техническим образованием, который не могла полностью восполнить существовавшая до 70-х гг. XIX в. сеть среднеобразовательных учебных заведений.

15 мая 1872 г. императором Александром II был высочайше утвержден «Устав реальных училищ Министерства народного просвещения». В уставе подробно регламентировалась деятельность учреждаемых училищ, их правовое положение. По своему статусу реальные училища являлись средними специальными учебно-образовательными учреждениями «второго плана», которые должны были удовлетворять основным требованиям образования городского промышленного сословия¹. В реальные училища могли поступать представители всех сословий, при условии определенной начальной подготовки и наличии десятилетнего возраста. Общая продолжительность обучения здесь длилась 6 лет. При условии имеющегося образования (домашнего или в частных учебных заведениях), соблюдении возрастного ценза и наличии необходимых познаний, после сдачи экзаменов лицо могло поступать сразу в старшие классы. Ученики гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения, удостоенные

¹ Смирнов В.З. Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX века / В.З.Смирнов. – М., 1954. – С.305.

перевода в 2–5 классы, могли поступать в соответствующие классы реального училища без экзаменов².

В соответствии с этим уставом, в крупнейших городских центрах страны должна была появиться сеть специализированных профессионально-технических учебных заведений. Интересно, что в большинстве случаев инициатива по открытию реальных училищ принадлежала не местной администрации и чиновникам Министерства народного просвещения, а городской промышленной и торговой общественности. Кровно заинтересованные в подготовке инженерных работников с широким комплексом технических знаний, без которых невозможно было обходиться в производстве, городская буржуазия активно включалась в организацию училищ, оказывая им всестороннюю финансовую и административную поддержку. Не стала исключением и Казань. Здесь, еще в начале 60-х гг. XIX века городским обществом предпринимаются попытки по организации специального коммерческого института. Для этого был введен полупроцентный сбор с заемщиков общественного банка³. В 1872 г., в связи с недостатком собранных средств для открытия и содержания в городе коммерческого института, городская дума решила использовать собранные на эти нужды средства (100 тыс. руб.) для строительства реального училища «высшего разряда».

Для обсуждения этого вопроса была организована специальная комиссия в составе известных в городе деятелей торгового и промышленного капитала П.Н. Арцыбашева, Н.К. Крестовникова, Н.Н. Булича. Комиссия полностью поддержала решение об организации в Казани реального училища, предложив, кроме предусмотренных по уставу 6 отделений, учредить еще один дополнительный – коммерческий, в котором предусматривалось преподавание предметов, необходимых для высшего экономического образования⁴. На своем заседании 2 апреля 1873 г. город-

² Правила и программы для поступления в Казанское реальное училище. – Казань, 1886. – С.5.

³ Траубенберг П. Казанское реальное училище (1875–1900). Краткий исторический очерк училища и его настоящее состояние / П.Траубенберг. – Казань: Тип. И.Н. Харитоновна, 1900. – С.4.

⁴ Там же. – С.6.

ская дума утвердила предложение комиссии. Было предложено из капитала коммерческого института использовать на организацию училища 67 тыс. рублей, остальную часть (50 тыс. руб.) оставить как неприкосновенный капитал, проценты с которого должны употребляться на содержание дополнительного VII коммерческого отделения.

Официальное открытие казанского реального училища состоялось 2 сентября 1875 г. Первоначально было открыто 3 низших класса. С августа 1877 г. начали действовать параллельные отделения II класса и основное отделение V класса, с 1878 г. было открыто основное отделение VI класса. С дальнейшим расширением количества классов и отделений возникли определенные трудности. Не имея собственного помещения, реальное училище в первые годы своего существования было вынуждено арендовать дом потомственного почетного гражданина города И.Я. Тихонова на Проломной улице (современная улица Баумана). Теснота и недостаток помещений, их непригодность к учебному процессу не позволяли расширить учебный процесс. Для выхода из сложившегося положения городской думой было принято решение о постройке отдельного здания на левом берегу р. Булак. По составленному преподавателем черчения Х.Г. Пашковым плану и смете, предусматривалось строительство нового просторного помещения училища на 500 учеников, с особыми квартирами для директора, инспектора, классных наставников, физического кабинета, актового зала. Труды по его строительству за незначительную плату (85 тыс. руб.) взял на себя известный в городе меценат – купец И.Н. Соболев. Именно благодаря его энергичной деятельности, значительным личным финансовым субсидиям, новое здание училища стало одним из крупнейших учебных сооружений города, восхищавшее казанцев своими громадными размерами и архитектурой. Его торжественное открытие состоялось 2 сентября 1879 г.

Постройка нового двухэтажного помещения училища позволила учредить в новом 1879-м учебном году общее отделение VII дополнительного класса и коммерческое отделение VI класса. Для III и IV классов было организовано 2 дополнительных

параллельных класса. С августа 1880 г. было открыто коммерческое отделение VII дополнительного класса. Основные учебные классы были организованы на верхнем этаже в просторных светлых комнатах. Там же располагался актовый зал, кабинет директора, приемная комната инспектора, рисовальный и чертежный зал. На первом этаже были открыты: физический и естественноисторический кабинеты, химическая лаборатория, фундаментальная библиотека, приготовительный класс, комнаты преподавателей, канцелярия, гардероб, помещения для обслуживающего персонала.

Одним из важнейших вопросов при организации реального училища стала проблема организации четкой системы его финансирования. По уставу, реальные училища должны были содержаться за счет средств городского общества и взимаемой платы за обучение. В разные годы плата за обучение колебалась от 30 (1875–1880) до 36 рублей (1881–1896) в год. При этом от 5 до 10% учащихся из малообеспеченных слоев населения пользовались льготой по оплате или учились бесплатно. Конечно, данные средства не могли полностью покрыть финансовые затраты училища на оплату текущих расходов, приобретение необходимой учебной и методической литературы. Ежегодные субсидии городского общества, хотя и покрывали основные расходы училища, но были явно недостаточны для обеспечения возрастающих потребностей учебного заведения в необходимых финансовых средствах. Определенным выходом из сложившейся ситуации стала организация в 1877 г. при училище особого попечительного совета, в который вошли: К.И. Романов (почетный попечитель), А.А. Лебедев, Д.С. Вараксин, И.Н. Журавлев, В.Н. Унженин, Н.К. Крестовников.

Благодаря заботе попечительского совета, в училище были созданы фундаментальная и ученическая библиотеки, приобретены: оборудование для физического кабинета, коллекция принадлежностей для рисования и черчения, географические карты и глобусы, гимнастические снаряды. Для стимулирования учеников попечительным советом вводится практика награждения наиболее отличившихся воспитанников золотыми и серебряными медалями. Для нуждающихся учеников и сирот, пока-

завших особые научные и учебные дарования, вводятся именные стипендии. В 1877 г. Чистопольским земским собранием учреждается стипендия (в размере 1800 руб.) имени председателя Чистопольской земской управы В.И. Якубовича⁵, в 1879 г. Казанским биржевым обществом было заявлено о выделении 1500 руб. для создания двух стипендий в честь «чудесного избавления жизни государя императора Александра II»⁶, в 1880 г. на собранные по подписке почетным попечителем училища К.И. Романовым средства учреждается дополнительно 20 стипендий имени Александра II⁷ и т.д. Попечительный совет берет на себя заботу по обеспечению бедных учеников необходимыми учебными пособиями, организуя для этих целей при училище специальный склад с необходимыми книгами. Благотворительная помощь нуждающимся ученикам расширяется с организацией 4 апреля 1881 г. «Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского реального училища». Члены общества берут на себя содержание наиболее бедных учеников, обеспечивая их учебными пособиями, одеждой, пищей, жильем.

К началу 80-х гг. XIX столетия Казанское реальное училище превращается в одно из крупнейших учебных заведений Казани. Прекрасный преподавательский состав, высокий уровень профессиональной подготовки, увеличение интереса к получению технического образования способствовали росту его популярности среди казанцев. Если в 1876 г. здесь получало образование 133 человека, к 1881 г. эта цифра достигла 312 человек, к концу XIX века число учащихся насчитывалось до 578 человек.

Как видно из таблицы 1, количество воспитанников училища по сословиям в разные годы было разным, но в основном это были дети дворян и чиновников, купцов и мещан, хотя к 1900 г. увеличивается количество детей крестьян, ремесленников и др. сословий.

⁵ НА РТ. Ф.426. Оп.1. Д.2. Л.13.

⁶ Там же. – Д.4. Л.1.

⁷ Там же. – Д.5.

Таблица 1

Распределение учащихся Казанского реального училища по сословиям⁸

Сословия	1876 г.		1880 г.		1885 г.		1890 г.		1900 г.	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
потомственные дворяне	18	13,5	41	13,9	47	21,3	28	9,5	3	
личные дворяне и чиновники	34	25,6	68	23,0	29	13,1	99	33,4	231	39,9
духовенство	5	3,8	9	3,0	7	3,2	3	1,0	3	0,5
почетные граждане	2	1,5	3	1,0	11	4,9	11	3,7	18	3,1
купцы	30	22,5	68	23,0	70	31,7	58	19,6	111	19,2
мещане	29	21,8	61	20,6	15	6,8	64	21,6	135	23,5
ремесленники	2	1,5	7	2,4	7	3,2	2	0,7	10	1,7
крестьяне	9	6,8	24	8,1	29	13,1	25	8,4	54	9,3
финляндские уроженцы	1	0,7	2	0,6	–	–	–	–	–	–
нижние воинские чины	3	2,3	10	3,4	6	2,7	4	1,4	12	2,2
иностранцы	–	–	3	1,0	–	–	2	0,7	4	0,6
Итого	133	100	296	100	221	100	296	100	578	100

Как видно из таблицы 2, национальный и конфессиональный состав учеников также не был однороден. Преобладающее большинство учеников составляли русские; незначительное число среди учащихся было представлено немцами, поляками и евреями.

⁸ Сведения об учениках Казанского реального училища с момента его открытия по 1 января 1890 г. – Казань, 1890. – С.3–63; Траубенберг П. Казанское реальное училище (1875–1900). – Казань, 1900. – С.40.

Таблица 2

Распределение учащихся Казанского реального училища по вероисповеданию⁹

Вероисповедание	1876 г.		1880 г.		1885 г.		1890 г.		1900 г.	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
православные	119	89,5	257	86,8	197	89,1	253	85,5	505	87,3
старообрядцы	10	7,5	15	5,1	8	3,6	14	4,7	27	4,6
единоверцы	–	–	1	0,3	–	–	–	–	–	–
лютеране	4	3,0	12	4,1	6	2,7	16	5,5	20	3,4
католики	–	–	5	1,7	7	3,2	8	2,7	10	1,7
армяно-григориане	–	–	1	0,3	1	0,5	1	0,3	–	–
иудеи	–	–	5	1,7	2	0,9	3	1,0	10	1,7
магометане	–	–	–	–	–	–	1	0,3	6	1,0
Итого	133	100	296	100	221	100	22,6	100	578	100

В казанском реальном училище практически не были представлены татары-мусульмане. Только в 1889 г. обучалось два татарина, в 1890 г. сюда поступил один татарин, в 1900 г. – шесть. Такое незначительное представительство татар связано, на наш взгляд, с общим недоверием мусульманского населения к русским учебным заведениям.

В Казанском реальном училище существовал единственный в российских среднетехнических учебных заведениях 7 дополнительный класс коммерческого отделения, где воспитанники завершали свое специализированное экономическое образование. Здесь особое внимание уделялось изучению курса по политической экономике, коммерческой географии, законоведению, химии и товароведению с химической технологией. По предложению Министра народного просвещения от 25 августа 1897 г., выпускникам этого класса было разрешено поступать в ветеринарный институт с условием сдачи экзамена по латинскому языку в объеме четырехлетнего курса гимназии.

Педагогический состав реального училища был сформирован из преподавателей среднеспециальных и высших учебных

⁹ Там же. – С.37–38.

заведений Казани, первым директором стал Александр Петрович Орлов, до этого замещавший должность руководителя Сарапульского реального училища¹⁰. По разработанному учебному плану обязательными для всех учеников предметами в училище были: Закон Божий (священник, законоучитель Варушкин), иностранные языки (французский – Бугон, Кукуранов; немецкий – Дятлов, Р. Эрасмус), история и география (Владимиров, Иванов), русский язык, логика (Н. Невзоров), черчение и рисование (Х. Пашковский), естественная история, химия (Широков), математика, физика, механика (Г. Шебуев)¹¹. Кроме того, в училище были введены занятия по музыке, которые вел регент архиерейского хора Полюбин. Руководство образовательным процессом осуществлялось педагогическим советом, в который входила дирекция и преподавательский состав училища.

Наряду с учителями важные функции по образовательной и воспитательной работе в училище осуществлялись классными наставниками и их помощниками. Классные наставники следили за надлежащим исполнением учениками заданий, осуществляли контроль за их успеваемостью, следили за дисциплиной в классах и т.д. Перед началом уроков классным наставником или его помощником собирались сведения о наличии учеников. Все сведения об успеваемости, прилежании и дисциплине учеников заносились в классные дневники, еженедельно подписываемые родителями. Особое внимание уделялось воспитанию в учениках религиозного чувства. Ежедневно перед началом учения совершалась общая молитва в актовом зале училища. Кроме того, от учеников требовалось присутствие на богослужении в церкви в праздничные дни.

В училище была создана прекрасная учебно-методическая и материальная база. Здесь имелась богатая библиотека учебной и технической литературы. Уже в 1878 г. фундаментальная и ученическая библиотеки располагали 1457 названиями книг и брошюр в 3772 томах, к 1900 г. общее количество книг достигло цифры в 5383 названий в 15 332 томах. Физический кабинет

¹⁰ После его смерти в 1889 г. на эту должность назначается Илиадор Александрович Износков.

¹¹ НА РТ. Ф.426. Оп.1. Д.17.

имел большое количество самых современных для своего времени приборов, позволяющих на высоком уровне проводить практические занятия по техническим предметам, ставить физические опыты. Так, для кабинета в разные годы были приобретены: проекционный аппарат Дюбосна, насос Бианки, телефон Адера, динамоэлектрическая машина, машина Морена, диаманитный прибор, две машины Женнер-Гольца, универсальный световой прибор Розенберга, опытная электрическая станция. Естественно-исторический класс располагал обширной коллекцией по минералогии, ботанике, зоологии.

Всего в Казанском реальном училище к 1899 г. получили аттестат об окончании полного 6-летнего курса обучения 337 выпускников, курс шести классов в коммерческом отделении закончили 104 выпускника. Окончили курс общего дополнительного класса 242 человека, коммерческого отделения – 47¹². Многие из воспитанников училища после его окончания поступили в высшие технические учебные заведения, пополняя число квалифицированных технических и инженерных работников предприятий Казани и других городов страны.

Конец XIX – начало XX вв. становится для Казанского реального училища периодом наивысшего расцвета. Здесь был накоплен уникальный опыт обучения по подготовке специалистов технической сферы, разрабатывались новые инновационные методы работы на промышленном производстве, сыгравшие важную роль в техническом переоснащении и индустриализации предприятий города.

¹² Траубенберг П. Указ. соч. – С.85.

Е.А.Вишленкова

Университетский человек и время¹

В данной статье я обобщила наблюдения, сделанные в ходе изучения университетской культуры России XIX века. Оно убедило меня в том, что отечественный университет сформировался и существовал как институционально и идеологически объединенное микросообщество. Его главная функция – производство элит – не позволила рекрутированным в него людям превратиться в членов эзотерической группы под названием «ученое сословие» (определение из университетского устава 1804 года). Культура университетской корпорации обрела специфические черты, отличающие её не только от «неучей», но и от «академиков», а также от «неинституционализованных» интеллектуалов. Особые отношения со временем и пространством являются одной из характерных ее черт и образуют своего рода внутреннюю границу, отделяющую университетариев от прочих россиян. В самом общем виде их можно выразить так: за исследуемое время профессора сделали Время равноправным участником (то есть субъектом) корпоративной коммуникации и наделили Пространство признаками объектности.

При описании своих наблюдений я использую термины «время» и «пространство» в двух качествах: 1) как систему координат, в которые помещена и которыми размечается жизнь данной социальной группы, как измерение всех аспектов её социального опыта и практик, и 2) в качестве культурных универсалий. Соответственно, речь идет о «социальном (университетском)» времени и о «культурном времени» университетского человека. Последнее я рассматриваю не как продолжительность взаимодействия, а как сеть форм и элементов мировоззрения, использование которых создаёт возможность изучения имперсонального феномена. Э.Дюргейм и его последователи изучали социальное время как отражение социального разнообразия и концептуальную сегментацию. В их интерпре-

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда Gerda Henkel Stiftung (проект AZ 02/SR/08).

тации оно состояло из «репрезентаций» или «категорий», связанных с группами и различными «ритмами» социальной жизни².

Как направление исследований, антропология времени рождалась в науке в эпоху поляризации ее парадигм. В результате этого оно совместило дихотомные подходы. Сегодня оно развивается между признанием темпорального разнообразия и гетерогенности («личное время», «локальные времена»), с одной стороны, и темпорального единства и гомогенности («прошлое», «настоящее», «будущее»), с другой; между концепциями времени, составленного из «атомистических» единиц (секунд, минут, часов, сезонов и т.д.), и времени как движения и «неопределенности» (периодизация, повторяющиеся процессы, «ритмы», скорости)³. Постепенно стало ясно, что время можно изучать как дисциплинирующую практику (средство координирования деятельности людей через соответствующие медиумы – часы, хронометры, календари, расписания, письменную фиксацию событий и темпоральные предписания) или как культурное измерение (через его восприятие, ощущение и оценку, речевое и символическое выражение).

Введение в исследование данной аналитической категории позволяет сместить внимание со времени и пространства как общечеловеческих координат жизни на специфическое «университетское» время и его артикуляцию в данной культурной среде. В этой связи я изучаю концептуализацию темпоральных и пространственных понятий и их нарративного тезауруса, то есть интерпретирую университетское сообщество России XIX века в терминах антропологии, где время рассматривается в связи с действием, акторами и пространством.

Описание свойств университетского времени и его восприятие я вывожу из анализа письменных текстов, созданных

² Pepper S. The order of time // The Problem of Time. – 1935. – № 18. – P.3–20; Mauss M., Beuchat H. Essai sur les variations saisonnieres des societes Eskimos // Sociologie et anthropologie. – Paris, 1968. – P.389–475.

³ Zarubavel E. Hidden Phythms. Schedules and Calendars in Social Life. Berkeley, Los Angeles, London, 1981; Zarubavel E. The Standardization of Time: A Sociohistorical Perspective // American Journal of Sociology. 1982. Vol.88, № 1. P.1–23; Munn N.D. The cultural anthropology of time: a critical essay // Annual Review Anthropology. – 1992. – № 21. – P.93.

университетскими людьми и для них в России XIX века. Для нужд исследования их можно разделить на две группы: «дисциплинирующие» (законы, указы, постановления, инструкции, предписания, распоряжения, расписания), то есть позволяющие реконструировать пространственно-временные условия жизни; и «парадигмальные», в которых мы можем выделить структуры мышления и рецепцию, то есть выявить коды университетской культуры (дневники, письма, мемуары, некрологи, протоколы заседаний профессорского совета, материалы публичных защит, корпоративные самоописания в виде «историй университетов»).

Заранее оговорюсь, что выдвинутый в первых строках данной статьи тезис работает отнюдь не на всем протяжении XIX века. Созданные в 1804 году в четырех городах России ученые корпорации поначалу разделяли темп жизни и отношение ко времени городских обывателей. С точки зрения современного человека жизнь тогда текла весьма неспешно. Её темпоральные определения носили локальный характер, размечаясь солнечными или механическими часами. Регулируемое часами культурное пространство было сегментировано конфессиональными и социальными границами, а физическая локализация университетских людей в городе четко делилась на зону проживания и место службы.

Несмотря на звонкое определение, подобно всем служащим империи ученое сословие было включено в общий «Табель о рангах». Соответственно, продолжительность их пожизненной службы была задана законодательными документами, исходящими от правительства. В уставных документах были очерчены и границы учебного округа, то есть пространство служебной деятельности университетского человека. До 1837 года учебный округ был реальным участником коммуникаций: университетские преподаватели ездили в гимназии и училища на визитации, получали письма учителей, реально встречались и беседовали с учениками, обсуждали единые учебные пособия, а также успехи обучения в правлении, профессорском совете, цензурном комитете и научных обществах. Огромное пространство империи, поделенное всего на шесть округов (Казанский, например, охватывал территорию от Нижнего Новгорода до Дальнего Востока), разброс училищ на карте империи, труднодоступность мест, в которых они нередко находились, делали это общение

сверхзатратным и в денежном, и в физическом, и во временном отношениях. Причем, в силу нечеткости и непредсказуемости путей сообщения, определить объем затрат не представлялось возможным.

Ситуация стала меняться в ходе латентной реформы университетского образования 1820-х годов. Это было время перекодирования идеи университета. Западная Европа и Россия поразному прошли через него. Наполеоновская Франция дала миру пример отдельной институционализации науки и обучения (академия и институты). А активность А.Гумбольдта создала новый тип университета в Германии, расколов более менее гомогенное университетское пространство на «классическую» и «модерную» зоны.

Восприятие этих процессов в России проходило в контексте становления национализирующего дискурса и сознания. Примечательно, что «университетские истории» в Западной Европе (то есть кризис и реформы университетов) породили у значительного сегмента российских элит разочарование в самой идее университета. Это проявилось в служебных «записках» с предложениями отказаться от университетской системы вообще, дебатах в министерстве народного просвещения и, наконец, привело к ревизиям и последующим «обновлениям» высших школ Казани, Харькова и Петербурга. Их суть состояла в модернизации и национализации университетов. Следствием этого стало появление «русских», «польского» и «немецкого» университетов в империи, а также соединение в них двух процессов: производства и трансляции знания.

В 1830-е годы занятие научными исследованиями, а также интерактивная работа со студентами вошли в служебные обязанности университетского человека. В связи с этим определить и законодательно установить темпоральные условия службы профессора вновь оказалось невозможным (хотя и по другим причинам). Стремящееся упорядочить и дисциплинировать деятельность всех служащих в империи, правительство оказалось бессильным установить четкие временные границы для деятельности преподавателя. В распорядительных текстах удалось отмерить только объем учебных занятий и ввести наказания за их нарушения. В начале XIX века преподаватель в среднем читал две или три двухчасовые лекции в неделю, один час

посвящал «наставлению кандидатов» (своего рода аспирантов)⁴. В 1830-е годы нагрузка возросла до восьми часовых лекций⁵. Порицанию подвергались те, кто «самопроизвольно располагает учебным временем»⁶.

По условиям, прописанным в уставе 1835 года, университеты перестали объезжать учебные заведения округа. Это, с одной стороны, замкнуло их жизнь в пределах города, получившего на ментальной карте империи статус «университетского», а с другой, способствовало развитию текстуальных форм просветительской деятельности, обращенных к региональным обществам и локальным культурам. Это обстоятельство сделало грань между служебной и частной жизнью университетского человека еще более пористой. Её удержание отныне требовало специальных усилий и нередко воспринималось коллегами негативно – как разрушение этоса просвещения.

Реформы середины XIX века вовлекли российские университеты в иные социальные и политические отношения. Они породили иллюзию того, что «для управления обновленной страной понадобятся новые, настоящие знания о населении, о законах общественного, экономического и политического развития»⁷. В связи с этим значительная часть времени университетского человека второй половины столетия оказалась занятой не только наукой, но и участием в гражданских инициативах, общественных организациях, земских, городских и представительных органах самоуправления.

Историко-социологический подход к изучению университетского времени был применен мною в книге «Terra Universitatis:

⁴ Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов 1804 года // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т.1. – СПб., 1873. – Стб. 301–302.

⁵ Общий устав Императорских Российских Университетов 1835 года // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т.2. – Ч.1. – СПб., 1873. – Стб. 982.

⁶ Национальный архив Республики Татарстан. Ф.92. Оп.1. Д. 1513 «Ведомости о происшествиях в Казанском университете 28 апреля 1822 – 20 мая 1826 года». – Л.48.

⁷ Могильнер М. Homo imperii: история физической антропологии в России (конец XIX – начало XX в.) / М.Могильнер. – М., 2008. – С.16.

два века университетской культуры в Казани»⁸ и использован при анализе архива Казанского университета в диссертационных исследованиях Т.Костиной⁹ и Л.Сазоновой¹⁰. О социальном времени университетского человека в Москве XVIII века писали И.П.Кулакова, В.В.Хорошилова, Л.Б.Пономарева¹¹, а применительно к профессорам конца XIX – начала XX веков Т.Мауер¹². Каждый из нас стремился выявить специфические особенности темпорального распределения социальных функций данной группы.

Вторая сторона данной темы – восприятие времени профессором и себя в нём – еще не была предметом изучения историков российских университетов. Документальной основой для её анализа могут послужить персональные тексты, большую часть которых составляют дневниковые и мемуарные свидетельства. При работе с ними исследователю приходится постоянно иметь в виду свою зависимость от сохранившегося (являющегося результатом отсева и отбора) источникового комплекса, и особенно от использованных в нём текстуальных стратегий нарративного и культурного самопонимания¹³, а также от университетских практик запоминания¹⁴.

⁸ Вишленкова Е.А. и др. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани / Е.А.Вишленкова, С.Ю.Малышева, А.А.Сальникова. – Казань, 2005. – С.312–321.

⁹ Костина Т.В. Мир университетского профессора Казани. 1804–1863: Дисс. ... канд. ист. наук / Т.В.Костина. – Казань, 2007.

¹⁰ Сазонова Л.А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1918: Дисс. ... канд. ист. наук / Л.А.Сазонова. – Казань, 2009.

¹¹ Университет для России. Т.1–2 / Ред. В.В.Хорошилова, Л.Б.Пономарева. – М., 1997, 2001; Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. – М., 2006.

¹² Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. – Koeln–Weimar–Wien (Boehlau), 1998 (Beitraege zur Geschichte Osteuropas 27).

¹³ Markowitsch H., Welzer H. Das uatobiographische Gedachtnis. Hirnorganische Grundladen und biosoziale Entwicklung. – Stuttgart, 2005. – S.215–224.

¹⁴ Zarubavel E. The Rigid, the Fuzzy, and the Flexible: Notes on the Mental Sculpting of Academic Identity // Social Research. – 1995 (62). – P.1093–1106; Zarubavel E. Language and Memory: 'Pre-Columbian' America and the Social Logic Periodization // Social Research. – 1998. – Vol.65. – № 2. – P.315–330.

Так, в случае, когда мы погружаемся в тексты памяти профессоров, важно помнить, что в данном случае читатель имеет дело со специфической рефлексией реальности, которая прошла через фильтры просветительского проекта. Его ценности, идеалы, основные постулаты отчетливо видны в мемуарных и эпистолярных свидетельствах, а нередко являются их главной целью и структурой. В этом отношении персональные тексты университетских людей могут быть рассмотрены в качестве нарративного средства ритуального переутверждения ценностей.

Поскольку в идеологии Просвещения университету отводилась роль двигателя социального прогресса, активное участие в монологах его служителей принимает категория «будущее». От его имени и в его интересах действовали просветители первой половины XIX века; к нему готовились и его приближали вверенные их попечению студенты. «Всё соединилось к тому, чтобы предвещать человечеству новую и великолепную будущность», – предсказывали университетские интеллектуалы¹⁵. В этой связи наука, распространением и производством которой занимались профессора, к которой они «приуговлявали» своих воспитанников, намеренно противопоставлялась современной (то есть «текущей» и «изменчивой») политике и даже брэнной действительности. Этос «науки» служил не столько настоящему, сколько готовил наступление лучшего будущего. Поэтому в созданных летописях российских университетов описываются разные «прошлые времена» («тяжелое», «скудное», «былое», «прошлое», «старина», «старое время»), но все они повествуют о едином и неделимом «будущем времени».

В контраст их оптимизму и мажорности, в целом ряде мемуаров второй половины столетия будущее университета с предикатом «скорое» образует противоположную категорию: оно фигурирует в качестве негативного знака угрозы и ухудшения. Оно виделось современникам результатом вытеснения российских интеллигентов из пространства политики и сферы

¹⁵ Чичерин Б.Н. Студенческие годы. Москва сороковых годов // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917) / Б.Н.Чичерин. – М., 1989. – С.375.

социальной активности¹⁶. Ему надо было противостоять, стараться изменить.

Впрочем, кроме общекорпоративной специфики мемуарного письма, в нем есть особенности изложения, порожденные научной специализацией автора. Представители точных и естественных наук предпочитали вести своего рода хронику университетской жизни, называя в ней имена коллег и учащихся, фиксируя календарные числа, детально описывая места действий. Время в данных текстах буквально тикает датами. В отличие от протокольных свидетельств «естественников», из-под пера гуманитариев выходили сюжетные рассказы об университетской повседневности «вообще». В них время образует своего рода культурную среду повествования. Не претендуя на точность собственной памяти, историки, филологи, философы предупреждали читателя, что их записи – всего лишь продукт воображения на тему университета¹⁷.

В комплексе текстов, созданных от имени студентов, университет определяется не столько как пространство жизни корпорации, сколько как один из возрастов интеллектуала, совпадающий с границами его физиологической молодости («таким образом распростился я с университетом и вынес из этого времени много отрадного») ¹⁸. Видимо поэтому многие сборники таких воспоминаний структурированы по «поколениям» («из истории студенческих беспорядков», «студенчество на перепутье», «дореволюционное русское студенчество»¹⁹). В мемуарах бывших воспитанников (как правило, в момент письма довольно пожилых людей) студенческая жизнь описывается эмоционально и в категориях детства («время пребывания в университете и теперь

¹⁶ Ковалевский М.М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века / М.М. Ковалевский // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). – М., 1989. – С.491.

¹⁷ Там же. – С.485.

¹⁸ Бестужев-Рюмин К.Н. Воспоминания / К.Н.Бестужев-Рюмин // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). – М., 1989. – С.371.

¹⁹ Памяти русского студенчества конца XIX – начала XX веков: Сб. воспоминаний. – Париж, 1934.

живо представляется в моей памяти»²⁰, «на первых шагах в университете», «ему я обязан первым своим философским развитием»; «прошло более сорока лет, я уже старик; но и поныне с удовольствием, даже с увлечением вспоминаю о беззаботном и счастливом времени студенчества»²¹ и т.д.). Еще одна особенность студенческих воспоминаний состоит в том, что из доминирующих в русской мемуаристике матриц – описывающих жизнь либо как путь к Спасению («агиография»), либо как рассказ о перенесенных страданиях («исповедь») – бывшие учащиеся выбирали повествование о перерождении в стиле автобиографии Ж.-Ж.Руссо²². Соответственно, для вступающего в него юноши университет оказывался временем и местом духовного крещения («лекции этого профессора оказали на меня громадное влияние и произвели в моей духовной жизни решительный поворот»²³).

Темпоральность в целом внутренне присуща университетскому письму: дневники имеют поденные записи, организованные согласно протяженности дневных событий и их распределению внутри академического года; а мемуары выстраиваются как восходящая линия жизни, тянущаяся от биологического рождения через интеллектуальное перерождение в университете к бесконечной славе и вечной памяти корпорации и соотечественников. Замечательно, что это относилось не только к студентам и профессорам, но и к любому служащему университета («инспектором в то время был человек, о котором у всех старых студентов сохранилась благоговейная память»²⁴). Время придавало рассказу направление и смысл.

²⁰ Ничпаевский Л. Воспоминания о Харьковском университете. 1823–1829 годы / Л.Ничпаевский // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Т. 1. – Харків, 2008. – С.57.

²¹ Оже-де-Ранкур Н. В двух университетах (Воспоминания 1837–1843 годов) / Н.Оже-де-Ранкур // Русская старина. – 1896. – Т. 86. – № 6. – С. 582.

²² Morrissey S.K. Heralds of Revolution. Russian Students and the Mythologies of Radicalism. – New York, 1998. – P.5.

²³ Костомаров Н.И. Студенчество и юность. Первая литературная деятельность / Н.И.Костомаров // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Т.1. – Харків, 2008. – С.57, 180.

²⁴ Чичерин Б.Н. Указ. соч. – С.376.

Теперь от текстуальных особенностей перейду к изложению результатов анализа свидетельств данных источников:

1. В антропологии времени университетского человека очевидны следы темпоральных представлений разных социальных групп: бюрократической «линейности», ученической «циклическости» и священнической «бесконечности», связанной с представлениями о «бессмертии».

Для всех служилых людей в Российской империи, в том числе для профессоров, была важна «долговременная беспорочная служба» – категории, в которых достоинство обреталось приращением срока пребывания в должности, профессиональным долгожительством, а не личными заслугами. В начале XIX века, прослужив 25 лет, преподаватель получал право на «полную» пенсию (когда размер выплат равнялся годовому окладу). За каждые последующие 5 лет службы ему добавлялась 1/5 часть пенсии»²⁵. У «заслуженного профессора» была привилегия: он мог продолжать службу и получать при этом полную пенсию. Остальным приходилось выбирать: либо пенсия, либо оклад²⁶. С 1835 года половинный «пенсион» можно было получить за 25-летнюю выслугу, а полный – за 35 лет службы. Вместе с тем, правительство заверило, что будет допускать продолжение службы заслуженных профессоров только в виде исключения.

Все служилые люди в империи стремились обрести как можно большую «выслугу» и при этом не надорвать здоровье на казенной ниве. Однако, если чиновник, как правило, не был защищен корпоративной поддержкой и нёс персональную ответственность за выполнение служебных поручений, то в университете ситуация была иная. Отсутствие преподавателя на занятиях (из-за болезни, пьянства, домашних обстоятельств или поездки «по казенной нужде»), как правило, покрывалось перераспределением его обязанностей среди коллег.

С одной стороны, это защищало и при благоприятном раскладе позволяло заниматься научными исследованиями. А с другой – такая практика поощряла иждивенчество. В результате

²⁵ Научное наследство. Т.12: Новые материалы к биографии Н.И.Лобачевского / Сост. Б.В.Федоренко. – Л., 1988. – С.249.

²⁶ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т.II. – Отд.I. – СПб., 1875. – С.991.

университетская корпорация изобиловала физически слабыми и престарелыми людьми. Молодые люди с хроническими заболеваниями, считавшие себя непригодными для военного или чиновного поприща, видели в преподавании и науке единственную возможность для государственного применения («я боялся вступить в гражданскую службу по слабости здоровья; боялся оставить свои ученые занятия»²⁷). Предполагалось, что периоды вынужденного отсутствия преподавателя на занятиях, а также перерывы в научных исследованиях будут скомпенсированы после выздоровления. Так осуществлялся индивидуальный выход за пределы социального времени. Обладавшие богатым опытом такого маневрирования, пожилые профессора добивались удлинения срока службы сверх нормы, воспринимая её как необременительное получение дополнительных выгод (увеличение суммы пенсии, сохранение оклада, столовых денег или казенного жилья) за счет согласия коллег взять на себя часть их обязанностей. Право на это аргументировалось ссылкой на воспроизводящую себя традицию и аналогичные тяготы, перенесенные в молодости.

В норме наличие в корпорации людей разных возрастов, представителей нескольких поколений является системным свойством университета. Оно обеспечивает передачу исследовательского и преподавательского опыта в режиме «из рук в руки» или «лицо к лицу». Однако, естественное тяготение «ученого сословия» к «старению» и слабость, а то и отсутствие встречных механизмов его «омоложения» приводили в ситуации невнимания к университету верховной власти к застою и кризису. «В то время, – вспоминали выпускники, – между профессорами было еще много монстров, остававшихся от старого времени. Такими допотопными созданиями наполнены были словесный и юридический факультеты; им давали время на выслугу полного пансиона»²⁸.

²⁷ Степанов Т.Ф. Из «Автобиографии» / Т.Ф.Степанов // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Т. 1. – Харків, 2008. – С.50.

²⁸ Михайлов И.И. Казанская старина. Из воспоминаний / И.И.Михайлов // Русская старина. – 1899. – № 11. – С.109.

Когда нарушения поколенческого баланса в университете становились уж очень вопиющими, часть корпорации сама просила власти силой закона ввести возрастные ограничения для пребывания профессоров на службе. «...Гласное суждение в Совете о достоинстве своего сочлена, – признавались они в собственной неспособности решить проблему, – оказывается на деле весьма неудобным, и поэтому, вопреки глубокому убеждению членов университета, преподаватели остаются на своих местах с явным ущербом для пользы науки, препятствуют даровитым молодым людям поступать на убылые места и с новыми силами действовать ревностно для блага народного просвещения на занятых ими кафедрах»²⁹.

Живущие в условиях иной корпоративной культуры, чиновники скептически, а иногда и резко негативно воспринимали тяготение университета к геронтологическим моделям жизни («если мы судить людей будем только по давности университетского сожития, то и никогда не приведем университета в цветущее состояние»³⁰), и периодически объявляли акции борьбы с ними. «Прослужившие усердно 25 лет в звании Профессора, – убеждало современников министерское предписание, – требующем неперестанного внимания и напряжения и достигаемом усиленными занятиями с самых юных лет, по большей части чувствуют уже изнурение умственных и телесных сил, препятствующее им следовать внимательно за ходом усовершенствования наук и исполнять обязанности с точностью и желаемым успехом»³¹. Правительство рекомендовало университетским советам не просить министерство об исключениях (являющихся правилом) для заслуженных профессоров и заботиться о подготовке на профессорские звания способной молодежи.

Однако, несмотря на понимание пагубности ситуации, в моменты «зачисток» связанная круговой порукой корпорация оборонялась против них и лишь в случае крайней необходимости

²⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. Ректор. Д.1244. Л. 1–1 об.

³⁰ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Лобачевского КГУ. Ед.хр. 4777 «Письма М.Л.Магницкого ректору Г.Б.Никольскому». Письмо №7 от 20 января 1822 года. Л.3.

³¹ О дополнительных правилах относительно поручения Заслуженным профессорам кафедр в Университетах и других высших учебных заведениях // Сборник постановлений... – Т.2. – Ч.1. – Стб. 624.

жертвовала некоторыми своими членами. Как только буря правительственного негодования стихала, всё восстанавливалось в прежнем виде. Не имевшее естественных механизмов саморегулирования, российское ученое сословие быстро возвращалось к геронтологическим проблемам и нормам. Со своей стороны, правительству не хотелось вмешиваться во внутрикорпоративные отношения и получать от престарелых профессоров обвинения в удушении российского просвещения. К тому же ради общего правила политической власти пришлось бы отказаться от услуг исключительных ученых, имеющих мировую известность, и коим министерские чиновники второй половины XIX века нередко были обязаны началом собственной карьеры. Поэтому, как правило, власти предпочитали оставлять этот острый вопрос на саморазрешение.

Еще одна особенность восприятия времени у профессоров была связана с преподаванием. В качестве учителя университетский человек ощущал цикличность собственной жизни. Повторяемость учебных ритуалов рождала ощущение стабильности и неизменности времен («как и сто лет назад в стенах университета звучат...»; «Эти лекции Шевырев неизменно повторял каждый год, даже с теми же примерами», – вспоминали студенты³²). Всё это воспринималось как положительное качество, но лишь до тех пор, пока жизнь города или страны в целом не вступали с ней уж в слишком резкое противоречие. Так, в условиях усилившейся динамичности общества 1860-х годов университетская неизменность стала ассоциироваться с «безвременьем». Тогда даже бывшие выпускники, склонные добродушно описывать старушку альма матер, признавались в том, что отвлеченные лекции были мало связаны с реальностью.

Цикличность школьной жизни отразилась в специфических обозначениях временных отрезков и в характерном для университетского человека способе описывать «количественное время». Для сравнения напомним, что население Российской империи отмеряло время «гражданскими» (то есть календарными) годами и 60-минутными часами, а университет говорил, писал и

³² Афанасьев А.Н. Московский университет (1844–1848) / А.Н.Афанасьев // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). – М., 1989. – С.259.

мерил своё существование «учебными» годами и изменчивыми (от 60 до 120 минут) «академическими» часами.

В начале XIX века учебный год в различных университетах Российской империи начинался в разные сроки. Например, в Казанском он брал начало в середине августа и заканчивался годичными экзаменами 10 июля. Во второй половине столетия академический год по всей империи был унифицирован: начинался 1 сентября и закрывался 21 мая. Вакационным был период с 21 декабря по 12 января и с 10 июня по 20 августа (с 1835 года – по 22 июля)³³. Год делился на «полугодия», а учебная неделя состояла из шести дней по восемь занятий в каждом. В начале XIX века они начинались в 7.15 по местному времени, а с 1840-х годов – в 8 часов утра «по Петербургу» (по «пулковскому времени»).

Полный цикл обучения по уставу 1804 года составлял три года на всех факультетах, кроме медицинского (будущие врачи учились четыре года). В реальности срок обучения был плавающим. «В те времена, – вспоминал выпускник Харьковского университета, – студенты оставались в университете по десяти и более лет; они посещали все факультеты и курсы, а чаще вовсе не ходили на лекции»³⁴. Устав 1835 года потребовал от университетов жесткого контроля за временем и качеством изготовления специалистов. В результате его введения студенты всех специальностей стали учиться четыре года, а медицине – пять. Индивидуальное растяжение цикла стало скорее редкостью, чем правилом.

В середине 1880-х годов была сделана официальная попытка сломать цикличность учебной жизни. Тогда студентам была предоставлена возможность самим определять срок обучения (в том числе получать диплом посредством экстерната), время занятий и экзаменов. Но уже в 1890-е годы всё вернулось на круги своя, а эксперимент был признан неудачным, оставив по себе память о «вечном студенте».

Растущая интенсивность преподавательского труда сопровождалась увеличением времени, отданного в свободное распоряжение. Поначалу безоговорочного права на ежегодный отпуск профессор не имел. Разрешение на него давал Совет «...только

³³ Общий устав Императорских Российских Университетов 1835 г. // Сборник постановлений... – Т.2. – Ч.1. – Стб. 984.

³⁴ Ничпаевский Л. Указ. соч. – С.59.

по самым необходимым обстоятельствам просителя» и не более чем на 28 дней³⁵. По уставу 1835 года все профессора получили ежегодный отпуск в 30 дней, который можно было взять во время летних каникул с разрешения ректора. Кроме того, мог быть предоставлен отпуск на срок от одного до четырех месяцев с разрешения попечителя. Если же профессор отлучался из университета на срок более четырех месяцев, то он увольнялся от службы с правом вернуться на нее³⁶.

Поскольку, в отличие от чиновника, служба профессора не была жестко привязанной к присутственному месту, затраченное им время с трудом поддавалось измерению и административному контролю. К тому же, после утверждения в России современного типа университета, преподаватель уже не мог ограничиться зачитыванием учебного пособия. Он нуждался в длительной подготовке к лекциям, разработке просеминаров и диспутов, ему требовалось время для составления отчетной документации, для проведения научных исследований и описания их результатов. При этом многими видами деятельности профессора занимались не в кабинетах, а дома («я дорожил временем для своих домашних занятий»³⁷).

У многих современников (особенно у тех, кто по долгу службы должен был управлять просвещением) это создавало впечатление праздного образа жизни профессоров. Аргументом в пользу этого служило действительное присутствие в университетской среде тех, кто не удержался от соблазна воспользоваться бесконтрольностью служебного времени. Другое дело, что они являли собой контраст той части корпорации, которая в силу взваленных на себя обязанностей и высокой ответственности не имела свободного времени вообще. «Профессору дозволяется отдохнуть в вакационное время, – признавались они. Но может ли он действительно пользоваться этим отдыхом, когда с одной стороны ему предстоит годичный курс, требующий подготовки, а с другой общество и самая привязанность к

³⁵ Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. – СПб., 1901. – Стб. 64.

³⁶ Свод законов Российской империи. – Т. 3. – Стб. 76–78.

³⁷ Степанов Т.Ф. Указ. соч. – С.46.

науке требуют постоянных занятий?»³⁸. В XIX веке интенсивность работы профессора в провинциальном университете была выше, чем в столичном. Чтобы быть успешным ученым в условиях скудной научной библиотеки и ограниченной экспериментальной базы, харьковчанам и казанцам приходилось тратить больше денег и энергии, чем их московским и петербургским коллегам. «Я прилагал все усилия, чтобы не отставать от своей науки при быстром ходе ее к усовершенствованию, – признавался харьковский хирург... Я мог только через неусыпную деятельность оставаться нечуждым учености Европы, но всего должен был достигать двойными трудами»³⁹.

Впрочем, поскольку ни одна профессорская корпорация не была единой в своих этических ценностях и темпоральной организации жизни, при анализе их антропологии уместно воспользоваться предложением Э.Дюркгейма и отличать социальное время от персонального в жизни человека⁴⁰. На бытовом уровне в XIX веке темпоральная протяженность сегментировалась не часами, а неделями. Обыватели отсчитывали количество семидневок, чтобы сообщить время нахождения в пути, доставку почты, дорожный срок, затраты на выполнение служебного поручения. Это характерно и для персональных текстов университетских людей при описании частной (но не служебной) жизни.

Другой пример различия социального и персонального в отношении университетских людей ко времени даёт делопроизводственная документация. Судя по содержащимся в ней заявлениям, в корпорации ценилось уважительное обращение с «чужим» временем. Пунктуальность ставилась в заслугу или в упрек и служила серьезным основанием для оценки коллег. Вместе с тем, на факультетских заседаниях постоянно рассматривались вопросы «трудовой дисциплины» и профессиональной этики: профессора и адъюнкты частенько опаздывали на лекции

³⁸ НА РГ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 4552, Л. 1–1об.

³⁹ Еллинский Н.И. Автобиографическая записка / Н.И.Еллинский // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Т. 1. – Харків, 2008. – С.56.

⁴⁰ Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. – London, 1915. – P.441.

и корпоративные мероприятия, задерживали отчеты и выполнение работ, заставляя студентов и коллег ждать и тратить время впустую. Такая дезорганизация оправдывалась необходимостью нести одновременно разнородные обязанности – проводить научное исследование, осуществлять учебную практику и выполнять административные поручения. В реальности же университетские люди делились на тех, кто отнюдь не переусердствовал в служебном рвении; кто всё время посвящал чему-либо одному; и тех, кто наполнял его множеством дел, становясь заложником собственного ускорения («отец был очень увлекающийся человек. С жаром и любовью он одновременно занимался наукой, газетой, археологией, искусством»⁴¹).

Занимаясь наукой, университетские профессора ощущали себя исторической ценностью и репрезентировали это через выход за пределы исторического времени («его деяния останутся в веках», «благодарные потомки оценят», «современники не поняли значимость его открытия»). При таком самопонимании момент обретения ученой степени образовывал «разрыв» в персональной биографии. Не случайно мемуаристы и прославляющие ушедшего профессора коллеги осмыслили его пребывание на земле, разделенным на два периода: на «подготовительный этап» и «научную жизнь». Период «до» защиты диссертации описывался как малозначимый для истории, а вот протяженность «после» обретения степени включала в себя посмертное бытование имени и нетленность идей ученого. Вероятно, ощущение разрыва поддерживалось еще и реальными изменениями в характере занятий и частной жизни университетского человека, обретшего профессорский статус.

В контраст прославительным текстам, обращенным «во внешний мир», на закрытых корпоративных заседаниях профессора говорили о тленном: недолговечность академической поддержки оказывалась признаком «лженаучности» или некачественности научной продукции («пустоцвет не продержался и одного года»). Даже сама краткость научной жизни служила аргументом в борьбе с инакомыслящими и иноверцами. Именно поэтому ранний уход из научного сообщества (в качестве протеста или преждевременной

⁴¹ Загоскина О.Н. Воспоминания о Николае Павловиче Загоскине / О.Н.Загоскина. – Казань, 2002. – С.7.

смерти) интерпретировался как слабость или несчастье ученого. Считалось, что «подлинный» талант всегда пробьётся, а если ученый не реализовался, то у него и не было на то дарований. В этой связи переход (даже конфликтный) профессора в другой университет и последующая успешная карьера рассматривались его конкурентами как умысел, образующий континуитет научной биографии (даже если ученый считал это трагическим разрывом в собственной судьбе).

Университетские люди осмыслили свой корпоративный опыт, формулируя ежедневное взаимодействие в терминах «большой длительности». Тема «раньше и сейчас» – сквозная для созданной ее представителями мемуаристики. «Нынешние студенты заведомо хуже их предшественников, а старое поколение профессоров, конечно же, лучше современных молодых преподавателей» – это один из тропов университетского сознания, зафиксированный в протоколах факультетских заседаний. При этом автобиографические рассказы педагогов полны анекдотами о собственных студенческих шалостях, срывах занятий, сопротивлении власти преподавателей. Очевидно, такие универсальные и вневременные тропы поддерживали ощущение протяженности и непрерывности университетской культуры, ее повторяемости и неизменности.

Цикличность университетской жизни усиливала данную иллюзию. В принципе, у студентов была даже возможность вернуться в иллюзорное прошлое: проучиться тем же предметам второй год подряд или вернуться на учебу в университет после исключения. При долговременном пребывании в стенах одного учреждения профессор оказывался лишен эффекта «совместного старения» в корпорации. Молодые коллеги и сменяющиеся поколения студентов создавали у него чувство детемпорализации: вечного существования университета и себя в нём. В этом отношении возможность ученых из прошлых времен и потомков из будущего участвовать в настоящем органично вписывалась в сознание университетского человека. Он осмыслил корпоративную жизнь в терминах «истоков» и «исхода», воздавал должное научным предшественникам, обращался не только к современным слушателям и читателям, но и к будущим интеллектуалам. Постоянно звучавшие в стенах университетов слова «прошлые поколения», «современники», «потомки», «преемники», «учени-

ки» создавали эффект непрерывности и образовывали вневременную перспективу. Такая интерпретационная модель погружала реальное социальное время в процесс, где люди активно создавали intersubjectность и вызывали чувство совместной жизни времен в «живом настоящем».

Таким образом, детемпорализованная цикличность учебной жизни, соединившаяся с идеей поступательного научного прогресса, растянула линейное время «чиновника на nive просвещения» и вывела его за пределы человеческой жизни. Это отразилось на складывании особой университетской космогонии и возникновении имперсонального времени. Их следы исследователь может обнаружить не только в риторических формулах, но и в ненарративных практиках профессорской жизни (например, в пространственных выступлениях («словесных постановках») на заседаниях ученого совета, в трепетном отношении к личному и корпоративному архивам, в стремлении вести дневники или писать воспоминания о себе как об ученом и просветителе).

2. Прочтение «парадигмальных» текстов, рожденных в университетской среде, позволяет заметить наличие характерного для данного сообщества языка самоописания. Категории времени и пространства образуют в нем устойчивую дихотомию.

Время очеловечивалось, что отражается в речевых тропах «время пришло», «время требует», «время смягчает», «настал момент», «время неумолимо сокращает», «время застыло», «наступило время экзаменов», «время помогает избавиться». Если университетскому человеку что-то не удавалось сделать, то он никогда не писал о невозможности или собственной неспособности реализовать это. Виноватым всегда оказывалось время, вернее, его «краткость» или «нехватка». В этой связи для описания университетской активности чаще всего использовались глаголы, имеющие темпоральную константу («не успел», «опоздал», «отстал», «опередил», «созрел», «был» и «стал»). Ими изобилуют некрологи и прочие тексты, написанные по случаю юбилея, защиты, избрания и т.д.

Категории времени участвовали в маркировании явлений и в экспертных заключениях («современное положение дел», «устаревшее мнение», «временный (некачественный) преподаватель», «новейшие исследования», «последние (наиболее верные) данные»). При этом в университете использовались не только тропы

из обыденной речи или бюрократические штампы, но и литературные или научные метафоры. Например, косность и архаичность мышления профессорского совета казанский попечитель определял как «старообрядчество университетское»⁴², а харьковский профессор страшился быть «анахронизмом по собственному предмету»⁴³.

С точки зрения бюрократической власти в университете всё делалось ужасно медленно. В министерство часто поступали сообщения чиновников, возмущенных тем, что всё здесь намеренно затягивается и вязнет (дело, которое можно было решить за полтора часа, в профессорском совете заняло «по причине споров и отговорок двоих только членов» целых пять часов (с 12 до 5-ти часов по полудни))⁴⁴. Сами же университетские люди постоянно испытывали стресс от вырывающегося из-под контроля ритма жизни и хронического недостатка времени.

Имея под собой универсальные основания, тем не менее, раздражительный тон бюрократической переписки нередко есть следствие разницы социальных ценностей чиновников и интеллектуалов. То, на что щедро расходовал своё время вечно занятый профессор (длительные обсуждения, убеждения, многократные выступления, заслушивание чужого мнения, голосование и прочее), военным и чиновным людям казалось непроизводительным времяпрепровождением. В лучшем случае современники завидовали «мирной и тихой жизни профессора»⁴⁵, в худшем – возмущались пустой тратой в университете казенных денег. «Странное дело, – возмущался попечитель, – как у вас вяло исполняются самые решительные предписания»⁴⁶.

⁴² Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Лобачевского КГУ. Ед.хр. № 4777 «Письма М.Л.Магницкого ректору Г.Б.Никольскому». Письмо № 41 от 5 декабря 1822 года. Л.25.

⁴³ Еллинский Н.И. Указ. соч. – С.56.

⁴⁴ Нагуевский Д.И. Петр Цеплин. Первый профессор Казанского университета (1772–1832 гг.). Историко-литературный очерк / Д.И.Нагуевский. – Казань, 1904. – С. 143.

⁴⁵ Ничпаевский Л. Указ. соч. – С.89.

⁴⁶ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Лобачевского КГУ. Ед.хр. № 4777 «Письма М.Л.Магницкого ректору Г.Б.Никольскому». Письмо № 32 от 24 октября 1822 года. Л.12.

В свою очередь, безоговорочное выполнение министерских инструкций воспринималось в университетской среде как признак безответственности, глупости и поспешности. Даже сановникам они советовали не торопиться с решениями, «чтобы после не переделывать». Предлагая свои интеллектуальные услуги для политической практики, университетский человек, подобно Ломоносову, добавлял: «Ежели дней полдесятка обождать можно, то я целый полный план предложить могу»⁴⁷. Подразумевалось, что качество выходящей из-под пера профессора продукции с лихвой компенсирует политической власти некоторую потерю времени.

За столетие социальное время профессорской корпорации обрело множество форм, которым приписывались качественные характеристики: период вступительных экзаменов – «смутное время»; выпускные экзамены – «горячая пора»; «блаженное время, когда с дипломом в руках мы строили воздушные замки о предстоящей нам жизни и службе»; ощущаемое отсутствие позитивных событий – «безвременье». В речевом поведении и в стратегии письма университетские люди использовали приватизированное или групповое время («в мое время», «в наше время», «в его времена», «в бытность мою в Московском университете») чаще, нежели обезличенную форму времени («в то время», «в описываемую эпоху»). В университете с его культом просвещенной и свободной личности, качественные характеристики времени зависели от личного опыта его проживания.

3. В качестве культурной универсалии время принимало участие в переструктурировании университетской корпорации. В силу специфики её организации и функционирования «чиновное» отношение ко времени здесь корректировалось процедурами избрания и научными успехами.

Все должности («места») в университетской иерархии по определению являлись временными. Их занимали либо до перехода на новую ступень (магистр, адъюнкт), либо до переизбрания по истечении установленного срока полномочий

⁴⁷ Письмо М.В.Ломоносова к И.И.Шувалову от июля 1754 года / Изд. В.А.Садовничий // Вестник истории, литературы и искусства. – Т. 1. – М., 2005. – С.340.

(экстраординарный и ординарный профессор). В первой половине столетия сократить срок между должностями можно было лишь экстренными мерами: либо «безвозмездной» службой (отдавая жалованье в пользу университета, как делал П.А.Дубовицкий в Казани), либо получив ученую степень в зарубежном университете или в Профессорском институте в Дерпте.

Но если должности в университете, как в любом присутственном месте, обретались за выслугу лет и беспорочную службу, то ученое звание присваивалось за личные заслуги. Оно имело к темпоральным категориям более опосредованное отношение. С одной стороны, на личном и коллективном опыте базировалось представление о том, сколько времени нужно для выполнения качественного научного исследования по специальности. Исходя из него, можно было говорить о «потере» или «обретении времени». Сокращение или растягивание усредненного параметра не приветствовалось коллегами («замедление дела» или «ускорение дела»). Скоропостижность рождала подозрения в излишнем тщеславии и недобросовестности, а затягивание – в лености, несостоятельности или профессиональной неуверенности.

Всё же официально закрепить темпоральную дистанцию между моментами обретения научных званий разного уровня университетскому сообществу не удавалось, что приводило к коррозии традиционных возрастных или поколенческих отношений в ученом сословии. Корпоративный статус преподавателя определялся не столько его возрастом (биологическим временем), сколько сроком, прошедшим с момента публичной защиты диссертации. Человек, ставший профессором в молодом возрасте, воспринимался как более старший по сравнению с преподавателем, получившим степень в зрелом возрасте. Велико-возрастный диссертант мог всю жизнь обращаться со своим молодым научным руководителем или оппонентом как с более старшим коллегой.

Официальное обращение «молодой человек», также как и определение «новейший ученый», имели в университете негативно-иронический оттенок. Как правило, они служили указателями не столько возраста, сколько низкого уровня профессионализма, поэтому применялись равно как к студентам, так и к

заподозренным в незнании, неспособности или халтуре сверстникам.

В ответ на подобную речевую дискриминацию применительно к ученым, надолго утвердившимся в корпоративной среде, неформально использовались термины «мыслители старого типа»⁴⁸ и «университетские старцы». У них тоже был двойной адресат: властный профессор и просто старый по возрасту преподаватель. Далеко не всегда эти качества совпадали в одном лице. «В мои студенческие годы Котельников был уже очень стар, – вспоминал студент середины 1860-х годов о добром лекторе. – Бывало, мы почтительно давали ему дорогу в университетском коридоре: старец шел уже по стенке, с неизменным красным платком и табакеркой в руке, извиняясь без всякого повода»⁴⁹. Но были среди «старцев» и менее безобидные, и даже более молодые экземпляры. Рассказы о кознях или немощи «старцев» буквально рассыпаны на страницах студенческих мемуаров.

При открытии Московского университета сановники, набравшие в него иностранных профессоров, предпочитали обращаться к молодым ученым. «Молодой человек, – объяснял Г.Ф.Миллер позицию правительства, – скорее приспособится к обычаям страны и еще имеет надежду выучить язык, что даст ему большие преимущества»⁵⁰. Но в XIX веке для преподавательской корпорации стал важен не биологический возраст её членов, а их психологическое ощущение возраста и соответствующее этому поведение. Идеалом являлись «вечно юные старцы». Таковым мог быть и выслуживший пенсию профессор («он до старости сохранил весь свой юношеский жар»⁵¹, «был довольно стар, седой, но с живостью, свойственной молодости,

⁴⁸ Корсаков Д.А. Былое в жизни Казанского университета 1856–1860 гг. Из воспоминаний о прошлом // Былое из университетской жизни: Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. – СПб., 1904. – С.170.

⁴⁹ Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах / С.В.Смоленский // Былое из университетской жизни. – СПб., 1904. – С.256.

⁵⁰ Цит. по: Андреев А.Ю. Основание Московского университета и русско-немецкие университетские связи в середине XVIII в. / А.Ю.Андреев // Вестник истории, литературы и искусства. – Т. 1. – М., 2005. – С.355.

⁵¹ Чичерин Б.Н. Указ. соч. – С.382.

следил за ответами студентов»⁵²), и вступающий на это поприще молодой человек («г. профессор Браун еще весьма молод и нет, кажется, еще 25-ти лет... Дай Бог, чтоб душой и сложением был стар!»⁵³). Утверждения такого рода служили показателем особого дара вневременной молодости и аргументом в пользу особенности университетского человека. Ссылки на «внутреннюю молодость» служили обоснованием права «долгожителей» оставаться в должности, на их власть и особые привилегии. От молодого же профессора ждали старческой мудрости и соответствующих поведенческих моделей: благодарности, осторожности, терпимости («надо уметь терпеть и ждать»). Считалось, что это и есть та самая персональная «скромность», которая помогает сохранять корпоративное единство.

По всей видимости, на восприятие времени и себя во времени влияла гендерная идентификация университетской корпорации. Мужское сообщество мыслило себя во вневременных категориях. Педагогическую и научную деятельность могли прервать лишь болезнь или смерть. Других темпоральных ограничений у университетского мужа не было. Другое дело, что у одних это рождало ощущение краткости собственного века и подстегивало, а у других вызывало иллюзорное чувство бесконечности возможностей и расслабляло. Впрочем, многое в персональных поведенческих моделях зависело от состояния корпоративных отношений в режиме «здесь и сейчас».

4. Другой аспект темы – складывающаяся мифология университета и роль в ней категорий времени и пространства. Время в университете сегментировано повторяющимися событиями, зафиксированными в календаре и годичном расписании. При этом главным его наполнением были «словесные постановки». Самой формой обращения к собеседникам «лицом к лицу» они форматировали разделяемые эффекты и через это – сознание и эмоции слушателей. Проговариванием корпоративного опыта спектакли, публичные защиты, выступления на заседаниях совета, лекции усиливали ключевые символы, что систематически утверждало связь между широким спектром разнообразных

⁵² Ничпаевский Л. Указ. соч. – С.58.

⁵³ Загоскин Н.П. История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. – Т.1. – С.316.

культурных элементов⁵⁴, то есть являлось единым, разворачивающимся во времени и в пространстве рассказом-убеждением. В нем российский университет предстал как *недавно* привитый в России отросток, взятый от *многовекового* древа европейской культуры.

Такая амбивалентность позволяла менять риторику в зависимости от ситуации. Краткость биографии и периферийное место российских университетов в мировом образовательном пространстве описывалось в официальных документах и созданных в начале XX века метанарративах истории в терминах незрелости и зависимости. Основанные в Казани, Москве, Петербурге, Саратове, Харькове, корпорации заявляли о себе как о «начинающих» и «молодых», требуя особого внимания и опеки власти. Противопоставляя себя «мудрым и зрелым» корпорациям Западной Европы, они подчеркивали фактор «новизны» и «необычности» университета для отечественной истории.

Это порождало разные реакции людей власти. В одних случаях такая тактика поведения приносила желаемые плоды в виде наград, дополнительного финансирования, удовлетворения ходатайств, вмешательства в корпоративные конфликты. Однако, в других ситуациях можно было получить и «родительский подзатыльник»: «Попробуйте, – писал казанский попечитель ректору, – быть на сей раз настоящим университетом, не на помочах»⁵⁵ или «пора нашему университету взять приличную осанку»⁵⁶.

Другая текстуальная стратегия заключалась в описании сверхнасыщенности жизни российского университета («чтобы полностью очертить этот период, потребовалось бы очень много времени и места»⁵⁷). Частое повторение в университетских

⁵⁴ Gilmore D.D. The scholar Minstrels of Andalusia: Deep Oratory, or the Carnivalesque upside down // Journal Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. – 1955. – № 1. – P.561.

⁵⁵ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Лобачевского КГУ. Ед.хр. № 4777 «Письма М.Л.Магницкого ректору Г.Б.Никольскому». Письмо № 7 от 5 июня 1822 года. Л.26 об.

⁵⁶ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Лобачевского КГУ. Ед.хр. № 4777 «Письма М.Л.Магницкого ректору Г.Б.Никольскому». Письмо № 52 от 2 июля 1823 года. Л.36 об.

⁵⁷ Чичерин Б.Н. Указ. соч. – С.382.

текстах и речах этих утверждений вело к ощущению спрессованного времени, перенаполненного научным и социальным опытом, что отразилось в появлении определения Московского университета как «старейшего». Сначала оно сопровождалось уточнением места и условий – «России», но вскоре стало использоваться и без него.

«Удлиненная» и «насыщенная» таким образом история была поделена летописцами на периоды. Вехами для их выделения служили либо политические события (война, введение нового университетского устава, проведение министерской проверки⁵⁸), или изменения в составе корпорации («новый период в истории Московского университета, как сказано, начинается вместе с появлением к нам молодых профессоров, получивших своё образование за границей, преимущественно в Германии»)⁵⁹.

В основу другого варианта используемой периодизации положен фактор попечительства того или иного сановника, соответственно «гомогенные блоки времени» (по определению Э.Зарубавель) персонифицированы их именами: «при Строгонове», «во времена Мусина-Пушкина». Впрочем, не менее значимой вехой в «длинной» жизни университета мог оказаться и ремонт учебного корпуса или клиники, а особенно – факт обретения нового пространства (переезд или постройка здания). В результате использования разных критериев сегментации в истории российских университетов появились качественно разные отрезки времени: «блестящая эпоха университетской жизни», «время мракобесия». Такие периоды определены специфической социальной деятельностью или «фактами», чьи особенности и различная интенсивность придали «активное качество» категориям деятельности.

После создания и публикации университетских историй жизнь конкретного человека стала соотноситься с датами и длительностью корпоративной жизни («мне пришлось пережить

⁵⁸ Например, ревизия Казанского университета 1819 года стала основанием для новой хронологии его жизни, что отразилось в отчетах: «Историческая записка Императорского Казанского университета за 4-й академический год от возобновления, с 1-го июля 1823-го по 1-е июля 1824 года» (Казань, 1825).

⁵⁹ Буслев Ф.И. Мои воспоминания / Ф.И.Буслев // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). – М., 1989. – С.220.

в университете две совершенно разные эпохи»⁶⁰). С одной стороны, мемуарист представлял себя свидетелем или участником «большой» судьбы («немного больше трети всего времени существования Московского университета прошло на моих глазах»⁶¹), а с другой – университет виделся неким «старейшиной» в общей семейной истории интеллектуалов («в 1835 году праздновали день основания университета, ровно 20 лет тому назад: мне было семнадцать лет»)⁶². Линия персональной судьбы синхронизировалась с университетской хронологией («совпали с появлением...»)

Цивилизаторская функция борьбы с варварством и невежеством порождала в университетских людях готовность к мобильности. Похоже, это было унаследовано от западноевропейских прародителей российского университета. Каждый из них гордился и ставил себе в заслугу интеллектуальный экспорт, распространение наук физически. Отсылая из Лейпцига двух учеников в Московский университет, И.К.Готшельд писал в 1757 году: «Если бы это не было честью для Саксонии, что она может посылать искусных людей в чужие края, то в другом случае я бы весьма сожалел о потере таких одаренных земляков. Однако я надеюсь, что они не вовсе умрут для нас или будут потеряны, но иногда будут напоминать о своем существовании благодаря своим сочинениям»⁶³. Благодаря этому «опылению» среды, университет в целом («Харьков стал, в качестве университетского города, центром умственного движения южнорусской народности»⁶⁴) и отдельные его люди (студенты, адъюнкты, профессора) мыслили себя культурным и ментальным центром

⁶⁰ Ничпаевский Л. Указ. соч. – С.58

⁶¹ Каблуков Н.А. Из воспоминаний о химии в Московском университете с семидесятих годов XIX века / Н.А.Каблуков // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). – М., 1989. – С.507.

⁶² Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). – М., 1989. – С.197.

⁶³ Lehmann U. Der Gottschedkreis und Russland. Deutsch-russische Literaturbeziehungen im Zeitalter der Aufklärung. – Berlin, 1966. – S.110 (перевод А.Ю.Андреева).

⁶⁴ Неслуховский Ф.К. Из моих воспоминаний / Ф.К.Неслуховский // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Т. 1. – Харків, 2008. – С.231–232.

(«его квартира была местом сборища цвета тогдашней передовой интеллигенции»⁶⁵). Центричность самовосприятия обнаруживает себя даже в студенческих мемуарах: «Григорьев с 1-го же курса совершенно безнамеренно сделался центром мыслящего студенческого кружка»⁶⁶. Университетский городок, аудитория, кабинет образовывали эпицентр событий и служили пространством, где кристаллизовалась персональность первых поколений университетских интеллектуалов. Ее они формулировали в речах и письменных текстах.

И если внутреннее пространство осознавалось как спасительное, что передавалось через метафору «острова» или «корабля», то внешнее (город, губерния, учебный округ и даже империя) обретало значение неблагоприятной и агрессивной среды. Она описывалась как нечто «чуждое» («океан невежества», «море предрассудков», «мир хуторов и слобод»), источник тревог и опасности («Харьковский университет имел на этот мир громадное и еще не оцененное достаточно влияние, хотя и сам недешево за него поплатился»⁶⁷). Судя по текстам «университетских историй», горожане и в целом население учебного округа воспринимались профессорами как объект, который предстояло изучать, просвещать, заставлять, побуждать, соблазнять плодами европейской культуры. Но в любом случае их надо было менять или создавать. Нетрудно заметить, что риторика самоописания и презентаций были заимствованы университетскими летописцами не из церковной агиографии (метафора «монастыря» как источника духовного просвещения), а из текстов колониальных мореплавателей, создавших первые символические границы цивилизации и варварства⁶⁸.

⁶⁵ Загоскина О.Н. Указ. соч. – С.8.

⁶⁶ Фет А.А. Воспоминания / А.А.Фет // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). – М., 1989. – С.237.

⁶⁷ Де-Пуле М.Ф. Харьковский университет и Д.И.Каченовский: культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов / М.Ф.Де-Пуле // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Т. 1. – Харків, 2008. – С.275.

⁶⁸ О метафорах «остров», «корабль», «океан», «море» в колониальных текстах см: Pels P. The Anthropology of Colonialism: Culture, History, and the Emergence of Western Governmentality // Annual Review of Anthropology. – 1997. – № 26. – P.174.

Так университетские люди осмыслили своё участие сначала в цивилизационном проекте, а впоследствии аргументировали своё право на участие в политической сфере и даже претензию на социальную инженерию в обществе. Время было в этой борьбе соучастником, а физическое и культурное пространства – сопротивляющимися противниками. В текстах, созданных в университетской среде, жизнь осмысливается как борьба, в которой время дружелюбно, «работает» на университет, а внешняя среда «постепенно становится лучше» (то есть возделанной) под благотворным влиянием просвещения и конкретных университетариев. В этих рассказах социальное, культурное и физическое пространства (городские районы, губернии, учебные округа, локальные культуры или социальные слои) предстают как единая и гомогенная целостность, структурированная в категориях центра и периферии. Чем ближе они находились к университетскому кампусу и источнику цивилизующего влияния, тем сильнее трансформировались, тем значительнее были их изменения.

*И вместе мы сошлись сюда
С краев России необъятной
Для просвещенного труда,
Для цели светлой, благодатной*⁶⁹.

⁶⁹ Аксаков К.С. Воспоминания студентства 1832–1835 / К.С.Аксаков // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). – М., 1989. – С.198.

Э.Р.Гайнетдинова

Из истории Казанской земской школы для образования народных учительниц (по документам Национального архива РТ)

Казанская земская школа для образования народных учительниц была открыта по постановлению Губернского земского собрания 2 ноября 1871 года¹.

Школа открывалась для подготовки учительниц для начальных народных училищ Казанской губернии, «вполне способных к распространению образования и к внушению своим учащимся доброй нравственности»².

Это учебное заведение размещалось в 4 части города Казани на улице Вторая Гора³ (ныне улица Волкова).

«Положение о Казанской земской школе для образования народных учительниц» было утверждено 21 сентября 1871 года попечителем Казанского учебного округа тайным советником П.Д.Шестаковым⁴.

Школа находилась в ведении Министерства народного просвещения, надзор за ее деятельностью осуществлял инспектор народных училищ. Школа существовала за счет Губернского земства, которое ежегодно отпускало до 14 тысяч рублей⁵.

При школе работал Попечительный совет под председательством начальницы, законоучителя и всех преподавателей, которые обсуждали, разрабатывали педагогические вопросы.

Учебный курс был 4-х годичный и состоял из 4-х классов.

Первоначально комплект школы определялся для 80 воспитанниц-пансионерок, число которых распределялось по уездам пропорционально народонаселению в них обоего пола.

¹ НА РТ. Ф.322. Оп.1. Д.47. Л.14.

² НА РТ. Ф.331. Оп.1. Д.1. Л.17.

³ НА РТ. Ф.331. Оп.1. Д.38. Л.9.

⁴ Положение о Казанской земской школе для образования народных учительниц. – Казань: Лито и типогр. К.А.Тилли, 1872.

⁵ НА РТ. Ф.331. Оп.1. Д.59. Л.1.

Судя по списку воспитанниц за 1871 год, из Казанской уездной земской управы были приняты в школу 4 воспитанницы. Из них одна – дочь чиновника, 3 мещанки. Из Чистопольского уезда – 3 воспитанницы, одна из которых дочь солдата и 2 крестьянки. Из Тетюшской управы – 2 крестьянки и одна – дочь чиновника. По 5 воспитанниц были приняты из Лайшевской, Чебоксарской и Свияжской управ. Также из Сиротского дома были приняты 4 кандидатки. Всего в 1871 году было принято 45 воспитанниц – пансионеров⁶.

Хотя в школу преимущественно принимались девочки из крестьянского сословия, Губернское земское собрание имело право по своему усмотрению изменять общий комплект учащихся. В основном, в случае недостатка желающих учиться из крестьян, принимались девушки без различия сословия: мещанки, дочери чиновников, солдат, лиц духовного звания. Был случай поступления в школу в 1908 году дочери дворянина Якобий Серафимы Якобий⁷.

В 1879 году Губернское земское собрание постановило сократить число воспитанниц земства с 80 до 60, но допустить 20 пансионеров с платой 120 рублей в год и приходящих, насколько позволит помещение школы. В первую очередь, это было связано с недостаточностью средств, опускаемых Губернским земским собранием. Так, в 1879 году в школе обучалось 60 воспитанниц земства, стипендиаток имени А.Г. Осокина – 1, П.П.Перцова – 1, пансионеров – 10 и приходящих – 14, всего – 86 воспитанниц⁸.

Первый выпуск состоялся в 1875 году. Всего с 1875 по 1883 год было выпущено учительницами 176 человек. По сословиям: крестьянки составляли – 96, мещанки – 33, нижних чинов – 11, лиц духовного звания – 9, дочери чиновников – 7, воспитанницы Сиротского дома – 20.

Из общего количества выпускниц 4 были из чуваш, 7 – из черемис и 5 – из крещеных татар.

⁶ НА РТ. Ф.331, оп.1, д.117, л.1–2.

⁷ Отчет о состоянии Казанской земской школы для народных учительниц за 1908 год. – Казань: Типо-литограф. И.В.Ермолаевой, 1908. – С.18.

⁸ НА РТ. Ф.331. Оп.1. Д. 59. Л.2 об.

Из 176, окончивших школу с 1875 по 1883 год, на 1883 год работали учительницами начальных народных училищ 143 выпускницы, из них в Казанской губернии – 141, в Симбирской губернии – 2, а остальные или вышли замуж, или уволены от должностей по разным обстоятельствам⁹. В 1906 году в школе учились 2 татарки¹⁰.

Со временем в школу стали принимать девушек и из других губерний. В своем докладе в 1896 году член Попечительского Совета Н.М. Мельников объяснял тем, что «школа завоевала себе действительно громкую известность и в нее стремятся поступить многие из других губерний. С другой стороны, прием своекоштных пансионеров из других губерний сокращало расходы на содержание школы¹¹.

В школу принимали девочек с 14 лет, но в исключительных случаях с 12 лет.

Для поступления в школу требовалось согласие родителей или опекунов, иметь начальное образование в сельской школе. Перед отправлением из уезда кандидатка подвергалась испытанию, типа экзамена, в присутствии земского члена училищного совета в знании необходимых молитв, в умении читать и писать, причем преимущественно обращалось внимание на способности соображения и понимания. Все расходы по доставлению учениц в школу уездные земства принимали на себя. Воспитанницы жили в специальном жилом помещении при школе.

В 1900 году в школе обучалось 85 учениц. Из них 43 стипендиатки земства Казанской губернии, 1 стипендиатка имени А.Г.Осокина, 1 стипендиатка П.П.Перцова, 1 стипендиатка Мариупольского земства Екатеринославской губернии, 1 стипендиатка Мензелинского земства Уфимской губернии, 1 стипендиатка Костромского губернского земства, 1 пансионерка Чебоксарского земства, 35 своекоштных пансионеров и одна сверхштатная¹².

⁹ НА РТ. Ф.331. Оп.1. Д.59. Л.2.

¹⁰ Отчет о состоянии Казанской земской школы для образования народных учительниц за 1906 год. – Казань: Лито-типогр. И.Н.Харитоновой, 1906. – С.9.

¹¹ НА РТ. Ф.331. Оп.1. Д.163. Л.14.

¹² НА РТ. Ф.331. Оп.1. Д.188. Л.1.

Учебный год начинался в сентябре и продолжался до 1 июня. Ученицы изучали: русский язык и церковно-славянское чтение с переводом на русский язык, арифметику, начальное понятие о геометрии, географию, наглядное объяснение произведений и явлений природы, историю, практические занятия по обучению, церковное пение и пение народных русских песен.

Учитывая то, что в школу поступали дочери черемис и чуваш, с 1875 года было введено преподавание чувашского, а с 1877 года – черемисского языков¹³.

Особое внимание уделялось нравственному и религиозному воспитанию учениц. В школе была своя церковь, куда воспитанницы ходили молиться и пели в хоре.

Кроме этого, воспитанницы обучались переплетному делу и башмачному мастерству, сами для себя шили белье, платье, вязали чулки. С 1889 года были введены уроки рукоделия.

В 1901 году была принята новая учебная программа, установлен 5-летний курс обучения и введены специальные педагогические дисциплины: педагогика, история педагогики, педагогическая психология, методика преподавания.

Воспитанницам преподавался и урок гигиены, где их знакомили с простыми лекарствами и учили оспопрививательному делу. Для ведения этого урока приглашали специального врача.

Для большего сближения будущих учительниц с сельским населением уделялось внимание и на трудовое воспитание учениц. Воспитанницы, помимо специальной подготовки к учительской службе, занимались еще огородничеством и пчеловодством. Кроме того, при школе была учреждена метеорологическая станция. Наблюдения производили поочередно воспитанницы 3 класса. Отчеты наблюдений, производимых на станции, печатались в ежемесячных бюллетенях метеорологической обсерватории при Казанском университете.

Попечительный совет, вводя в школу указанные занятия для воспитанниц, надеялся, что, ознакомившись под руководством специалистов с приемами обработки огорода, с рациональным уходом за пасекой и с приемами производства метеорологических

¹³ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.17444. Л.16 об.

наблюдений, воспитанницы школы приступят к педагогической деятельности достаточно подготовленными к тому, чтобы самостоятельно устраивать при школах образцовые огороды, школьные пасеки и производить метеорологические наблюдения.

В последнем, в 4-м классе, воспитанницы занимались практическим преподаванием в начальной школе, которая находилась при этой же школе.

По окончании курса воспитанницы сдавали экзамен в присутствии командированного депутата от Министерства народного просвещения и получали звания учительниц городских и сельских начальных училищ.

После окончания школы многие воспитанницы не находили места учительницы в своем уезде. В докладе Попечительного совета школы в Казанскую губернскую земскую управу в 1880 году отмечалось, что «с каждым годом более и более возрастает трудности размещать окончивших курс воспитанниц на учительские должности, ввиду того, что число школ в губернии не увеличивается соответственно выпуску воспитанниц школы»¹⁴. Как выше было отмечено, эта проблема решалась сокращением числа стипендиатов от земств. Приступив к своим обязанностям в сельских школах, учительницы сталкивались с множественными проблемами, главная из которых – отсутствие здания школы и места жительства. Не хватало учебных принадлежностей, книг, наглядного пособия. Нерегулярное посещение школы учениками, особенно в урожайные годы (родители под различными предлогами оставляли своих детей для полевых работ), тормозили учебный процесс. Бедность крестьян, отсутствие теплой одежды зимой, плохие погодные условия были препятствием для посещения школы.

И все же, Казанская земская школа для образования народных учительниц сыграла значительную роль в подготовке кадров в сельские школы и училища. Она приобрела известность как лучшее учебное заведение и за пределами Казанской губернии.

В Национальном архиве РТ имеется фонд Казанской земской школы (ф.331). В нем хранится 438 единиц хранения за 1871–

¹⁴ НА РТ. Ф.331. Оп.1. Д. 38. Л.17.

1919 годы. В фонде представлены отчеты о состоянии школы, протоколы педсовета, журналы, свидетельства об окончании сельских школ и училищ, выписки из метрической книги, прошения о приеме в школу, конспекты уроков, список воспитанниц, сведения о выпускницах и их дальнейшей судьбе. Также документы о школе можно найти в фондах Попечителя Казанского учебного округа (ф.92), Директора народных училищ Казанского округа по Казанской губернии (ф.160), Инспектора народных училищ Казанского учебного округа по Казанской губернии (ф.322). В этих фондах содержатся отчеты, протоколы, служебная переписка, фотографии воспитанниц школы.

Д.М.Галиуллина

Влияние идей И.Гаспринского на развитие просветительства среди казанских татар в конце XIX – начале XX вв.

С именем И.Гаспринского в отечественной историографии связывают становление и развитие джадидизма. Распространение джадидизма, его проникновение в духовную жизнь народа сыграло существенную роль в развитии культуры казанских татар. Также способствовало пробуждению национального самосознания и интереса к самобытным истокам государственного существования.

В отечественной историографии отношение к творчеству И.Гаспринского не всегда было однозначным. Его идеи о необходимости единения мусульманских тюрок, которую он выразил фразой «дилде, фикерде, иште бирлик» («единство языка, мысли и действия»)¹ в годы советской власти были восприняты как контрреволюционные². Хотя, по мнению А.Беннигсен, «...пантюркистское и панисламистское объединение было единственным способом сохранения не только его небольшой крымской нации, но и всей тюркской общины Империи от абсорбирования и ассимиляции с большой массой русского населения»³.

В постсоветский период высоко оценивается вклад И.Гаспринского в развитие крымско-татарского народного образо-

¹ Беннигсен А. Исмаил бей Гаспринский (Гаспарлы) и происхождение джадидистского движения в России / А.Беннигсен // Россия и Восток. – Казань, 1993. – С.87.

² Госманов М. Исмәгыйль Гаспарлы һәм аның төрки-татар мәгърифәт-челегендә тоткан урыны (бер идеянең тантанасы һәм фажигасы) / М.Госманов // Исмәгыйль Гаспринский. Тарихи документаль жьентык. – Казан, 2006. – Б. 5–37.

³ Беннигсен А. Указ. соч. – С.88.

вания⁴. Для крымских татар И.Гаспринский стал основоположником новых жанров в публицистике и художественной литературе. Он создал собственный стиль, который имел влияние на формирование литературного языка крымских татар⁵. Татарская национальная историография к оценке творческого наследия известного реформатора пытается подойти объективно. Прежде всего, к идее создания «единого языка» для тюркоязычных народов России⁶. Основу пантюркистского единства должен был составлять общий тюркский язык⁷. Сам И.Гаспринский под «единством языка» понимал единство «...литературного языка, который должен был привести всех тюрков к единству»⁸. Речь идет не об идее политического, а духовного «...единения, сближения нравственного, на почве равенства, свободы, науки и образования»⁹. И.Гаспринскому удалось выработать особый стиль тюрко-татарского языка. А.Беннигсен писал, что за основу был взят упрощенный турецкий язык, освобожденный от заимствований из арабского и персидского языков¹⁰. И поэтому первую тюрко-татарскую газету «Терджиман» свободно читали не только в России, но и за рубежом (в Иране, Египте и др.)¹¹.

Значение «Терджимана» для интеллектуальной элиты тюрков-мусульман было огромным. Дж.Валиди так прокомментировал этот факт: «влияние этой небольшой газеты было в тысячу раз значительнее, чем то, что было у «Нового времени» или даже у знаменитой британской «Таймс»¹².

⁴ Аблаев Э.А. Исмаил Гаспринский – гуманист, просветитель, педагог / Э.А.Аблаев. – Ташкент, 1991; Ганевич В.Ю. На службе правде и просвещению. – Симферополь, 2000 и др.

⁵ Ганевич В.Ю. На службе правде и просвещению / В.Ю.Ганевич. – Симферополь, 2000. – С.193.

⁶ Губайдуллин Г. Гаспринский и язык / Г.Губайдуллин // Эхо веков. – 1997. – № 3–4. – С. 205–214.

⁷ Беннигсен А. Указ. соч. – С.88.

⁸ Губайдуллин Г. Указ. соч. – С.209.

⁹ Усманов М.А. О триумфе и трагедии идей Гаспринского / М.А.Усманов // Россия и Восток. – Казань, 1993. – С.11.

¹⁰ Беннигсен А. Указ. соч. – С.88.

¹¹ Усманов М.А. Указ. соч. – С.11.

¹² Беннигсен А. Указ. соч. – С.89.

Именно «Терджиман» способствовал становлению литературного языка казанских татар. По мнению Г.Губайдуллина, И.Гаспринский боролся за чистоту языка, за язык просвещенных людей. Но он должен был быть не языком уличным и непросвещенных людей, т.е. не языком широких масс¹³. Спустя некоторое время именно эти идеи не нашли поддержки среди молодого поколения татарской национальной интеллигенции.

В этот период в татарской литературе и языке не существовало общепринятого языкового стиля и орфографии. Многие писали на арабском языке. Владение арабским и персидским языком было признаком учености. Но в конце XIX – начале XX века появляются люди, у которых было сильно развито национальное самосознание. Ш.Марджани внес большой вклад в развитие татарского просвещения, но в основном писал на арабском языке. Так же как и его предшественники, например, А.Курсави и др. Исследователь его жизни и творчества М.Х.Юсупов называет несколько причин: во-первых, арабский язык оставался как универсальный язык мусульманской теологии и науки; во-вторых, «...Ш.Марджани не владел в достаточной степени навыками литературного письменного татарского языка, который тогда начал складываться»; в-третьих, все представители татарской интеллигенции, обучавшиеся в Бухаре, писали в основном по-арабски для образованной аудитории¹⁴. Сам Ш.Марджани назвал еще одну причину: «... чтобы наши книги были доступны другим мусульманским народам, которые в большинстве своем знают арабский!»¹⁵. Действительно, многие ученые Востока хорошо знали труды Ш.Марджани. Но свой основной труд по этнической истории казанских татар он написал на национальном языке¹⁶. Но в работе много заимствований из восточных языков.

¹³ Губайдуллин Г. Указ. соч. – С.210.

¹⁴ Юсупов М.Х. Шигабутдин Марджани как историк / М.Х.Юсупов. – Казань, 1981. – С.9–10.

¹⁵ Юзеев А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII – XIX вв. / А.Н.Юзеев. – Казань, 2001. – С. 158.

¹⁶ Мәржани Ш. Мөстәфад әл-әхбар фи әхвали Казан вә болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Кыскартып төзелде / Ш.Мәржани. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 415 б.

Литературный язык других историков более близок к современному литературному языку казанских татар.

Современник Ш.Марджани К.Насыри писал на языке, как выразился Г.Губайдуллин, «...который близок к разговорному языку казанских мещан»¹⁷. Иначе говоря, К.Насыри в основу взял язык казанских татар. Он считал, что язык казанских татар относится к общетюркской языковой группе, но вместе с тем имеет свои особенности и правила. К.Насыри внес весомый вклад в развитие татарского языка и литературы. Среди его многочисленных трудов были татарско-русский и русско-татарский словари, азбука и грамматика татарского языка и др.¹⁸ По мнению Г.Ибрагимова, первым словосочетание «татарский язык» употребил К.Насыри¹⁹. Он одним из первых доказал и обосновал необходимость татарского литературного языка и боролся за его освобождение от влияния турецкого языка. Именно ему мы обязаны первыми исследованиями в области татарской лингвистики²⁰.

Если с именем М.Карамзина, А.С.Пушкина мы связываем становление русского литературного языка, то дальнейшее развитие литературного языка казанских татар непосредственно связано с деятельностью К.Насыри. Его стиль отличается от литературного языка Ш.Марджани, Г.Баязидова, Г.Баруди и др. В основном татарская интеллектуальная элита начала XX века придерживалась общепринятой традиции и старалась писать на языке, который бы понимали ученые из различных регионов. Но во многом литературный стиль задавал «Терджиман». Влияние его было настолько сильным, что все вышедшие до 1905 года «прогрессивные», «передовые» книги печатались на наречии, близком османскому²¹. Газету часто критиковали за сложный и малопонятный язык.

¹⁷ Губайдуллин Г. Указ. соч. – С.210.

¹⁸ Давлетшин Т. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики / Т.Давлетшин. – Казань, 2005. – С. 59.

¹⁹ Насыри Каюм. Избранные произведения / К.Насыри. – Казань, 1977. – С.8.

²⁰ Там же. – С.25.

²¹ Губайдуллин Г. Указ. соч. – С.211.

Ситуацию изменила революция 1905 года. Она пробудила национальное самосознание народов России. Умеренно-консервативно реформаторские идеи «Терджимана» не удовлетворяли более прогрессивную часть татарской интеллигенции, которая выдвинула идею создания подлинного литературного татарского языка. В итоге появившиеся национальные газеты и журналы начали издаваться на родном языке.

Одним из первых профессионально изучением творчества И.Гаспринского занялся Г.Губайдуллин²². Одна из лучших работ ученого, созданная в 1920-е годы на основании восточной, русской и западноевропейской литературы, была посвящена анализу его взглядов. И, особо привлекает внимание новизной в исследовании истоков не только идеологии И.Гаспринского, но и джадидского движения среди казанских татар. Его работа «Гаспринский и язык» долгие годы оставалась в рукописи²³. Ученый ставит целью анализ взглядов И.Гаспринского, связанных с созданием «единого языка». Работы написаны по канонам того времени. Историк старался придерживаться принципов марксистско-ленинской идеологии. Основной вывод Г.Губайдулина – газета «Терджиман» являлась органом буржуазии и не смогла стать народной газетой²⁴. Такого же мнения придерживался и Дж.Валиди. Он еще в 1914 году назвал И.Гаспринского «идеологом буржуазии»²⁵. Представители феодального класса писали на арабском и персидском для «хеваса» – «избранных». То и «единый язык» И.Гаспринского – язык избранных – представителей образованной элиты, нового сословия²⁶. Г.Губайдуллин «провал» создания единого «тюркского языка» видел в том,

²² Губайдуллин Г. К вопросу об идеологии Гаспринского (предварительные материалы) / Г.Губайдуллин // Известия восточного факультета Азербайджанского государственного университета. Востоковедение. – Баку, 1929. – Т.IV. – С.179–208; его же. К вопросу об идеологии Гаспринского (продолжение изданной части) // Исмэгыйль Гаспринский. Тарихи-документаль жыентык. – Казан, 2006. – С.307–332.

²³ Губайдуллин Г. Гаспринский и язык / Г.Губайдуллин // Эхо веков. – Казань. – 1997. – №3–4. – С.205–214.

²⁴ Там же.

²⁵ Губайдуллин Г. Указ. соч. – С.213.

²⁶ Там же.

что он был непонятен простому народу, и в сложившихся условиях начала XX века «татарский буржуазный интеллигент» понимал необходимость печатного слова на родном языке²⁷. Исследователь жизни и творчества И.Гаспринского В.Ю.Ганкевич также считает, что известный реформатор создал отдельный язык – «язык Гаспринского». Он отстаивал мысль об усовершенствовании «общетюркского языка» на основе турецкого. «Другие наречия должны были подчиниться именно этому «тюркскому». И, в сложившейся внутривосточной и общественной обстановке начала XX века, это оказалось невозможным²⁸.

Критиковал язык «Терджимана» и Г.Тукай. Он был сторонником самостоятельности татарского национального языка. Это нашло отражение и в его поэзии²⁹. Но он и сам не избежал влияния «Терджимана». В настоящее время Ш.Марджани, К.Насыри, Г.Тукая и др. мы вынуждены переводить на современный татарский язык. По мнению М.А.Усманова, газета оказала сильное влияние на языковой стиль татарской национальной прессы начала XX века³⁰.

Современники И.Гаспринского прекрасно понимали прогрессивное значение его идей. Но в то же время «впитали» и рационально использовали для просвещения своего народа только самое необходимое. В татарской национальной историографии есть такое понятие, как «татарский джадидизм» – синтез идей И.Гаспринского через призму восприятия татарской национальной идеологией.

Просветительские идеи И.Гаспринского нашли распространение, прежде всего, среди казанских татар. Даже в самые тяжелые времена им удалось сохранить религию, язык и культуру. И религия была не просто идеологией, а частью повседневной жизни и национальной культуры. Т.Давлетшин отмечал, что просвещение у казанских татар, наряду с религией,

²⁷ Губайдуллин Г. Указ. соч. – С.211.

²⁸ Ганкевич В.Ю. Указ. соч. – С.193.

²⁹ Госманов М. Указ. соч. – Б.23.

³⁰ Шунда ук. – Б.25.

служило орудием духовного сопротивления русификации³¹. Казанские татары с древнейших времен ценили образованных людей. Система образования складывалась на протяжении столетий, и имела определенные преимущества и недостатки. Самое важное то, что начальное, религиозное образование могли получить все желающие в учебных заведениях низшего разряда (мектебах), имеющихся при мечетях в каждой деревне³². Образование было доступно и женщинам. Целью обучения девочек у абыстаев было исключительно религиозно-нравственное воспитание будущих матерей мусульманских семейств³³. Но в состоятельных татарских семьях уже во второй половине XIX века воспитанию и образованию девушек уделялось пристальное внимание. В своих воспоминаниях А.-К.Губайдуллин (брат Г.Губайдуллина) писал о своей матери Уммугульсум Губайдуллиной: «Она была умная и образованная по тогдашнему времени женщина; никогда не была консервативна, как многие татарские женщины, что внешним образом выражалось в том, что она одевала нас в запрещенные нашими обычаями европейские костюмы. Она впервые, когда я еще даже не умел читать, развила во мне интерес к книгам. Она, собирая нас около себя, читала стихи из духовных книг: о сотворении мира, об изгнании Адама из рая и т.п. Так как она много читала и много знала, то почти всегда отвечала на наши вопросы и разрешала наши споры. В общем, ее благотворное влияние отражалось не только на мне, но и на всей нашей семье»³⁴. Это не единственный пример. Но статус женщины-татарки к концу XIX века определялся, прежде всего, законами мусульманской религии. В татарском обществе никогда не существовало полной изоляции женщин. В этот период все женщины России были ограничены в правах по российскому законодательству³⁵.

³¹ Давлетшин Т. Указ. соч. – С.50.

³² Биктимирова Т. Ступени образования до Сорбонны / Т.Биктимирова. – Казань, 2003. – С.9.

³³ Там же. – С.10.

³⁴ Насретдинова Д.М. Автобиография Абдул-Кадыра Губайдуллина / Д.М.Насретдинова // Эхо веков. – Казань. – 1998. – №3–4. – С.187.

³⁵ Махмутова А.Х. Пора и нам зажечь зарю свободы / А.Х.Махмутова. – Казань, 2006. – С.11.

К концу XIX века женский вопрос был одним из обсуждаемых в татарском обществе. Самые разные слои были заинтересованы в разрешении женского вопроса³⁶. Поднималась эта тема и в татарской литературе (Р.Фахрутдинов, З.Бигиев, Г.Исхаки и др.)³⁷. Образованные слои татарского общества прекрасно понимали, что воспитание всесторонне развитой интеллектуальной личности должно начинаться в семье. И большое значение придавали женскому образованию.

«Терджиман» часто писал о необходимости качественного женского образования. Первая джадидская начальная женская школа для девочек была открыта в 1893 году в Бахчисарае³⁸. Постепенно такие школы появились и в других тюркоязычных регионах России.

Распространение просветительских идей способствовало появлению в конце XIX века писателей и поэтов среди женщин: Г.Биктимирова, Х.Гисматуллина, Х.Насырия и др.³⁹ У этих женщин имелся яркий пример для подражания. Известно, что в составлении текстов статей И.Гаспринскому помогала его жена Зухра-ханум Акчурина. Она лучше мужа знала «поволжско – уральский тюркский диалект». Готовила материалы к печати и писала важные труды, хотя её имя редко появлялось в печати⁴⁰. «Зухра-ханум в ту пору была самой большой опорой Исмагилбека», – писал Г.Исхаки⁴¹. В распространении идей просвещения, в становлении литературного стиля и языка «Терджимана» была и её заслуга.

В те годы основное образование получали в так называемых старометодных медресе. Советская историография негативно относилась к кадимистским учебным заведениям. Критиковали их джадиды. Современная российская историческая наука более объективно подходит к данной проблеме. Известные историки, литераторы, общественные деятели конца XIX – начала XX века

³⁶ Махмутова А.Х. Указ. соч. – С.13.

³⁷ Тухватуллина Л. Проблема человека в трудах татарских богословов / Л.Тухватуллина. – Казань, 2003. – С. 161.

³⁸ Махмутова А.Х. Указ. соч. – С. 29.

³⁹ Там же. – С. 30.

⁴⁰ Там же. – С. 25–26.

⁴¹ Там же. – С. 26.

Ш.Марджани, Р.Фахрутдинов, К.Насыри, Г.Губайдуллин и др. были выпускниками именно таких учебных заведений. Старометодные медресе давали неплохое религиозное образование. В основном преподавание включало цикл гуманитарных предметов: восточная литература, философия, языки и т.д. С достижениями европейской литературы знакомились через переводную турецкую литературу (Ж.Верн, Ф.-М.Вольтер, Ж.-Ж.Руссо, К.Фламарион и др.)⁴². Это было одностороннее образование, которое не открывало двери светских учебных заведений. И, в конце XIX века такой вид образования не отвечал требованиям передовой интеллигенции. Татарская молодежь в сложившихся условиях начинает заниматься самообразованием. Приходилось преодолевать и трудности. Идеи И.Гаспринского и «Терджимана» не нашли поддержки среди широких слоев населения. Прежде всего, идея об отношениях с западной цивилизацией, представленной в основном Россией⁴³. И.Гаспринский был сторонником европейского образования, а не слепого копирования западной цивилизации⁴⁴. Он писал: «Не грустно ли в самом деле, что русское господство не ведет мусульман к прогрессу и цивилизации»⁴⁵. Ситуация изменилась после революции 1905 года. Но светское образование могло быть доступным только через русский язык. И здесь начинается самое сложное. Двери всех старометодных учебных заведений были закрыты для русского языка⁴⁶. Отрицательные последствия этого факта были налицо. Русский язык был необходим в повседневной жизни. С вековыми предрассудками было тяжело бороться. Это было результатом русификации и христианизации. Была сильна ненависть к русскому языку, да и ко всему русскому. На протяжении столетий она служила защитной мерой против поглощения татарского народа русским⁴⁷. Татарская интел-

⁴² Газиз Губайдуллин: «Я среди товарищей считался хорошим диспутантом» / Г.Губайдуллин // Эхо веков. – 1997. – № 1–2. – С. 122.

⁴³ Беннигсен А. Указ. соч. – С. 91.

⁴⁴ Там же. – С. 92.

⁴⁵ Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения / И.Гаспринский // Россия и Восток. – Симферополь, 2000. – С. 22.

⁴⁶ Давлетшин Т. Указ. соч. – С. 49.

⁴⁷ Там же. – С. 50.

лектуальная элита понимала необходимость и важность изучения русского языка. Например, ещё в 1876 году Ш.Марджани поддержал открытие русско-татарской учительской школы в Казани⁴⁸. Школа была непопулярна среди татарского населения, которая видела в ней еще одну попытку русификации. Сам Ш.Марджани не отрицал такой опасности и считал, что сначала следует научиться родному языку, освоить арабский и учение Ислама⁴⁹. Такие школы давали возможность изучения светских предметов. Но, для поступления в университет необходим был гимназический аттестат. Немногие смогли сдать экстерном гимназические экзамены и поступить в университет. Прежде всего необходимо было разрешение родителей на изучение русского языка и светских предметов. В своих воспоминаниях Г.Губайдуллин пишет, что отец не сразу поддержал стремление детей получить светское образование. Только в 1904 году они с братом Абдул-Кадыром начали подготовку по программе классических гимназий, а в Казанский университет он смог поступить лишь в 1910 году⁵⁰.

Было бы ошибочным связывать просветительно-реформаторское движение среди казанских татар только с деятельностью И.Гаспринского.

Одним из первых вопрос о возможности мирного сосуществования мусульман и христиан в России поднял Батырша (Абдулла Алиев). Он стоял во главе повстанческого движения мусульман в 1755 году⁵¹. Никто до него не обращался к мусульманам с такой обоснованной и развернутой программой борьбы. В своем «Гаризнамэ» («Воззвании») он определил проблемы, стоящие перед мусульманским обществом России, и наметил пути дальнейшего развития⁵². Одним из факторов, способствовавших участию татар в восстании Е.Пугачева (1773–

⁴⁸ Там же. – С. 56.

⁴⁹ Там же. – С. 56.

⁵⁰ Газиз Губайдуллин. Указ. соч. – С. 120–122.

⁵¹ Валиуллин И. Идею наследие Батырши в контексте общественно-политической жизни татар во второй половине XVIII века / И.Валиуллин // Батырша житәкчелегендәге баш күтәрү һәм XVIII йөз татар жәмгыятендә ижтимагый-мәдәни торыш. – Казан, 2007. – Б. 122.

⁵² Там же.

1775 гг.), было требование прекратить преследование ислама, признать мусульманскую религию⁵³.

Татарское просветительское движение началось с религиозного реформаторства. «Мусульманское реформаторство ставило перед собой цель реформировать религиозное сознание верующих мусульман-теологов, формально не затрагивая ислам как определенную систему догм на начальном этапе своего развития, тогда как западная реформация догматику затрагивала по существу»⁵⁴. А.Н.Юзеев таким начальным этапом считает конец XVIII – начало XIX века, когда, в условиях новой социокультурной ситуации, «...татарское общество требовало не отказа от религии, а её большей открытости в соответствии со сложившейся реальностью...»⁵⁵.

В конце XVIII – начале XIX вв. представителями такого направления стали А.Утыз-Имяни и А.Курсави. Взгляды А.Утыз-Имяни более консервативны. Он сторонник свободного высказывания мысли, вынесения иджтихада⁵⁶, критического отношения к наследию прошлого. А.Курсави известен как ученый, внесший новые реформаторские идеи в религиозное учение. Выступал за эрудированного инициативного человека, стремящегося к знаниям⁵⁷.

Татарское реформаторство второй половины XIX века связывают с деятельностью Ш.Марджани. Он не просто критиковал некоторые устаревшие положения ислама, а был сторонником приспособления «обновленных» канонов религии к достижениям современной науки⁵⁸. Идеи И.Гаспринского отличались от идей Ш.Марджани. И.Гаспринский был представителем нового поколения, его идеи, более передовые и либеральные, были обращены ко всему мусульманскому населению России.

⁵³ Юзеев А.Н. Указ. соч. – С. 82.

⁵⁴ Там же. – С. 72.

⁵⁵ Там же. – С. 84.

⁵⁶ Одна из специфических черт мусульманского религиозного реформаторства – идея «открытых дверей иджтихада» (вынесения самостоятельного суждения) – относится непосредственно к фикху – мусульманскому праву. (Юзеев А.Н. Указ. соч. – С. 70).

⁵⁷ Юзеев А.Н. Указ. соч. – С. 102.

⁵⁸ Там же. – С. 103.

Он больше политик и общественный деятель, чем теолог. Его популярности способствовали ещё два фактора: во-первых, он обратился к населению на понятном ему языке, а не на арабском; во-вторых, умел договариваться с правительственными учреждениями и издавал для них трактаты на русском языке⁵⁹.

Новые веяния коснулись и историческую литературу. Конец XIX – начало XX вв. – период становления и расцвета татарской исторической литературы. Имена татарских историков этого периода известны многим: Ш.Марджани, Р.Фахрутдинов, Х.Атласи и др. Историей занимались и люди, которые не оставили особо яркий след в исторической науке. Например, Хасан-Гата Гобэши и др. У татарских историков этого периода много общего. Прежде всего, они не имели специального исторического образования, были выпускниками старометодных медресе и многие имели духовный сан (Ш.Марджани, Р.Фахрутдинов, Х.Атласи и др.) В то время они ещё не могли получить высшее образование. Из-за плохого знания русского языка или незнания вообще был ограничен доступ к научной литературе на русском языке. Но они занимались самообразованием. Известно, что Ш.Марджани плохо владел русским языком и часто прибегал к помощи М.Махмутова и М.Аитова⁶⁰. А последние достижения российских востоковедов узнавал через Х.Фаизханова. Об этом свидетельствует их переписка⁶¹.

Ш.Марджани – ключевая фигура в истории татарского народа второй половины XIX века. Известно, что до начала своей практической деятельности И.Гаспринский приезжал в Казань, встречался с ним и с татарскими меценатами, которые его поддерживали не только морально, но обещали и материальную помощь⁶². С именем Ш.Марджани связывают становление и развитие татарской национальной историографии. Действительно, до него мы не имели последовательно сформулированную

⁵⁹ Усманов М.А. О триумфе и трагедии идей Гаспринского. – С. 9.

⁶⁰ Юсупов М.Х. Указ. соч. – С. 54.

⁶¹ Там же. – С. 57.

⁶² Госманов М. Шәркый Төркстанда яңа уйгур мәгарифчелеге вә Исмагыйль Гаспринский / М.Госманов // Исмагыйль Гаспринский. Тарихи-документаль жьыентык. – Казан, 2006. – Б. 43.

историю казанских татар, начиная с древнетюркских государственных образований и до создания Казанского ханства⁶³. В последующие годы эта историческая традиция с некоторыми изменениями и дополнениями была принята и развита в трудах Р.Фахрутдинова, Х.Атласи, Г.Ахмерова и др. В конце XIX – начале XX вв. эти исследования были востребованы обществом, прежде всего передовой татарской интеллигенцией.

Наиболее актуальными в этот период были проблемы, связанные с этнонимом «татары» и этногенезом татарского народа. И.Гаспринский был сторонником создания не только «единого языка», но и объединения всех мусульман. Наверное, поэтому крымских татар вне общетюркского мусульманского духовного единства упоминал редко. В своих краеведческих, этнографических работах он их называл «къримлы» или «крымские мусульмане». А для тюркоязычных народов Российской империи употреблял термины: «русские мусульмане», «тюрко-татары», «русские тюрки» и др.⁶⁴ Среди татарских историков были те, которые придерживались примерно таких же взглядов. Всем хорошо знакомо имя Р.Фахрутдинова, талантливого журналиста, общественного деятеля и историка. Ш.Марджани для него всегда был примером. И его «Асар» написана по образцу «Вафийэтел – эслаф...» Ш.Марджани⁶⁵. Основная работа Р.Фахрутдинова по истории казанских татар – «Болгар вә Казан тореклэре» («Булгарские и Казанские тюрки»). В работе он «татарами» называет только население Золотой Орды. В отношении казанских татар употребляет термин «тюрки» или же «мусульмане». Золотая Орда, как промежуточное звено между Волжской Булгарией и Казанским ханством, отсутствует в его исторической концепции. Свое мнение относительно этнонима «татары» высказал и З.Валиди. О нем надо сказать особо. Можем ли мы считать его татарским историком? Сам историк считал

⁶³ Мәржани Ш. Указ. соч.

⁶⁴ Ганкевич В. Указ. соч. – С. 56.

⁶⁵ Фәхретдинов Р. Болгар вә казан тореклэре / Р.Фәхретдинов. – Казан, 1993. – Б. 7.

себя башкиром⁶⁶. Изучением его творчества в основном занимаются историки Башкортостана⁶⁷. У З.Валиди нетрадиционный подход к истории татарского народа. Он считает историю Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства частью единой истории тюркских народов. В отличие от татарских историков этого периода он не отделяет историю казанских татар от общей тюркской истории⁶⁸. З.Валиди высказал свое мнение и относительно этнонима «татары». Он предлагал для всех тюркских народов принять самоназвание «тюрки», а тюркские народы России называть «центральными тюрками». Эту точку зрения он выразил в статье: «Какой ты национальности»⁶⁹. Традиции татарской дореволюционной историографии сохранил в эмиграции Б.Баттал. Его работа «Казан торкилэре» («Казанские тюрки») – одна из немногих работ, где изложение событий доведено до современности, и критически оценивается национальная политика большевиков⁷⁰. В этом исследовании, опубликованном в 1925 году в Турции, он ни разу не употребил термин «казанские татары» и местное население называл «казанскими тюрками». Историю Золотой Орды рассматривает только в связи с завоеванием Волжской Булгарии, а не как часть этнической истории казанских татар.

Почти во всех исследованиях этого периода рассматриваются проблемы этногенеза и этнонима. Национальный вопрос был одним из наиболее актуальных. По мнению Г.Баттала, Ш.Марджани и К.Насыри первыми ввели в татарскую историческую литературу этноним «татары»⁷¹. И сами были сторонни-

⁶⁶ Валиди Тоған З. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. – Кн.1. – Уфа, 1994. – С. 8.

⁶⁷ Салихов А.Г. Научная деятельность А.Валидова в России / А.Г.Салихов. – Уфа, 2001. – 164 с.; Материалы к библиографии Ахмет-Заки Валиди Тоғана. – Уфа, 1996. – 146 с. и др.

⁶⁸ Вәлиди Ә-З. Кыскача төрек-татар тарихы / Ә-З.Вәлиди. – Казан, 1992. – 180 б. «История тюрков и татар» была опубликована в 1912 г., а в 1915 г. была переиздана в новом варианте – «Краткая история тюрков и татар». Она и легла в основу издания 1992 г.

⁶⁹ Салихов А.Г. Указ. соч. – Уфа, 2001. – С. 64.

⁷⁰ Баттал Б. Казан торкилэре / Б.Баттал. – Казан, 1996. – 190 б.

⁷¹ Шунда ук. – Б. 169.

ками этого этнонима. В отношении этногенеза взгляды расходились. К.Насыри предками казанских татар считал болгар⁷². Ш.Марджани не указывает на прямую преемственность болгар – населения Золотой Орды и Казанского ханства. В то же время не отрицает, что в формировании татарского народа участвовали, наряду с булгарами, другие этносы, в том числе и кипчаки. Ш.Марджани считал, что казанские татары не могут отказываться от этого этнонима, потому что он закрепился за ними самим ходом исторического развития. Этноним пришлый, навязанный; этнически современные казанские татары «...к войску Бату хана никакого отношения не имеют»⁷³. Казалось бы, проблема решена. И со временем к мнению Ш.Марджани татарская интеллигенция прислушалась.

Спор об этнониме «татары» продолжился и в 1920-е гг. Проблема происхождения этнонима «татары» нашла отражение в двух работах Г.Губайдуллина: «Төрөкме, татармы?» («Тюрк или татарин?»), и «К вопросу о происхождении татар»⁷⁴. В них он придерживается двух противоположных точек зрения. В первой работе историк выступает против сохранения этнонима «татары», предлагая принять за самоназвание термин «волжские тюрки», обосновывая это тем, что этноним «татары» ни этнографически, ни лингвистически не соответствует происхождению казанских татар. На основании китайских и восточных источников убедительно доказывает, что древние татарские племена по этническому происхождению были монголами⁷⁵. Через десять лет, в изменившейся политической ситуации он вновь обратился к татарскому этногенезу и этнониму. В статье «К вопросу о происхождении татар» он выступил сторонником этнонима «татары». Свою позицию обосновывал следующим образом: приволжским мусульманам не стоит отвергать этноним «татары», потому что по происхождению древние татары были тюрко-

⁷² Гайнуллин М.Х. Каюм Насыри / М.Х.Гайнуллин. – Казан, 1975. – Б. 38.

⁷³ Марджани Ш. Указ. соч. – С. 27.

⁷⁴ Газиз Г. Төрөкме, татармы? – Казан, 1918. – 11 б.; Губайдуллин Г. К вопросу о происхождении татар // Вестник научного общества татароведения. – Казань, 1928. – № 8. – С. 130–140.

⁷⁵ Газиз Г. Төрөкме, татармы? – Б. 9.

язычными племенами⁷⁶. В отношении этногенеза он развил идею Ш.Марджани о преемственности Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства и первым среди местных историков пришел к заключению, что татарский народ сформировался в период Казанского ханства. По его мнению, в формировании татарского народа принимали участие финно-угорские племена, болгары и пришлые золотоордынские татары⁷⁷.

Татарские историки конца XIX–XX веков первыми разрушили многие мифы. Прежде всего, о Казанском ханстве как о варварском государстве, и смогли доказать, что татарский народ имеет богатую, самобытную историю и культуру. Исследования этого периода сохранили научную значимость и в настоящее время. Долгие годы в татарской исторической науке не было фундаментальных исследований, которые смогли бы превзойти достижения национальной историографии конца XIX – начала XX веков по этнической истории казанских татар. Ученые этого периода заложили фундамент для дальнейших исторических исследований, которые были продолжены историками «нового поколения» в 1920-е годы.

Именно благодаря джадидизму мы имеем прекрасную литературу, поэзию, исторические произведения конца XIX – начала XX веков. Поистине, этот период можно назвать «серебряным веком» татарской культуры. На этих идеях и произведениях воспитывалось поколение, которое развивало идеи реформаторства в 1920-е годы.

Февральская революция 1917 года открыла широкие возможности для развития национальной культуры. Создаваемые в крае новые организации, комитеты, бюро были общенационального характера и ставили перед собой сугубо национальные, т.е. культурные и религиозные проблемы⁷⁸. Д.Исхаков считает, что идеи и достижения «национальных» («мусульманских») коммунист-

⁷⁶ Губайдуллин Г. К вопросу о происхождении татар. – С. 131.

⁷⁷ Газиз Г. Татар тарихы / Г.Газиз. – М., 1925. – 280 б.

⁷⁸ Тагиров И.Р. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль – июль 1917 г.) / И.Р.Тагиров. – Казань, 1977. – С. 161.

тов были одним из результатов джадидского движения⁷⁹. Одной из наиболее крупных фигур в большевистской партии, работавшей в национально-освободительном движении, был М. Султан-Галеев. В начале 1920-х годов по ряду принципиальных вопросов не соглашался со сталинской концепцией роли национальных республик⁸⁰. Вскоре его обвинили в национализме и арестовали. Во многих следственных делах 1930-х годов прочно закрепилась фраза «за связь с султангалеевской организацией». Так была пресечена очередная попытка возрождения тюркоязычных народов России, перспективы культурного развития, языковой интеграции и распространение просвещения.

Появление И.Гаспринского на исторической арене было подготовлено самим ходом исторического развития. С его именем связывают обновление всех сторон жизни тюрков-мусульман России. Надежды не только на сохранение, но и на развитие национального языка и культуры способствовали пересмотру российскими мусульманами значения многих духовных ценностей. Изменилось отношение к русскому населению и правительству. Появилось стремление и желание познать «чужую» культуру и «чужой» язык. Развитие татарской исторической науки укрепило чувство национальной гордости.

С приходом к власти большевиков начался новый этап борьбы за сохранение не только религии, национальной культуры, но и этноса. Выработанные веками национальная самодисциплина, толерантность в отношении других религий помогли избежать этнических конфликтов в 1990-е годы в Татарстане. И поэтому идеи И.Гаспринского о мирном диалоге с правительством, с русскоязычным населением, идея возрождения нации не через оружие, а с помощью просветительства, как никогда остаются актуальными в современном мире.

⁷⁹ Исхаков Д. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению / Д.Исхаков. – Казань, 1997. – С. 3.

⁸⁰ Султанбеков Б.Ф. Мирсаид Султан-Галиев: Судьба. Люди. Время / Б.Ф.Султанбеков. – Казань, 1991. – С. 13.

А.В.Ермошин

Учебно-методическая основа преподавания Закона Божьего в средних учебных заведениях в XIX веке

Обязательным элементом среднего образования в Российской империи в XIX веке было изучение Закона Божьего. Учебно-методическую основу его преподавания составляли учебники, учебные пособия, программы по данному предмету. На протяжении XIX столетия мы можем наблюдать существенное развитие как содержания и структуры предмета «Закон Божий», так и учебно-методической литературы по нему.

В начале XIX века в российских гимназиях, в том числе в единственной тогда в Казани Императорской первой мужской гимназии, предмета «Закон Божий» как такового не было, а был «класс Катихизиса и Священной истории» (названия могли варьироваться, например, «класс Катихизиса Греко-Российского исповедания» и т.п.). Преподавание в этом классе, по документам того времени, предстает малоупорядоченным как в кадровом, так и в учебно-методическом отношении.

Яркой иллюстрацией к кадровой проблеме служит, например, тот факт, что в Первой казанской гимназии с 1806 г. преподавание в «классе Катихизиса и Священной истории» было возложено на учителя среднего латинского класса Семена Михайловича Белоусова (учившегося сначала в Вятской, а потом Казанской духовной семинарии, и закончившего ее уже после преобразования в 1798 г.¹ в академию)². Таким образом, он, хотя и имел аттестат Казанской духовной академии (т.н. «старой»), не был священнослужителем Православной Церкви, каковые преподавали в указанном классе в предшествующее время. Эта неординарная практика была продолжена и в последующие годы и даже усугублялась. Так, в августе 1808 г. классы «средний латинский», «Катихизиса и Священной истории» были поручены 20-летнему дворянину Николаю Васильевичу Упадышевскому,

¹ См.: Липаков Е.В. Казанская Духовная Семинария: Исторический очерк / Е.В.Липаков. – Казань: Центр инновационных технологий, 2007. – С. 29.

² НА РТ. Ф. 92. Оп.1. Д. 147. Л. 9–9 об.

обучавшемуся в Казанском университете³ и не имевшему высшего богословского образования. Он оставался учителем среднего латинского класса, класса «Катихизиса и Священной истории» и в 1810⁴, и в 1811⁵ гг.

Еще более неоднозначной была ситуация с литературой, использовавшейся в преподавании в названном классе. В инструкциях и предписаниях того времени специальная литература, кроме собственно Катехизиса, не упоминается. Но весьма интересной и, пожалуй, характерной для Александровской эпохи – времени почти всеобщего увлечения нездоровым мистицизмом западного происхождения (пиетизм, масонство и т.п.) – предстает содержащаяся в официальных документах настойчивая рекомендация законоучителям на уроках и во внеурочных духовных беседах с воспитанниками-гимназистами «с пользою читать <...> лучших писателей о нравственности и благочестии, <...> например, Фенелона, Бурдалу, Тиллотсена, Жерузалема и проч.»⁶. Франсуа Фенелон (1651–1715) – французский архиепископ, писатель, автор философско-утопического романа «Приключения Телемака» и ряда дидактических трактатов⁷. Джон Тиллотсон (1630–1694) – архиепископ Кентерберийский, знаменитый англиканский проповедник, чьи проповеди, будучи короткими, ясными и понятными, высоко ценились и в XVIII в.⁸, а у нас, как видим, и в начале XIX-го... Таким образом, сочинения заведомо неправославных авторов признавались «лучшими», по сравнению с сочинениями православных богословов. При этом многие святоотеческие труды находились под фактическим запретом для чтения даже в духовных школах того времени. Вкупе с усиленно насаждавшимися в тот период в российских гимназиях (в т.ч. в Казанской) «библейскими кружками» это красноречиво свидетельствует о весьма неоднознач-

³ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 380. Л. 1 об.–3.

⁴ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 359. Л. 45 об. Д. 377. Л. 21 об.

⁵ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 416. Л. 106 об.

⁶ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 516. Л. 17.

⁷ Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М.Прохоров. – 4-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 1632 с.: ил. С. 1420.

⁸ Комната с гобеленами: Английская готическая проза / Пер. с англ. и фр. – М.: Правда, 1991. – С. 557 (комментарий Н.А.Соловьевой).

ной ситуации, сложившейся в религиозном образовании в годы правления Александра I.

В этом отношении в середине, а особенно во второй половине XIX столетия положение существенно меняется. Во-первых, «класс Катихизиса и Священной истории» уступает место учебному предмету «Закон Божий», изучаемому во все годы обучения в гимназии и имеющему четкую внутреннюю структуру с поэтапным распределением учебных курсов по классам. Во-вторых, упорядочивается схема подбора и назначения преподавательских кадров: «Законоучители гимназий и прогимназий избираются начальниками сих учебных заведений и, по предварительном одобрении избираемого лица местным епархиальным начальством, утверждаются в должности попечителем учебного округа»⁹, причем гимназическими законоучителями становились священнослужители с высшим богословским образованием. И, наконец, появляется довольно значительное количество учебников для каждого из курсов Закона Божьего (Священная история Ветхого Завета, Священная история Нового Завета, Катехизис, учение о богослужении, церковная история и др.), написанные православными российскими авторами.

Все создаваемые в этот период учебники и учебные пособия по Закону Божьему проходили строгую духовную цензуру, одобрялись Святейшим Правительствующим Синодом и допускались для употребления в соответствующих учебных заведениях Министерством народного просвещения, как видно из отметок на форзацах и титульных листах¹⁰.

⁹ Устав гимназий и прогимназий 1864. – СПб.: Тип. Роговского, 1864. – С.9–10.

¹⁰ См., например: Книга для духовно-нравственного чтения и первоначального наставления в Законе Божию: Для нач. нар. училищ и сельских шк. / Сост. Платон Афинский. – 44-е изд., с доп. для дух. и уездных училищ. – М.: Типо-лит. т-ва И.Н.Кушнерев и К, 1907. – 176 с.; Закон Божий: Объяснение символа веры, молитв и заповедей, с подготовительными к нему рассказами из священной истории и с кратким учением о богослужении православной церкви, для руководства при изучении Закона Божия в начальных народных училищах, в первом классе городских училищ и подготовительном классе средних учебных заведений / Сост. применительно к программе, утвержденной Св. Синодом и обяза-

Несмотря на строгую цензуру, выбор учебников по одному и тому же курсу был весьма широк. Причем такой плюрализм в выборе учебников наблюдается и тогда, когда законоучителям разрешалось пользоваться своими авторскими программами преподавания (например, в «либеральных» 1860-х гг. законоучитель Второй Казанской мужской гимназии священник Михаил Зефирова пользовался своей программой), и тогда, когда программы стали спускаться «сверху»: из Министерства народного просвещения через попечителя учебного округа (в той же Второй мужской гимназии Казани уже в конце 1870-х годов программу о. Зефирова заменяют на программу, утвержденную Святейшим Синодом и министром народного просвещения 31 июля 1872 г. и оставшуюся без существенных изменений в учебных планах 1877 г.¹¹).

Вот пример одной из таких циркулярных программ. В 1871 г. было предписано использовать в I классе при изучении Священной истории Ветхого Завета «[учебник протоиерея Александра] Рудакова (послед. изд.) (Из этого руководства исключаются §§ 77, 78, 83, 84, 85, 87, 88, 90, 98, 99, 100, 107, 111)»¹². Во 2 классе преподается «Священная история Нового Завета по руководству Рудакова (послед. изд.) за исключением отделов: 1) Взгляд на состояние иудеев во время земной жизни И[исуса] Х[риста]; 2) Все примечания, кроме примечания к § 76; 3) §§ 55, 61, 72 и 80»¹³. При изучении Катехизиса (т.е. веро- и нравоучения) в 3 и 4 классах предписывалось руководствоваться «Пространным катихизисом» митрополита Филарета. Для 5 класса назначено в качестве руководства «Учение о богослужении» Рудакова, а в 6 классе – «История Церкви Вселенской и Отечественной» по руководству Рудакова, за исключением: 1) введения; 2) большей части напечатанного мелким шрифтом, кроме замечаний о знаменитейших мучениках и отцах Церкви;

тельной для начальных училищ разных наименований и ведомств, а также применительно к программе одноклассных церковно-приходских школ, протоиерей Григорий Чельцов. – 40-е изд. – СПб., 1911. – 416 с.

¹¹ См.: Львов Д. Историческая записка о Казанской второй гимназии с 1876 по 1885 г. / Д.Львов. – Казань: Тип. имп. ун-та, 1885. – С. 13.

¹² Распределение учебных занятий по классам в Казанских гимназиях. – Казань: универ. типогр., 1871. – С. 2.

¹³ Там же. – С. 2.

3) §§ 24, 29, 35, 42, 49, 64 (последние 4 отдела излагаются в сокращенном виде)¹⁴. На 7 класс назначалось повторение пройденного в течение всего гимназического курса (видимо, по тем же учебникам или по усмотрению законоучителя – в документе не прописано).

В Казанской прогимназии, на основании Высочайше утвержденных 19 июня 1871 г. изменений и дополнений в Устав гимназий и прогимназий 19 ноября 1864 г., учебными руководствами и пособиями по Закону Божьему были (данные на 13 октября 1871 г.): в подготовительном классе – «Начальное наставление в Православной Христианской вере» протоиерея Соколова, «Библейская история» Базарова, пособием служили картины и карта Палестины; в 1 и 2 классах – «Священная история» Попова, те же пособия и Библия; в 3 и 4 классах – «Пространный катихизис» митрополита Филарета, пособие – Библия¹⁵.

Десятилетием позже, в 1882 году в Казанском учительском институте «учебниками по Закону Божию служили: “Священная история Ветхого и Нового Завета” протоиерея Рудакова, “История Церкви” и “Учение о богослужении” того же составителя, и “Пространный катихизис” м[итрополи]та Филарета¹⁶. Те же «общепринятые и употребляемые в классических гимназиях учебники» использовались в институте и в следующем 1873 году¹⁷.

Мы уже отмечали, что при довольно строгой регламентации и цензуре набор учебников по одному и тому же курсу был весьма разнообразным, а выбор порой предоставлялся самим учебным заведениям. Это легко заметить, анализируя рекламные листки одного из казанских книжных магазинов, где указано, какими учебниками и учебными пособиями пользовались при изучении Закона Божьего в последнем учебном году XIX столетия в четырех казанских средних учебных заведениях: в Казанском реальном училище, Второй и Третьей мужских и Мариинской женской гимназиях¹⁸.

¹⁴ Распределение учебных занятий по классам... – С. 3.

¹⁵ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10442. Л. 95–95 об.

¹⁶ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 15666. Л. 130 об.

¹⁷ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 16164. Л. 173.

¹⁸ Список учебников, принятых в (Казанской) Мариинской женской гимназии, 2-й Казанской гимназии, 3-й Казанской гимназии, Казанском

Так, если в подготовительном классе Мариинской гимназии использовали «Закон Божий» Чельцова, то в реальном училище – «Начальное наставление» епископа Агафодора.

Учебниками для 1 класса служили: в Третьей мужской и Мариинской женской гимназиях, а также в Реальном училище – «Священная история Ветхого Завета» Попова, тогда как во Второй мужской гимназии – аналогичный учебник Рудакова. При этом во Второй гимназии использовали еще «Евангелие славяно-русское» и «Учебный часослов», а в Третьей – «Евангелие славяно-русское» и «Сокращенный молитвослов».

Преподавание Священной истории Нового Завета во 2 классе проводилось также по учебникам тех же Попова (в Реальном училище, Третьей мужской и Мариинской женской гимназиях) и Рудакова (во Второй мужской гимназии, где также использовали Часослов). «Евангелием славяно-русским» пользовались в обеих мужских гимназиях и в училище.

В 3 классе православное богослужение изучали по книгам Рудакова (в Реальном училище, Мариинской женской и Третьей мужской гимназиях) и Соколова (во Второй мужской гимназии). Помимо этого, в Реальном училище продолжали использовать «Евангелие славяно-русское», во Второй мужской гимназии применяли такие богослужебные книги, как Псалтирь, Октоих и Часослов, в Третьей – Часослов и все то же Евангелие («славяно-русское»).

В 4 классах всех этих учебных заведений использовали «Пространный катихизис» митрополита Филарета (Дроздова). Кроме того, в Мариинской гимназии пользовались «Записками по Закону Божию» Лаврова, во Второй мужской – Новым Заветом, а в Третьей – и тем, и другим.

В 5 классе продолжалось изучение курса катихизиса, поэтому везде продолжали использовать пособия 4 класса, но во Второй мужской гимназии уже начинали знакомство с церковной историей по книге Смирнова.

Во всех трех гимназиях в 6 классе использовалась «История Церкви» Смирнова, а в Реальном училище – «История Церкви»

реальном училище в 1899–1900 уч. году, продающихся книжным магазином бр. Башмаковых в Казани. – Казань, 1899. – 30 с.

Рудакова. При этом в обеих мужских гимназиях продолжают указывать в качестве пособия и Новый Завет.

В 7 классе женской гимназии продолжали изучать церковную историю по книге Смирнова, а в обеих мужских уже переходили к «Изложению Христианского вероучения» того же автора, не оставляя и Нового Завета. В Реальном же училище обучались в 7 классе по книгам А. Покровского «Очерки Христианского вероучения» и «Очерки Христианского нравоучения».

«Очерками Христианского нравоучения» Покровского руководствовались наряду с Новым Заветом в 8 классе Третьей мужской гимназии. Во Второй также, наряду с Новым Заветом, пользовались книгой Покровского «Нравственное богословие». В Мариинской женской гимназии в 8 классе обучались по учебнику Соколова «Методика Закона Божия» и одноименному учебнику Страхова. А вот в Реальном училище повторяли все изученное в 1–7 классах, вновь используя при этом учебники прошлых лет.

Из этого подробного сопоставления ясно видно, что при соблюдении общей программы преподавание Закона Божьего в каждом учебном заведении имело и свои отличительные черты. Так, в Мариинской гимназии ограничивались лишь учебниками (хотя не исключаем, что в ходе уроков к источникам также обращались). Но зато в 8 классе идет не просто повторение изученного в предшествующие годы материала, но преподается методика Закона Божьего (по учебникам Соколова и Страхова). Безусловно, это вызвано тем обстоятельством, что в Мариинской гимназии 8 класс был педагогическим.

Во Второй и Третьей мужских гимназиях ученики подходили к изучению богослужения в 3 классе, имея вполне основательную подготовку, ибо уже были знакомы с некоторыми богослужебными книгами (особенно во Второй гимназии). В этих же гимназиях большой упор сделан на изучение Священного Писания Нового Завета. Реальное училище в этом отношении существенно уступало вышеозначенным гимназиям.

Еще одна интересная особенность касается выбора учебников. Нетрудно заметить, что у некоторых авторов есть целая цепь последовательно сменяющих друг друга учебных пособий (например, у протоиерея Александра Рудакова). Но что мы

видим: если в реальном училище, Третьей мужской и Мариинской гимназиях Священная история Ветхого и Нового Завета изучается по учебникам Попова, а богослужение – по учебнику Рудакова, то во Второй гимназии, наоборот, Священной истории обоих Заветов учат по Рудакову, а богослужение преподают по Соколову. Зато история Церкви во всех трех гимназиях преподается по учебнику протоиерея Петра Смирнова, а в реальном училище – все того же о. Рудакова. Вряд ли это способствовало повышению качества обучаемости. Думается, целесообразнее было бы использовать целый комплект учебников одного автора, тем более что такая возможность имелась (учебники о. А. Рудакова).

Примечательно, что ранее (в 1886 г.), в том же Казанском реальном училище, допускалась возможность использования учащимися учебников: по Священной истории Ветхого Завета – А. Рудакова, Д. Соколова или Попова; по Новозаветной истории – тех же трех авторов; по православному богослужению – Рудакова; а по катехизису – святителя Филарета¹⁹.

Законоучитель Второй мужской гимназии священник М. Зефирин в упоминавшейся уже авторской программе указывал, что для изучения Ветхого Завета в первом классе «достаточным учебником может служить книжка Базарова»²⁰.

Для сравнения отметим, что в частной женской гимназии Л.П. Шумковой пользовались совершенно иными учебниками. Так, в среднем и старшем подготовительных классах начальные сведения по Закону Божьему преподавались по учебнику Темномерова; его же руководствами пользовались при изучении Священной истории Ветхого (1 класс) и Нового (2 класс) Заветов, объяснении богослужения (3 класс). На уроках по катехизису в 4 и 5 классах пользовались учебником Романова, церковную историю в 6 и 7 классах изучали по учебнику епископа Василия Можайского. Учение об основных истинах Православной Церкви в 8 классе повторяли по учебнику священ-

¹⁹ См.: Казанское реальное училище: Правила и программы для поступления в Казанское реальное училище. – Казань, 1886. – С. 8, 9, 10, 12.

²⁰ Гвоздев П. Историческая записка о Второй Казанской гимназии / П.Г.Гвоздев. – Казань: унив. типогр., 1876. – С. 56.

ника Виноградова, по его же руководству изучали методику преподавания Закона Божьего (в том же классе)²¹.

Итак, повсеместным и всеобщим было использование лишь филаретовского «Пространного катихизиса».

Что же представляют собой вышеназванные учебники? Рассмотрим содержание некоторых из них.

Используемый в некоторых подготовительных классах учебник Закона Божьего протоиерея Григория Чельцова²² (выдержавший, кстати, к 1911 г. 40 изданий) представляет собой пособие, где после первоначальных указаний кратко излагается Ветхо- и Новозаветная история, даются краткие вероучительные и нравоучительные разъяснения и наставления; заканчивается учебник также кратким рассказом о храме, богослужении и лицах, его совершающих. В целом, пособие целиком подходит под понятие «пропедевтический курс».

Учебник протоиерея Александра Рудакова «Священная история Нового Завета» написан в весьма доступной и, на наш взгляд, занимательной форме. В 1868 г. он выдержал уже 10-е издание и переиздается до сих пор²³. То же можно сказать и о книге протоиерея Петра Смирнова «История Христианской Православной Церкви», также недавно переизданной²⁴. Учебник выгодно отличается от других тем, что в нем дается не только история Вселенской Церкви до зарождения Церкви Русской, но приводятся краткие сведения по истории католицизма, Реформации, и, собственно, история Церкви Российской.

²¹ Казанская женская гимназия Л.П.Шумковой: Казанское частное общеобразовательное и профессиональное среднее женское учебное заведение Л.П.Шумковой. – Казань, 1910. – С.9–11, 14, 18, 22, 25, 28, 32, 36.

²² Закон Божий: Объяснение символа веры, молитв и заповедей, с подготовительными к нему рассказами из священной истории и с кратким учением о богослужении православной церкви, для руководства при изучении Закона Божия в начальных народных училищах, в первом классе городских училищ и подготовительном классе средних учебных заведений. – 416 с.

²³ Рудаков А. Священная история Нового Завета / А.Рудаков. – Изд. испр. и доп. – М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001. – 224 с.

²⁴ Смирнов П. История христианской православной церкви / П.Смирнов. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2000. – 268 с.

В качестве учебного пособия упоминаются также и «Записки по предмету Закона Божия» протоиерея Александра Лаврова²⁵. Эта книга, составленная применительно к учебным планам 1872 г. для 3–5 классов мужских гимназий и внесенная в «Опыт каталога ученических библиотек средних учебных заведений Министерства народного просвещения», выдержала к 1917 г. 25 изданий и была также рекомендована для учебных заведений Ведомства учреждений Императрицы Марии. Первый раздел (для 3 класса) посвящен здесь «Учению о богослужении Христианской Православной Церкви» и включает следующие темы: «Предварительные понятия», «Богослужение Православной Церкви», «Объяснение Всенощного бдения», «Литургия», «Литургия св. Иоанна Златоуста», «Богослужение великопостное». Здесь, как видно, представлено изъяснение только лишь общественных богослужений и совершенно отсутствует описание богослужения треб (молебнов, панихид, венчаний, отпеваний и пр.), с которыми ученикам в жизни предстояло встречаться довольно часто.

Второй раздел о. Лавров посвящает «Первоначальному учению о главных истинах Православной Христианской веры» (4–5 классы). Здесь изложение ведется в точности по «Пространному катихизису» митрополита Московского Филарета. Это традиционная подача веро- и нравоучения в 3-х частях: «О вере» (изъяснение Символа веры), «О надежде» (разбор молитвы Господней «Отче наш» и заповедей блаженств) и «О любви» (объяснение 10-ти заповедей)²⁶. «Пространный катихизис» святителя Филарета многие до сих пор именуют главной

²⁵ Записки по предмету Закона Божия для III, IV и V классов мужских гимназий, составленные применительно к программе учебных планов 1872 г. и к руководству высокопреосвященного митрополита Филарета (с доп. объяснения текстов свящ. писания и указ. различия между Православной верой и другими христианскими вероисповеданиями). 25-е изд. / А.Лавров. – М.: Тип. Т-ва Рябушинских, 1917. – 224 с.

²⁶ См.: Святитель Филарет Московский. Пространный христианский катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви / Свт. Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский. – М.: Сретенский монастырь, 2002. – 222 с.

символической книгой Русской Церкви²⁷, несмотря на то, что его порою критиковали (не столько за содержание, сколько за манеру изложения) уже современники, а в XX веке и вовсе появилось много новых катехизисов: «Опыт катихизиса» митрополита Антония (Храповицкого)²⁸, «Православный катихизис» епископа Александра (Семенова-Тян-Шанского)²⁹, написанный в 1950-е гг. во Франции, и ряд других³⁰.

Учебник Константина Марковича Агеева «Христова вера»³¹, состоящий из 2-х разделов: «Вероучение» и «Нравоучение», являлся, собственно говоря, пособием к изучению катехизиса в 4 и 5 классах.

Итак, мы видим, что выбор учебников был чрезвычайно широк, почти все они многократно переиздавались на протяжении нескольких десятилетий. В то же время издавались не только учебники, но и различные атласы, сборники иллюстраций³² и т.п. Однако существенным минусом было почти полное отсутствие специальной методической литературы для преподавателей, она начнет активно издаваться лишь в начале XX века.

²⁷ См.: Пространный христианский катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви / [Сост.: свт. Филарет (Дроздов); Предисл., подг. текста, примеч. и указ. А.Г.Дунаев.]. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. – 168 с.

²⁸ Антоний (Храповицкий). Опыт христианского катихизиса Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Репринт. изд. Изд. Австралийско-Новозеландской епархии Русской Православной Церкви Заграницей, 1989–1990. – [7,] 141 с.

²⁹ Александр (Семенов-Тян-Шанский). Православный Катехизис / Александр (Семенов-Тян-Шанский). – Киев: Пролог, 2003. – 198 с.

³⁰ Например: Святитель Николай Сербский. Вера Святых: Катехизис Восточной Православной Церкви, и др. творения / Свт. Николай (Велимирович), епископ Охридский и Жичский (Сербский); Пер. с серб. – М.: Покров, 2004. – 288 с.

³¹ Агеев, К.М. Христова вера: Изложение христианского вероучения и нравоучения в понимании православной церкви: Для учащихся 4–5 кл. муж. и жен. гимназий, 3–2 кл. жен. ин-тов: – Ч. 1 / К.М.Агеев. – СПб.: Тип. А.Бенке, 1907. – 60, 11, II с.

³² См. например: 54 картины священной истории Ветхого Завета, составленные, в 4-ю долю листа, бывшим профессором Императорской Академии художеств Сапожниковым. – СПб.: Изд. т-ва «Общественная Польза», 1861. – 152 с.

Тогда же, в начале XX века, актуальные вопросы преподавания Закона Божьего в светских учебных заведениях стали обсуждаться на съездах законоучителей. Один из таких съездов прошел в 1913 г. в Казани. В числе вопросов, вынесенных на обсуждение, были и такие: «Какие недостатки встречаются в существующих учебных руководствах по Закону Божию» и «Какие учебные пособия по Закону Божию признаются наиболее пригодными для средних светских учебных заведений»³³. Напомним, что большинство этих учебных пособий было создано в XIX веке. Относительно имеющихся учебных пособий по Закону Божию на съезде в Казани «было постановлено: <...> признать не вполне удовлетворительными все существующие учебники по вероучению и нравоучению и возбудить ходатайство пред Святейшим Синодом о составлении новых учебников путем конкурса»³⁴. При этом существующую программу преподавания Закона Божьего по классам сочли возможным сохранить.

Это говорит о том, что, несмотря на разнообразие учебников и их довольно высокий уровень (многократные переиздания, в т.ч. по сей день), они уже в начале прошлого века не вполне удовлетворяли педагогов и учащихся. Но создать и внедрить новые пособия было уже не суждено.

³³ Протоколы съезда о.о. – законоучителей средних учебных заведений Казанской епархии. – Казань, 1913. – С. 7–8.

³⁴ Там же. – С. 27–28.

И.К.Загидуллин

Проект Инструкции инспекторам татарских, башкирских и киргизских школ 1876 г.: на перекрестке суждений учебного и силового ведомств

В пореформенный период правительство приступило к мероприятиям, направленным на интеграцию татар-мусульман в российское социокультурное пространство через распространение русского образования. Программным документом стали положения журнала Совета министра народного просвещения от 2 февраля 1870 г., правила просвещения мусульман и «инородцев-христиан», получившие силу закона царским указом от 26 марта 1870 г. «О мерах по образованию населяющих Россию инородцев»¹.

Деятельность власти в этом направлении предопределила дальнейшие ее действия по установлению контроля над конфессиональными учебными заведениями. В 1874 г. все действующие в мусульманских обществах школы (татарские, башкирские и казахские школы под разными наименованиями, том числе мектебе и медресе, содержащиеся за счет казны и местных средств, а также учебные заведения лиц, занимающихся домашним и частным обучением) в Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Астраханской, Вятской, Пермской, Оренбургской, Уфимской губерниях, Уральской и Тургайской областях и Внутренней киргизской орде были подчинены Министерству народного просвещения. В «высочайше» утвержденном мнении Государственного совета от 20 ноября 1874 г. указывалось, что эти учебные заведения подчинены надзору учебного ведомства на тех же основаниях, как и ранее подчиненные ему «инородческие» и русские училища в этих местностях². Осуществление же наблюдения разрешалось начинать

¹ ПСЗ. – Собр.2-е. – Т.45. – Отд.1. – №48185.

² Имеются в виду русско-татарские училища, русские классы при медресе, начальные школы для «инородцев – христиан», действующих по системе Н.Ильминского, и т.п.

лишь после утверждения специальной инструкции, регламентирующей основные правила контроля.

Ее разработка Государственным советом была поручена Министерству народного просвещения – главному учреждению по реализации школьной политики правительства. Представляется закономерным, что составление этого знакового документа по установлению контроля над многочисленными мусульманскими учебными заведениями министром Д.А.Толстым было доверено попечителю Казанского учебного округа П.Д.Шестакову.

В ноябре 1875 г. проект Инструкции, составленный руководством Казанского учебного округа, был обсужден на заседании Ученого комитета Министерства народного просвещения, состоявшегося 26 января 1876 г.³ По итогам обсуждения была составлена новая редакция казанского проекта: в текст были внесены изменения и дополнения с учетом высказанных замечаний, переставлены статьи и текст был заново структурирован. В мае 1876 г. документ был представлен в Комитет министров на «высочайшее» утверждение. Однако Комитет министров счел необходимым передать инструкцию учебному ведомству на утверждение после повторного согласования с Министерством внутренних дел. Это положение Комитета министров было одобрено царем 28 мая 1876 г.

Направленный 4 июня 1876 г. в силовое ведомство документ состоял из 52 параграфов⁴. За исключением первых 23 па-

³ РГИА. Ф.733. Оп.170. Д.971. Л.1–1 об.

⁴ Первый раздел документа А «Общие положения» (§1–6) вобрал в себя основополагающие положения установления контроля над мусульманскими учебными заведениями: перечень этих школ, главные обязанности инспектора при посещении училищ, разрешение использовать в образовательном процессе лишь одобренные российской цензурой учебники и др.

Второй раздел Б объединяет четыре главы, составленные по определенной тематике. В I главе «Наблюдение за медресе и мектебе» (§7–21) регламентированы действия инспектора по наблюдению за школами, прописаны должностные обязанности заведующих школ, меры их наказания в случае игнорирования указаний инспектора, в также критерии для занятия должности заведующего и преподавателя школы.

параграфов, и § 48 и § 49, все остальные параграфы были без особых изменений заимствованы из инструкции инспекторам народных школ 29 октября 1871 г.

Министерство внутренних дел, в свою очередь, переслало проект инструкции на экспертизу оренбургскому генерал-губернатору, а также начальникам губерний: Вятской, Пензенской, Пермской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской, в которых компактно расселялись мусульмане.

В своем представлении учебному ведомству от 3 июня 1881 г. министр внутренних дел Н.П.Игнатьев сообщил, что лишь руководители Пензенской и Нижегородской губерний поддержали проект инструкции, а все остальные признали его требующим изменений.

Одно из самых дискриминационных положений было оформлено в § 18. С момента издания Инструкции новые мектебе и медресе могли учреждаться при обязательном приходе открыт при школе русский класс. Причем, на содержание учителя общество обязывалось ежегодно выплачивать жалованье (не менее 350 руб.).

На ускорение распространения русского образования и трансформацию татарской системы образования на двуязычную был нацелен § 20. В случае, если общество или содержатель медресе или мектебе окажет открытое сопротивление учреждению русского класса, то это – проступок становится основанием для закрытия учебного заведения. Национальная школа могла возобновить свою деятельность лишь при предоставлении учредителем письменного обязательства содержать за свой счет русский класс. Получался замкнутый круг: если учредитель не желает открытия русского класса, содержащегося за счет правительства или земства, но если хочет сохранить в населенном пункте национальное образование детей прихожан, будет сам же содержать русский класс... Все требования и положения, разработанные для мектебов и медресе III главой Инструкции (§48, 49), распространялись на лиц, занимающихся домашним и частным обучением мусульман.

II глава «Заведование другими инородческими школами, содержимыми на счет правительства, обществ, учреждений и частных лиц» (§22–47) была заимствована из Инструкции инспекторам народных училищ от 29 октября 1871 г., что означало распространение на них правил русских начальных школ, включение их в единую систему управления.

IV глава (§50–52) проекта посвящена регламентации порядка делопроизводства и отчетности инспекторов татарских, башкирских и киргизских школ. (РГИА. Ф.733. Оп.170. Д.971. Л.122–127).

Резюмируя, граф Н.П.Игнатьев просил обратить серьезное внимание на мнение оренбургского генерал-губернатора об «особенно осторожном отношении к религиозной стороне этого дела», с тем, чтобы избежать волнений среди мусульманских народов. Как известно, антиправительственные выступления татарских крестьян Казанской губернии 1878–1879 гг., вызванные слухами о насильственном крещении, по сути, были спровоцированы нелепыми ошибками и просчетами местных чиновников, и жестоко подавлены воинскими командами. Эти события получили широкий резонанс среди мусульман Среднего Поволжья. Осознав глубину недоверия татар к правительству, увидев их решительные действия по защите ислама и выявив главного виновника народного возмущения в лице местных чиновников, МВД стало уделять пристальное внимание «мусульманскому вопросу» в Поволжье и Приуралье, и требовать от губернаторов корректных действий при реализации внутриполитического курса. Было очевидно, что теперь, когда мусульмане успокоились, введение инструкции и активизация действий правительства в сфере контроля над исламским образованием, которое прихожане считали исключительно внутренним делом общины, вновь вызовут адекватную реакцию. Самое главное – окончательно терялось доверие мусульман к власти, неоднократно заявлявшей, что каких-либо стеснений религиозных прав мусульман не произойдет. Инструкция же воспринималась как подтверждение их опасений относительно намерений власти по стеснению ислама и намерения насильственно крестить мусульман.

Глава силового ведомства, ответственный за общественное спокойствие в государстве, был убежден, что с появлением инструкции, муллы, которые являются заведующими и преподавателями в мектебе и медресе, начнут возбуждать прихожан против власти, что может привести к массовым антиправительственным выступлениям. Н.П.Игнатьев доверительно сообщал главе учебного ведомства о том, что сразу после подчинения мусульманских школ правительственному надзору, одновременно с «высочайшим повелением» в 1874 г. о соблюдении осторожности при наблюдении за мектебе и медресе, по

учебному ведомству было сделано распоряжение пока «не касаться» конфессиональных школ. Он утверждал, что это решение хорошо известно мусульманам, у которых сложилось устойчивое мнение, что «правительство как бы боится действовать в настоящем случае решительно». Поэтому в данной ситуации было бы нежелательным выставлять к мектебе и медресе требования, аналогичные к русским начальным школам, привыкшим уже к сложившемуся порядку управления. При этом министр ссылаясь на мнение симбирского губернатора: чем постепеннее и мягче будут действовать правительственные органы при наблюдении за религиозными школами мусульман, тем вернее и скорее будет достигнута желанная цель⁵.

Категоричные суждения Н.П.Игнатьева не оставляли места дальнейшей полемике: целесообразно не издавать инструкцию, предложив попечителям учебных округов поручить должностным лицам учебного ведомства приступить к фактическому наблюдению и для этого посещать эти школы, вникать в их обстановку и устройство, собирать о них статистические сведения, не предъявляя никаких обязательных требований, об осмотре школ составлять отчеты, предъявляя их попечителю, а копии с них – министру народного просвещения.

Н.П.Игнатьев считал, что такие осторожные действия, устраняя возможность волнений среди мусульман, постепенно, путем частых посещений школ должностными лицами учебного ведомства, приучат местных жителей и мулл к мысли о небесконтрольности мектебе и медресе и подчиненности их учебному ведомству, «а водворение этой мысли составляло бы добрую половину дела». Это – во-первых. Во-вторых, такая тактика, по его мнению, дала бы учебному ведомству необходимый материал для основательного ознакомления с условиями существования и внутренним бытом школ, что, в свою очередь, позволило бы составить инструкцию по заведению ими. Она не стала бы уже неожиданным распоряжением власти, как предлагаемый к утверждению проект Инструкции⁶.

⁵ РГИА. Ф.733. Оп.170. Д.971. Л.137.

⁶ РГИА. Ф.733. Оп.170. Д.971. Л.137 об.

Представляют большой интерес замечания и предложения губернаторов по совершенствованию проекта инструкции, которые были подвергнуты тщательному анализу на заседании особого отдела Ученого комитета МНП, состоявшегося 29 сентября 1881 г.

Принципиальное и обоснованное возражение нововведению исходило от оренбургского генерал-губернатора Н.А.Крыжановского. Главный лейтмотив его суждений сводился к мысли, что осуществление наблюдения за мектебе и медресе на основе данной инструкции вызовет волнения среди мусульманского населения. Он перечислил ряд положений инструкции, которые непременно будут восприниматься мусульманами как «стеснение» ислама. Генерал-адъютант, прежде всего, имел в виду § 20 о порядке открытия и закрытия мектебе и медресе и назначения в них мударрисов. По его убеждению, эти новшества являются вторжением во внутренние дела махаллей, автономно избирающих приходских духовных лиц, которые и преподают в традиционных школах. Поэтому реализация предоставленной инструкции права попечителю учебного округа и инспектору назначать и сменять мударрисов, а также открывать и закрывать конфессиональные школы являются нереальными. Видимо, с учетом имеющейся в этой сфере практики генерал-адъютант Н.А.Крыжановский категорически высказался против предписания (§ 18), обязывающего учредителей медресе и мектебе – прихожан – содержать за свой счет русские классы с выплатой жалованья учителю русского класса в размере не менее 350 руб. в год. По его мнению, данная мера не учитывает реальную демографическую ситуацию в селениях и традиции народного просвещения у мусульман. В подтверждение своего тезиса генерал-адъютант отметил, что мечеть существует практически при каждом населенном пункте, даже в малонаселенных селениях башкир в 20–30 дворов. Н.А.Крыжановский утверждал, что требование с таких сельских обществ содержания учителя русского языка за 350 руб. равносильно закрытию мектебе при мечети.

Не менее опасным оренбургский генерал-губернатор признал требование с кандидатов на должности мударрисов знания

русского языка, а с 1880 г., согласно проекту Инструкции, знания полного курса русских классов при медресе (§ 7). Если учесть, что именно духовные лица вели преподавание в конфессиональной школе, это нововведение мгновенно парализовало бы действующую систему мусульманского образования в Поволжье и Приуралье: привело бы к тотальному закрытию мектебе и медресе. Суть претензий Н.А.Крыжановского сводилась к необходимости коренного пересмотра и обновления проекта Инструкции⁷.

Генерал-адъютант предлагал также исключить мулл, занимающихся преподаванием вероучения в мектебе и медресе, из числа лиц, подлежащих наблюдению инспекции (§ 1). По мнению членов особого отдела Ученого комитета МНП, это противоречило бы закону от 20 ноября 1874 г.

Остальные губернаторы также высказали свои предложения по изменению и совершенствованию документа. Саратовский губернатор, в частности, откровенно заявил, что инструкция не предполагает никакой осторожности, и ее положения являются повторением Инструкции инспекторам начальных училищ от 29 октября 1871 г.⁸

Начальники Казанской, Пермской, Астраханской, Самарской губерний, Тургайской и Уральской областей, категорически не отказываясь от проекта, также внесли свои предложения по совершенствованию его текста.

Наиболее существенные замечания у губернаторов вызвали §§ 7, 18 и 20⁹, регламентирующие взаимоотношения учебного

⁷ РГИА. Ф.733. Оп.170. Д.971. Л.136 об–137.

⁸ Там же. – Л.137.

⁹ В § 7 указывалось, что свидетельство на звание учителя (мударриса) в мектебе и медресе до 1880 г. выдается лишь тем, кто умеет читать и писать по-русски, а с 1880 г. – кто выдержит испытание в знании курса русского класса при медресе. Согласно § 18, при открытии новых мектебе и медресе требовалось разрешение учебного начальства и общественный приговор-обязательство прихожан содержать при них русский класс, причем жалование учителю должно быть не менее 350 руб. в год. § 20 гласил: «если со стороны общества или содержателя существующих уже медресе или мектебе окажется явное и открытое сопротивление учреждению русского класса, то инспектор немедленно представляет о сем попечителю

ведомства с мусульманскими училищами. Включение этих параграфов в проект Инструкции было объяснено тем, что по «высочайшему» повелению граф Д.А.Толстой, тогдашний министр народного просвещения, по соглашению с министром внутренних дел обращался в мае 1877 г. в Государственный совет с предложением утверждения некоторых мер, направленных на распространение русского образования среди мусульман внутренних губерний. Среди этих предложений значился и новый порядок назначения на должности мусульманских духовных лиц и преподавателей мектебе и медресе. Предполагалось определять на эти должности лиц, знающих русский язык и грамоту (что и было закреплено в § 7). Тогда Государственный совет, под предлогом военного времени (имея в виду разразившуюся Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.), не стал рассматривать вопрос по существу, возвратил материал в учебное ведомство, предложив возбудить ходатайство «при более благоприятных обстоятельствах». Однако после этого никаких предложений внесено не было.

Чиновники учебного ведомства уточнили, что § 7, большая часть § 18, а также последнее предложение § 20¹⁰, по сути, представляют собой выписки из предложений министра народного просвещения Д.А.Толстого 1877 г. Эти параграфы ими были признаны как положения, превышающие полномочия учебного ведомства.

Начальники Самарской, Вятской, Уфимской губерний и оренбургский генерал-губернатор независимо друг от друга обратили внимание на физическую невозможность осуществления двумя инспекторами татарских, башкирских и киргизских школ контроля над многочисленными мусульманскими учебными заведениями в Поволжье и Приуралье (§ 2). Такой подход,

учебного округа, от которого зависит распоряжение о закрытии медресе и мектебе. Закрытое таким образом заведение может быть открыто не иначе, как с обязательством содержать русский класс на счет обществ или содержателя».

¹⁰ «Закрытое таким образом заведение может быть открыто не иначе, как с обязательством содержать русский класс на счет обществ или содержателя».

по их мнению, изначально приводил к номинальности надзора и ставил мусульманские училища в особое положение по сравнению с действующей системой управления русскими школами, что могло способствовать стремлению обособиться от русского населения или даже возбуждать тревожные предположения. Единственный выход они видели в подчинении этих школ училищным советам, директорам и инспекторам народных школ по губерниям¹¹.

Военный губернатор Тургайской области, исходя из сложившейся в степных областях социокультурной ситуации, также высказался за новую редакцию § 2. Согласно «Временному положению о преобразовании управления киргизскими степями Оренбургского и Западно-Сибирского ведомств и Уральским и Сибирским казачьим войском» от 21 октября 1868 г., казахам запрещалось обзаводиться в каждой волости более чем одной мечетью и одним муллой, который избирался исключительно из числа этнических казахов. Тургайский губернатор утверждал, что в случае введения Инструкции в степных областях будут узаконены мектебе и медресе, и вообще школы при мечетях, которые не значатся во «Временном положении» 1868 г. Под этим предлогом в настоящее время дается разрешение на открытие мусульманских школ. Хотя они существуют в степи негласно, и их деятельность ускользает от внимания начальства, тем не менее является излишним возводить муллу в звание мудarrisов и давать им право содержать мектебе и медресе. Поэтому он предлагал не распространять на Тургайскую область те положения Инструкции, которые касаются мектебов и медресе.

Игнорирование в казахской степи мектебе и медресе было названо чиновниками учебного ведомства «малопонятным» явлением. Журналом особого отдела Ученого комитета МНП от 29 сентября 1881 г. за № 453 было заявлено, что в такой ситуации запрет степной администрацией мусульманских школ при мечетях является нарушением закона. По мнению чиновников, в Инструкции во главу угла для ослабления

¹¹ РГИА. Ф.733. Оп.170. Д.971. Л.138 об.–139.

исламского влияния в казахской степи поставлено не запрещение мусульманских школ, а учреждение рядом со школами при мечетях русских классов для детей всех без различия национальностей, интеллектуальное и педагогическое противодействие исламу. А воспрещение мектебов и медресе превратило их в тайные школы, недоступные влиянию и контролю правительства. На этом основании было принято решение обратиться в МВД с предложением разъяснить соответствующим высшим органам незаконность действий степной администрации, предложив в дальнейшем не стеснять местных указных мулл в открытии конфессиональных школ и воспрещать заниматься обучением казахов тем лицам, которые не имеют на это законного права¹².

Учебное ведомство высказалось за изъятие из § 3 той его части, где заявлялось закрытии мусульманских школ, в случае, если их заведующие не заявят об их существовании начальству в течение полугода со дня опубликования Инструкции. Была констатирована справедливость замечаний губернаторов: поскольку «среди сельских жителей мало распространена привычка читать, тем более выписывать газеты, не исключая и Губернских ведомостей, а потому через последние для них не скоро может сделаться известно об Инструкции», и в результате многие школы могут быть закрыты по неосведомленности о новом требовании власти. Некоторые губернаторы предлагали предоставить учебному начальству возможность сбора необходимых сведений через уездных исправников или оренбургского муфтия. Это положение § 3, а также предшествующее ему предложение о том, что учредители существующих училищ, после публикации Инструкции, должны заявить о себе учебному начальству, которое и утверждает, регистрирует их существование, т.е. признает их законными, особый отдел Ученого комитета признал имеющими «временный характер» и высказался за их изъятие из проекта Инструкции, призванной стать «постоянным» руководством. При этом не исключалась возможность их включения в какие-либо «временные правила», могущие быть

¹² РГИА. Ф.733. Оп.170. Д.971. Л.140 об.–141 об.

востребованными на начальном этапе установления надзора над мусульманскими учебными заведениями.

Генерал-адъютант Н.А.Крыжановский считал, что из § 3 должны быть изъяты мектебе и медресе, поскольку право на открытие новых конфессиональных училищ предоставлено ОМДС. § 8 он расценил не иначе, как «посягательство на права мусульманского духовного ведомства», поскольку, согласно действующему законодательству, МНП не имеет права назначать и сменять избранных прихожанами мулл и муэдзинов, а также разрешать открывать и закрывать конфессиональные школы. Эти вопросы являются прерогативой религиозного управления. Чиновники учебного ведомства не согласились с доводами оренбургского генерал-губернатора, заявив, что разрешение на открытие мечетей зависит от гражданской власти, поэтому права духовного управления не нарушаются, потому что по закону открытие мектебе и медресе не является исключительным правом ОМДС. Чиновники заявили, что в случае принятия во внимание аргументов генерал-адъютанта Н.А.Крыжановского, пришлось бы передать религиозному управлению права, которые не принадлежат ему ни «по закону, ни по обычаю», тем более если учесть, что по «Временному положению» 1868 г. (ст.259) вопросы открытия школ и назначения мулл решают уездные начальники. Они, конечно же, ошибались, когда заявляли, что должности учителя и мударриса не являются духовными должностями. В Крыму, в округе Таврического магометанского духовного правления, должности учителя детей или преподавателя медресе официально признавались духовными должностями. Поскольку после аннексии в 1783 г. Крымского ханства все исламские институты, в том числе мектебе и медресе, были сохранены без изменений, в имперском законодательстве были зафиксированы непосредственная подчиненность мектебе и медресе ТМДП и право религиозного управления на их открытие и закрытие.

В рассматриваемый период в округе ОМДС существовал «обычай» запис религиозным управлением в свидетельство, выдаваемое кандидату на духовную должность по итогам испытания в знании основ ислама, наряду с духовным званием,

определяющим обязанности в мечети, и духовного звания в качестве преподавателя исламского вероучения.

Тем не менее, в российском законодательстве, вследствие его несовершенности, действительно не были прописаны ни подчиненность мектебов и медресе Духовному собранию, ни его право на назначение учителей в конфессиональные школы, хотя по сложившейся традиции эти вопросы считались в компетенции ОМДС: школы находились «при мечети», а мечети и духовных лиц курировало религиозное управление. Эти издержки были обусловлены регрессом мусульманской культуры во второй половине XVI–XVII и возрождением системы исламского религиозного образования в конце XVIII в., и, конечно же, особенностями разработки в империи законодательных актов в отношении исламских институтов внутренних губерний.

Для усиления своих аргументов чиновники учебного ведомства сделали ссылку на заявление оренбургского муфтия С.Тевкелева от 23 июля 1874 г. за № 394 (составлено как ответ на «предложение» МНП оказывать содействие открытию русских классов при конфессиональных училищах) о том, что по буквальному смыслу закона Духовное собрание не может считать эти школы принадлежащими своему ведению.

По мнению особого отдела Ученого комитета МНП, § 3 следовало сохранить, а § 8 изложить в новой редакции, указав, что разрешение учебного начальства на открытие школы в селении должно быть предваряемо приговором общества о желании иметь школу¹³.

В § 6 предписывалось инспектору при обозрении училищ: а) указывать лучшие методы и приемы преподавания; б) устанавливать порядок, необходимый для успеха учебного дела; и, в) обращать внимание на соблюдение в школах гигиенических требований. Генерал-адъютант Н.А.Крыжановский полагал нужным к первой части параграфа прибавить слова «всех предметов, кроме вероучения».

Согласно § 10, инспектор должен был наблюдать, чтобы: а) преподавание основ ислама велось «догматически»; б) не было

¹³ РГИА. Ф.733. Оп.170. Д.971. Л.142–143.

допускаемо при этом толкований, противных преданности царю и Отечеству, а также возбуждающих неприязнь против христианского населения.

Оренбургский генерал-губернатор считал первое требование § 10 лишним, как показывающее что будто бы правительство заботится о чистоте мусульманского вероучения. Вятский губернатор предположил, что второе требование этого параграфа может вызвать среди мусульман недовольство и опасение, что правительство не доверяет их «верноподданнической преданности». Военный губернатор Тургайской области рекомендовал ограничиться лишь наблюдением, предписываемом в этом пункте. Симбирский губернатор поддержал недопущение в преподавании толкований, направленных против христианской религии.

Особый отдел Ученого комитета МНП отверг рекомендацию Н.А.Крыжановского по § 6, но согласился с замечаниями, касающихся § 10: поскольку при преподавании в школах «не следует допускать толкований антиправительственных или враждебных в отношении к господствующему населению, является само собой разумеющеюся, с учетом того, что Инструкция будет опубликована, не должно оставаться повода думать, что правительство объясняется в своих действиях по отношению к мусульманским школам»¹⁴.

Относительно § 11, в котором предписывалось завести в каждой школе списки учащихся, симбирский губернатор заметил, что татары не любят и даже боятся всякой переписи. К ученому мулле приходят обучаться от весьма отдаленных селений; шакирды не прикреплены к школе никакими обязательствами, могут, не сказав даже своего настоящего имени, свободно прекращать занятия и уходить в другое медресе. Такой свободой мусульмане дорожат и «восстают против школьного занесения в списки». Губернатор предлагал воздержаться от строгой письменной отчетности в конфессиональных школах и поместить это требование § 11 в виде примечания к какому-либо из параграфов, указав, что оно выполняется по возможности. Он

¹⁴ РГИА. Ф.733. Оп.170. Д.971. Л.143 об.

также не поддержал и § 12, обязывающий учителей мектебе и медресе доставлять ежегодно учебному начальству статистические сведения об учащихся. По мнению особого отдела Ученого комитета МНП, установление и ведение статистики в школьном деле является принципиальным моментом в деле управления школами. Поэтому непозволительно отказаться от получения необходимых сведений из-за желания оставить в покое «любимую магометанскую свободу странствований с целью пропаганды своего учения или подготовки к оной». Чиновники были убеждены, что «правительство не может оставаться постоянно в смутном представлении о том, как ведется школьное образование и воспитание среди известной группы подданных государства»¹⁵.

§ 14 Инструкции предоставляли инспектору право определять, исходя из местных условий, время и порядок учебных занятий по всем предметам обучения и продолжительность вакансий, а § 15 обязывал заведующих медресе и мектебе выдавать по требованию инспектора сведения о существующих в учебном заведении порядках и обычаях, которые, в случае признания их начальством удовлетворительными, затем не могли быть изменяемы без его же разрешения. По мнению симбирского губернатора, эти два параграфа таят в себе опасность возбуждения подозрения и опасений среди мусульман. Вятский губернатор же посчитал, что вопросы определения времени и порядка учебных занятий лучше поручить сельским обществам, а для устранения разнообразия в обычаях, вместо требования, изложенного в § 15, обязать инспектора после ознакомления с существующими в мусульманских училищах порядками и обычаями, составить единые для всех мектебе и медресе правила, регламентирующие их внутренний порядок. С последним предложением вятского губернатора учебное ведомство согласилось. По поводу передачи права установления времени обучения и каникул местным обществам было заявлено, что это можно допустить в случае, если общества были бы более компетентны в школьном вопросе, чем инспектор. К тому же в

¹⁵ Там же. – Л.144.

своих действиях инспектор должен был учитывать «местные условия», значит и желание обществ. Опасение симбирского губернатора о возможных нежелательных последствиях § 14 чиновники учебного ведомства посчитали не соответствующим действительности.

Оренбургский генерал-губернатор высказался против § 13, предоставляющего инспектору право, в случае несогласия с программой занятий медресе, переслать ее попечителю учебного округа для принятия окончательного решения. Его волновала декларативность формулировки, не уточняющей каких-либо критериев, нарушение которых позволяло бы запретить программу обучения в медресе. Н.А.Крыжановский писал: «Если бы обучение в магометанских школах ограничивалось изучением одного вероучения, тогда это замечание могло бы иметь некоторое значение. Но, как известно, в школах этих сообщаются и общеобразовательные сведения. Из них мектебе подходят под категории обычных начальных народных училищ, а медресе под категории средних и даже высших своего рода заведений с энциклопедическим характером»¹⁶.

Чиновники учебного ведомства не согласились с доводами генерал-адъютанта, отметив, что «если правительство признало нужным поставить мектебы и медресе под контроль учебного ведомства наравне с другими учебными заведениями, то, конечно, не для того, чтобы органы этого ведомства были всегда пассивными зрителями такого или иного ведения в них обучения, но для того, чтобы обратить их в целесообразные средства к поднятию уровня развития среди магометанского населения. При таковой цели, очевидно, нельзя смотреть безразлично на то, что сообразована ли программа с силами учащихся и другими условиями училищной обстановки, или нет, может ли выполнение ее вести к развитию учащихся, или же более к их обременению, чем к развитию»¹⁷.

Члены особого отдела Ученого Комитета по своей инициативе посчитали необходимым изъять из текста § 16, устанавливающий переписку инспектора с заведующими мусуль-

¹⁶ РГИА. Ф.733. Оп.170. Д.971. Л.145.

¹⁷ РГИА. Ф.733. Оп.170. Д.971. Л.145.

манских школ до 1 января 1880 г. на их родном языке, а по истечении этого срока – исключительно на государственном, русском, языке, отметив, что он подразумевал зафиксированное в §§ 7 и 18 намерение власти о том, чтобы со временем должности учителей в мектебе и медресе заняли лица, знающие курс начальной школы, и новые училища открывались лишь при наличии русского класса.

Положение § 20 Инструкции о закрытии мектебе или медресе, в случае оказания местным населением или учредителем явного и открытого сопротивления учреждению русского класса, было названо вятским губернатором провоцирующим мусульман на волнения, что потребует от гражданских властей «энергичных мер» для подавления беспорядков. Поэтому он рекомендовал максимально смягчить это правило, правда, не предлагая при этом своего варианта текста. Чиновники учебного ведомства посчитали применение силы против сопротивления мусульман правомерным и «заслуживающим обуздания», поскольку в данном случае речь идет об открытии русского класса не за счет обществ, а на средства казны или земств. Поэтому было предложено сохранить § 20 в новой редакции: «Проектируемое положение применяется лишь в том случае, когда оказывается сопротивление открытию русского класса или русского училища помимо средств содержателей медресе или мектебе, независимо от этих школ»¹⁸.

Они полностью согласились с замечанием вятского губернатора о том, что выбор учителей в русско-мусульманские школы должен быть предоставлен местным обществам с дальнейшим утверждением инспектора, а не должно быть исключительным правом инспектора, как это было заявлено в § 21.

§ 48 предполагал, что лица, желающие заниматься частным и домашним обучением нехристиан, должны получить разрешение у учебного начальства не иначе, как если будут иметь свидетельство об умении читать и писать по-русски – это в течение первых четырех лет после издания Инструкции, затем – в знании полного курса русских начальных школ. По мнению самарского

¹⁸ Там же. – Л.146.

губернатора, это требование могло привести к тому, что лицам, не имеющим означенных документов, будет воспрещено заниматься обучением мусульман. Более того, оно стеснило бы проявляющееся в последнее время среди мусульман стремление к русскому образованию, выражающееся сегодня в получении частных уроков. Чиновники сочли возможным изменить этот параграф, указав, что разрешение заниматься домашним и частным обучением дается инспектором, который предварительно испытывает их на предмет знания русского языка и грамоты.

Министр внутренних дел Н.П.Игнатьев рекомендовал учебному ведомству обратить внимание на высказывания начальников Симбирской и Вятской губерний, которые утверждали, что стремление к изучению русского языка и к открытию русских классов при мектебе и медресе появится у мусульман как бы само собою, как только эти классы будут сравнены в получении льгот по отбыванию всеобщей воинской повинности с русскими начальными училищами. По мнению чиновников учебного ведомства, эта льгота была предоставлена законом от 29 мая 1876 г.

Симбирский губернатор высказался за разъяснение мусульманам о существовании этой льготы и ее значении. Вятский губернатор предлагал предоставить такую льготу выпускникам мектебе и медресе, если они успешно выдержат экзамен по русскому языку и грамоте. «Устав о воинской повинности» (ст.57) в принципе разрешал сдачу экзамена экстерном. Однако еще не были разработаны МНП критерии знаний в этой сфере. Чиновники посчитали нужным распространить на мусульман утвержденные министром народного просвещения 16 февраля 1880 г. правила для лиц, окончивших курс в школах при церквях иностранных исповеданий. Было решено в состав испытательной комиссии, состоящей из трех лиц, взамен православного вероучителя назначать в качестве третьего лица кого-либо из членов училищного совета или местных учителей¹⁹. (16 ноября 1885 г. министром М.Деляновым были утверждены «Правила для выдачи свидетельства о знании курса начальных училищ лицам,

¹⁹ РГИА. Ф.733. Оп.170. Д.971. Л.146 об.–147.

желающим при отбывании воинской повинности воспользоваться льготой, определенной п.4 ст.56 «Устава о воинской повинности» – И.3.)²⁰.

В связи с рассмотрением проекта Инструкции 1876 г. МВД прислало в учебное ведомство отношение вятского губернатора по поводу ходатайства Малмыжского уездного земского собрания о том, чтобы: 1) на должности мулл были назначаемы лица, знающие русскую грамоту; 2) возложить на них обучение русской грамоте в школах при мечетях; и, 3) подчинить их наблюдению училищного совета. Это обращение стало ответной реакцией на противодействие мулл безуспешным попыткам земской управы наладить обучение татарских мальчиков русскому языку, несмотря на выдачу детям стипендий. Земская управа считала, что противодействие мулл в значительной степени было вызвано их материальным интересом: они не хотели лишаться вознаграждения, получаемого от прихожан за обучение детей, и поэтому препятствовали переходу детей в русско-татарские школы. В этой связи Малмыжское уездное земское собрание выразило готовность вместо назначения стипендий учащимся мальчикам выдавать пособие муллам, содействующим обучению детей в русско-татарских школах, на тех же основаниях, что делается в отношении церковно-приходских школ православного исповедания. Члены особого отдела Ученого комитета МНП поддержали ходатайство Малмыжского уездного земского собрания и высказались за введение русского образовательного ценза для кандидатов, желающих занять мусульманские духовные должности.

С учетом мнения министра внутренних дел Н.П.Игнатьева и высказанных замечаний начальниками губерний, большинство из которых были признаны заслуживающими внимания, журнальным постановлением особого отдела Ученого комитета от 29 сентября 1881 г. за № 453 было решено Инструкцию не издавать и предложить попечителям Казанского и Оренбургского учебных округов, чтобы они поручили инспекторам татарских, башкирских и киргизских школ, и местным дирек-

²⁰ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.16891. Л.1–25.

торам и инспекторам народных училищ посещать мусульманские школы, вникать в их обстановку, материальное и учебное устройство, собирать о них статистические сведения, давать, где можно, словесные советы, не предъявляя никаких обязательных требований, и по итогам осмотра школ составлять отчеты, предоставлять их попечителям округа, которые, в свою очередь, со своим заключением препровождали их МНП. Посещение школ должно было возлагаться на тех чиновников, которые будут признаны способны исполнить это ответственное и деликатное поручение.

Была также поддержана инициатива Малмыжского уездного земского собрания о введении русского образовательного ценза для мусульманских духовных лиц²¹.

Таким образом, при обсуждении проекта Инструкции выявились принципиальные расхождения между учебным и силовым ведомствами в методах распространения русского образования и способах осуществления правительственного контроля над мусульманскими школами. Они, прежде всего, были вызваны ведомственными интересами.

Кардинально изменилось отношение к методам разрешения «мусульманского вопроса» у оренбургского генерал-губернатора Н.А.Крыжановского. Такие разительные перемены в его взглядах можно объяснить, по крайней мере, двумя обстоятельствами. После его великодержавных инициатив о необходимости принятия ограничительных мер против усиления ислама в Оренбургском генерал-губернаторстве во второй половине 1860 – начале 1870-х гг., на начальном этапе его генерал-губернаторства, последующие годы администрирования позволили ему более трезво оценить межконфессиональную обстановку в крае и лучше узнать местное население, исповедующее ислам. У него сформировался прагматичный подход, как руководителя, ответственного за общественное спокойствие в обширном регионе. И он, кажется, стал ориентироваться на тактику умеренных действий, позволяющей избежать принятия резких и непродуманных решений в этом сложном вопросе. Во-вторых, в 1878–1880 гг. сверхштатным чиновником особых поручений у

²¹ РГИА. Ф.733. Оп.170. Д.971. Л.148.

Н.А.Крыжановского состоял Мирсалих Мирсалимович Бекчурин²², завоевавший его уважение и доверие.

Бойкотирование сельскими обществами попыток властей вмешиваться в систему исламского религиозного образования, учреждать путем давлений и убеждений русские классы и русско-мусульманские училища, антиправительственные выступления татарских крестьян Казанской губернии 1877–1878 гг. наглядно иллюстрировали начальникам губерний, владевшим оперативной информацией от полиции и жандармерии, об усилении напряженности в «мусульманском вопросе». Было очевидно, что в сложившихся условиях в этой сфере в государственных интересах востребован взвешенный и осторожный подход.

Проект Инструкции в Казани был составлен как своеобразный ответ на бойкотирование сельскими мусульманскими обществами усилий учебного ведомства по открытию русских классов. Получение права надзора за мусульманскими школами казанские чиновники попытались использовать для ускоренного, форсированного распространения русского образования, передав учебному ведомству репрессивные полномочия. Ряд параграфов казанского проекта предусматривал усиленное распространение русской грамотности через открытие русских классов при мектебе и медресе, выставляя жесткие требования лицам и обществам, игнорирующим предписания власти. Видимо, столь ответственное поручение из столицы было воспринято в Казани как уникальная возможность заложить в Инструкции, призванной стать официальным документом, регулирующим действия местных органов власти, все аспекты, в решении которых до этого времени органы учебного ведомства оказывались бессильными и были вынуждены обращаться за содействием к

²² М.М.Бекчурин, дворянин Оренбургской губернии, воспитывался в Неплюевском военном корпусе. Служебную карьеру начал в 1838 г. канцеляристом в Оренбургской пограничной комиссии. В 1841–1878 гг. преподавал восточные языки в Неплюевском военном училище. Несколько раз был командирован в Туркестан для переводов с персидского языка, участвовал в походе 1866 г. В 1878 г. был определен сверхштатным чиновником особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе, в 1880 г. вышел в отставку.

полиции, чтобы заставить сельские общества открывать русские классы или русско-татарские школы.

В проекте Инструкции 1876 г., по сути, институционально связаны две составляющие «мусульманского школьного вопроса». В нем оказались совмещенными два документа: об осуществлении надзора за деятельностью мусульманских школ и принудительные меры по распространению русского образования (открытие русских классов, введение русского образовательного ценза для заведующих мектебе и медресе и др.).

Между тем осуществление правительственного надзора не было непосредственно обусловлено необходимостью активного использования мер принуждения для учреждения русских классов. Сегменты этих направлений имели свои особенности. Стремление чиновников к «комплексному решению» имеющихся проблем накладывало негативный отпечаток на обе части школьной проблемы. Предложенные меры по установлению правительственного надзора за деятельностью мусульманских школ не учитывали глубокие восточные традиции существования мектебе и медресе, предполагали в одночасье кардинальные изменения в этой сфере. Правда, передача этого вопроса одному инспектору оставляла надежду, что эти изменения будут происходить постепенно, по мере посещения им мусульманских школ. Радикальность требований объясняется и тем, что предполагалось ввести нормы внутреннего распорядка русских школ и порядок взаимоотношений заведующих школ с контролирующими органами учебного ведомства на русском языке. Общества, содержащие национальные школы, отстранялись от вопросов школьного образования и воспитания подрастающего поколения. Особо следует сказать о допущении в учебный процесс религиозных учебников, одобренных цензурой. В рассматриваемый период в медресе широко использовались рукописные книги, имелось очень мало печатных учебников, написанных российскими подданными.

Было решено переложить на махалли, которые намеревались открывать новые национальные учебные заведения, расходы по содержанию учителя русского языка без учета экономических возможностей обществ. Предполагаемые административные нор-

мы дискредитировали идею о пользе изучения государственного языка, обуславливая ее фискальными требованиями.

Проект Инструкции инспекторам татарских, башкирских и казахских школ 1876 г. стал наивысшей точкой в стремлении учебного ведомства по установлению надзора над мусульманскими школами. Заложенные в ней положения в той или иной мере постепенно претворялись жизнь в конце XIX – начале XX вв.

Вместо эпилога

Министр народного просвещения барон А.П.Николаи, учитывая мнение Министерства внутренних дел, признал проект Инструкции «не вполне отвечающей предложенной цели». Вместо него было составлено циркулярное предписание министра попечителям учебных округов, утвержденное царем 5 февраля 1882 г.

Первый пункт циркуляра разрешал чиновникам учебного ведомства приступить к фактическому контролю над мусульманскими школами. При этом предлагалось соблюдать должную осторожность во время посещений учебных заведений, собирать статистические сведения, давать словесные советы, не предъявляя никаких обязательных требований. Об осмотре школ чиновники должны были составлять отчеты для попечителя округа. Второй пункт циркуляра был целиком посвящен мерам предосторожности. Посещение школ и дальнейшее с ними ознакомление предполагалось начать с тех местностей, где мусульмане проживали совместно с русскими или крещеными «инородцами». Только после посещения этих учебных заведений и «освоения» таких местностей позволялось постепенное продвижение в районы со сплошным мусульманским населением²³. Как видно, основу циркуляра составили положения, сформулированные журналом особого отдела Ученой комиссии МНП от 29 сентября 1881 г., которые, в свою очередь, были заимствованы из текста отношения министра внутренних дел Н.П.Игнатьева. В дискурсе учебного и силового ведомств по вопросу перспектив развития верх взял прагматический подход Министерства внутренних дел. В результате сложилась отличная

²³ Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1882. – №4. – С.72–74.

от реализуемой в западных губерниях школьной политики царизма модель внутривластного курса правительства, основанная на взвешенном подходе в распространении русского образования и осуществления надзора над традиционными учебными заведениями мусульман внутренних губерний.

В целом осуществление надзора над мусульманскими школами в последующие десятилетия оставалось во многом номинальным; формирование сети русских классов при медресе и русско-мусульманские школы также не получили широкого распространения.

Принятые сокращения

МВД – Министерство внутренних дел

МНП – Министерство народного просвещения

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан

ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание

РГИА – Российский государственный исторический архив

ТМДП – Таврическое магометанское духовное правление

К.А.Ильина

Инструкция попечителя и управление Казанским учебным округом (первая четверть XIX века)¹

Одна из наиболее известных университетских инструкций первой четверти XIX века – инструкция директору и ректору Казанского университета от 17 января 1820 года, автором которой был попечитель Казанского учебного округа М.Л.Магницкий.

Что такое инструкция? Существуют ли правила ее составления? В чем причины появления инструкций? Мы попытаемся ответить на эти вопросы.

В современных юридических словарях «инструкция» определяется как «подзаконный нормативный акт, издаваемый министерствами, руководителями других центральных и местных органов государственного управления в пределах их компетенции на основании и во исполнение законов, указов, постановлений и распоряжений Правительства и актов вышестоящих органов государственного управления».

В словаре В.Даля слово «инструкция» объясняется через синонимы – правило, руководство, наставление, наказ – в которых теряется юридический оттенок термина.

Кроме того, нам известно еще одно толкование этого термина. Принадлежит оно попечителю Казанского учебного округа М.Л.Магницкому. Его труд «Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу», опубликованный в 1835 году в Москве², можно рассматривать как своеобразный итог многолетней государственной службы политика. Исследователи отмечают,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Германского исторического института в Москве (Gerda Henkel Stiftung, проект AZ 02/SR/08).

² Магницкий М.Л. «Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу». – М., 1835. – 120 с.

что в сочинении Магницкого впервые обращается внимание на роль языка в документе³.

М.Л.Магницкий определял инструкцию как одну из «форм» закона, наравне с уложением, уставом, указом и манифестом. Он дал свое определение и инструкции: это – «или пояснительное дополнение к закону, или закон временный, в ожидании постоянного, или руководство в таком чрезвычайном обстоятельстве, к которому общие законы приложены быть не могут»⁴.

Далее бывший попечитель перечислял основные правила написания инструкций, способы их оформления, особенности применяемого языка и стиля. Слог инструкции должен соответствовать лицу или сословию, которому она дается, а также ее содержанию. В зависимости от соотношения этих условий автором инструкции используется или нет наставительный тон, подробные изъяснения, прямое повеление.

Каждая инструкция должна быть четко структурирована: иметь «краткое вступление», часть, в которой излагаются предписания, и обязательно – «приличное заключение». Последнее должно содержать в себе изъявление доверия «повелевающего к точному исполнению изъясненной им воли», а также уверенность в том, что для успеха в осуществлении предписаний «опытность, усердие и деятельность сами дополняют все то, что в наставлении не могло вместиться». Необходимо также, считал Магницкий, обращать внимание на тон инструкции, так как использование определенных слов и выражений передает «оттенки уважения» к получающим Инструкцию лицам⁵.

Бывший попечитель Казанского университета замечал, что бумаги, адресованные ученому ведомству, обладают своей спецификой. Заключалась она в смешении двух стилей: «гражданского» и «учебного». Однако, при написании наставлений и руководств «слогом, свойственным учености», следует быть осторожным и не увлечься «тоном схоластическим, одной про-

³ Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации. – С. 210.

⁴ Магницкий М.Л. Указ. соч. – С. 48.

⁵ Магницкий М.Л. Указ. соч. – С. 49–50.

фессорской кафедре приличным», который будет «странен и неуместен» от лица «гражданского начальства»⁶.

Основой выработки вышерассмотренных правил явились в том числе и составленные М.Л.Магницким инструкции директору и ректору университета. Они были опубликованы в мае 1821 года в журнале Департамента Народного Просвещения⁷.

Одной из причин появления инструкций являлось несовершенство действующего законодательства, особенно в отношении полномочий попечителя учебного округа. Главной законодательной опорой попечителя на протяжении первой четверти XIX века оставались «Предварительные правила Народного просвещения» 1802 и университетский устав 1804 года, в которых не могло отражаться нюансов, связанных с идеологическими изменениями в сфере народного просвещения и со структурными трансформациями в составе университетской корпорации.

14 июня 1819 года решением Главного Правления училищ в Казанском университете была введена должность директора, а через пять дней попечителем округа был назначен Магницкий⁸. В обязанности директора университета входило управление экономической, полицейской и нравственной частями университета.

Перед вступившим в должность попечителем вставала проблема фактического отсутствия конкретных должностных инструкций как у руководства, так и у профессоров университета, и, как следствие, рычагов управления корпорацией. Причем выстроить их необходимо было в соответствии с главным тезисом управления образованием, высказанном в Манифесте об учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения 1817 года – идее об основании истинного просвещения на христианском благочестии⁹.

Большое значение играла и неопределенность положения попечителя в служебной иерархии, когда он находился между

⁶ Там же. – С. 83–84.

⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т. 1. – Стб. 1317–1337.

⁸ Формулярный список М.Л.Магницкого // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 107. Из бумаг кн. В.Ф.Одоевского. 1840–1860. Л. 274–275.

⁹ Сб. постановлений по МНП. – Т 1. – Стб. 1058.

самоуправляющимся университетом и министерством в качестве связующего звена, и при этом должен был привести университет и округ «в цветущее состояние».

Необходимо было продумать сложившуюся обстановку, законодательно оформить все произошедшие за 15 лет изменения в сфере образования применительно к Казанскому университету, объявить о них академической корпорации и научить ее действовать в соответствии с новым законом. Результаты ревизии марта-апреля 1819 года, зафиксированные в «Отчете по обозрению Казанского университета»¹⁰ Магницкого, стали содержательной базой инструкций.

Необходимость составления подобных документов косвенно подтверждает тот факт, что в октябре 1821 года обе Инструкции Магницкого, по просьбе попечителя Д.П. Руничя, были приняты в качестве замены неизданному Уставу Петербургского университета¹¹.

Инструкция директору состоит из вступления и разделов, посвященных отдельным областям управления: хозяйственной, полицейской, нравственной. Что касается инструкции ректору, то функцию вступления здесь выполняет параграф, посвященный рассмотрению «новой» цели университета. Так, университет должен производить научное знание, совершенствовать методы преподавания, издавать книги, воспитывать преемников и чиновников, управлять округом. Однако самое важное – это организовать все вышеперечисленное «на твердом основании Христианской религии»¹². Далее попечитель подробно останавливался на содержании дисциплин, преподаваемых на различных факультетах университета, неоднократно ссылаясь на античных ученых и Священное Писание. В заключении попечитель рисует идиллическую картину будущего университета и сулит «почтенному сословию истинного образования» «покровительство Правительства, благодарность Отечества, уважение иноземных наро-

¹⁰ Магницкий М.Л. Отчет по обозрению Казанского университета / М.Л.Магницкий // Консерватизм в России и мире. Воронеж, 2004. – С. 126–161.

¹¹ Сборник постановлений по МНП. – Т. 1. – Стб. 1601.

¹² Там же. – Стб. 1324.

дов и славу в Истории»¹³, путь к которым открывает следование пунктам инструкции. Обращает на себя внимание и «избирательное» использование Магницким определенных слов. Так, «доверенный гражданский чиновник» – директор – чаще всего «обязан» что-то делать, в то время как ректор, «довереннейший из ученых чиновников», – «замечать», «блюсти», «предупреждать». Говоря о профессоре, попечитель использовал глаголы будущего времени, которые, однако, выполняют в данном случае функцию приказа.

С точки зрения управления университетом, попечитель выстраивал иерархию – своеобразную пирамиду, на вершине которой находился он сам. Перед ним должны были отчитываться директор и ректор университета. Директору и ректору, в свою очередь, также подавались многочисленные отчеты как членов академической корпорации, так и чиновников с мест. Сама инструкция и директору, и ректору, по замыслу автора, должна была стать лишь «верхушкой айсберга», примером для создания аналогичных инструкций (по хозяйственному, полицейскому и нравственному управлению, с одной стороны, и учебному, с другой), адресованных более низким в служебной иерархии чиновникам (директорам гимназий, например). Глава округа настоятельно советовал действовать только в соответствии с инструкцией и ссылаться именно на нее. Таким образом, вырисовывалась четкая система управления округом, построенная на дисциплине и строго регламентированной во времени отчетности. Подобный вывод созвучен мысли французского философа Мишеля Фуко, который, говоря о тесном взаимодействии власти и знания, отмечает характерное для Нового времени дисциплинарное управление пространством и временем¹⁴.

Кроме того, сам факт создания Инструкции давал властные полномочия лично Магницкому как попечителю учебного округа. Собственное авторство означало формулирование и введение своих «правил игры» при управлении университетом,

¹³ Сборник постановлений по МНП. – Стб. 1336–1337.

¹⁴ Бейсенова Г.А. Философия образования М. Фуко как проекция концепции власти-образования / Г.А.Бейсенова. // Образование и насилие. Сб. статей / Под ред. К.С.Пигрова. – СПб., 2004. – С. 222.

обозначение рамок корпорации через создание оценивающих критериев, которым должны были соответствовать обучающие и обучаемые. Власть позволяла попечителю с помощью формальных и неформальных методов поддерживать необходимый ему баланс сил в корпорации, проводить свои решения, устанавливать новые традиции, которые становились мерой для всего университетского сообщества.

Таким образом, написанная по определенной матрице инструкция попечителя, с одной стороны, являлась логическим продолжением предшествующих ей законодательных документов и служила формой для легализации новых норм, а с другой – способом организовать и структурировать пространство власти попечителя, и тем самым уточнить и расширить его властные полномочия.

Казанская новокрещенская школа

Религиозное образование новокрещеных относится ко времени многочисленных реформ Петра I и «составляет одну из важнейших ее услуг для православной русской церкви»¹. В Поволжье усилия по организации новокрещенских школ активизировались в начале XVIII в. Школа для детей новокрещеных была основана в Казани. Она просуществовала недолго, с 1707 г. по 1709 г. Из 32 обучавшихся мальчиков пять завершили обучение, 20 выучили часослов, а семь умерли. Учил их архиерейский певчий. Данная школа была закрыта распоряжением Казанского губернатора П.М. Апраксина, а ученики отпущены домой «для того, чтобы оные новокрещеные дети, будучи в Казани, без отцов и матерей своих зачали помирать, а другие заболели»².

Потребность расширения миссионерской деятельности среди нерусского населения с участием представителей самих крещеных иноверцев активизировала работу по организации специальной школы. Инициирована она была руководителем Новокрещенской конторы архимандритом Свяжского Богородицкого монастыря А. Раифским в 1732 г. Тогда в Свяжском Богородицком монастыре была создана школа из 15 учеников. В следующем году в ней обучалось уже 20 детей.

Идея А. Раифского была поддержана казанским губернатором Голицыным и новым архиепископом И. Рогалевским, которые вместе обратились в Синод с ходатайством об открытии школ. Архиепископ писал, что необходимо «для размножения и утверждения христианского закона среди новокрещенских жилищ построить школу для иноверческих детей». Он просил Синод отвести место для строительства школы и назначить жалованье учителям из церковников³.

¹ Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. / П.В.Знаменский. – СПб., 2001. – С. 5.

² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода: В 50 т. – Т. 1. – С. 364–368.

³ Там же. – Т. 12. – С. 671–675.

В ответ на эту просьбу, 24 июня 1734 г. Синод предписал учредить в Казанской епархии четыре школы для обучения в них новокрещенных и некрещенных инородческих детей чтению и письму славяно-русского языка⁴. Однако реализация этого проекта в силу ряда причин задержалась на десятилетия. Сенат и Синод неоднократно принимали повторные решения, однако сдвинуть дело с мертвой точки долго не удавалось.

26 февраля 1735 г. Сенат принял указ «Об учреждении школ в Казанской губернии для обучения некрещенных и новокрещенных детей, о приеме в оные только желающих и содержании сих школ из собираемых в сей губернии денег с вечных памятей». Эти школы должны были быть организованы в Казани, Елабуге, Цивильске и Царевококшайске. Такое размещение школ позволяло охватить обучением детей всех нерусских народов Поволжья. Число обучающихся в каждой школе было определено в 30 человек. Намечалось строительство отдельных зданий для школ, домов для учителей, необходимых подсобных помещений. Были предусмотрены и источники финансирования, первоначально по 2 тысячи руб., а потом эта сумма была снижена до 1 378 руб. 20 коп. ежегодно⁵.

В связи с организацией массовой христианизации иноверческих народов Волго-Уральского региона, решением от 1 мая 1741 г. количество учащихся было увеличено до 50 в каждой школе для новокрещенных, а для наблюдения за ними назначена особая персона в чине майора. Указ от 11 сентября 1740 г. обязал открыть новокрещенские школы в четырех местах. Тем не менее, потребовалось еще несколько решений. 7 июля 1742 г. вопросы учреждения новокрещенских школ обсуждались в присутствии императрицы Елизаветы Петровны, которая настояла на том, чтобы в этих школах обучение начиналось с 7 лет, а каждая школа обучала по 50 учеников. Каждому ученику в год устанавливалось жалованье по 7 руб., однако эти деньги ученикам не выдавались, а использовались для приобретения продуктов и одежды⁶.

⁴ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи: В 10 т. – Сер. I. – Т. 8. – С. 229–235.

⁵ Там же. – Т. 9. – С. 28–29.

⁶ Там же. – С. 509–510; Сер. II. – Т. 1. – С. 180–188.

Во всех четырех школах к занятиям приступили с 1 января 1750 г. Временно учителями были определены священники и иеродьяконы, смотрителями и служителями – отставные солдаты и новокрещенные; лекарей пока не было. Из восьми учительских мест одно осталось вакантным; среди учителей знающих иноверческие языки не оказалось. В том году при Федоровском монастыре в Казани обучались 21 татарин, 9 вотяков, 19 марийцев, один чуваш. Учителями были иеродиакон монастыря Иероним Чернецкий и диакон Филипп Славенский. В Свяжском Богородицком монастыре обучалось 18 татар, 27 чувашей, два марийца, три мордвина. Учителями были Родион Алябарский, студент Казанской духовной семинарии, и псаломщик монастыря Филипп Дмитриев.

Наладить обучение и воспитание во всех этих школах на приемлемом уровне сразу не удалось. Особенно неблагоприятное положение сложилось с охраной здоровья учеников в силу отсутствия лекарей. Уже в январе 1751 г. от болезней умерло 7 школьников, в мае – еще 15 ребят; к апрелю многие ребята ослепли, а больных было 37 человек. Только 15 апреля 1755 г. лекарями в школы были назначены Иван Соловьев и Антон Витте. Вновь назначенные лекари столь рьяно стали лечить своих подопечных, которых «сурово обременяли лекарствами и резанием прилучившихся на них вередов», что вскоре умерло еще пять учеников. Казанский епископ Лука Канашевич был вынужден запечатать лекарства и запретил лечить больных детей⁷.

Через год после открытия, 1 октября 1751 г., полностью сгорела школа в Елабуге. Причиной пожара стало неосторожное обращение ученика с зажженной лучиной. После пожара ученики были помещены в больничной избе. Новокрещенская контора просила у Синода разрешения на заготовку материала для строительства нового здания школы. Однако эта просьба не была удовлетворена, и через несколько лет школу из Елабуги перевели в Казань.

По инициативе Новокрещенской конторы в начале 50-х гг. новокрещенские школы были переданы в ведение Луки Канашевича. Он предпринял ряд мер для того, чтобы создать

⁷ Описание документов... – Т. 22. – С. 504–506.

центр православного влияния в татарской части Казани. В 1754 г. по его ходатайству все новокрещенские школы были переведены в Казань и собраны вместе в Старой татарской слободе, где к лету 1755 г. возвели специальное деревянное здание на 200 ученических мест. Строительство школы обошлось в 1 930 руб. Ежегодно на содержание школы выделялось 2 912 руб.⁸ На учительские должности были назначены лица, способные работать среди детей крещеных иноверцев.

Однако многие застарелые проблемы новокрещенских школ были воспроизведены на новом месте. Подполковник Свечин писал, что «для пищи школьникам ставили от себя гнилую муку, протухлое мясо и вонючую рыбу, за что брали из казенных денег настоящую цену, ученики же от такой нездоровой и худой пищи, быв без призрения, по немалому числу в год умирали».

Казанская школа, готовившая священнослужителей низших чинов для новокрещенских селений, как и духовные семинарии, имела закрытый характер. Ученики были изолированы от родителей, привычной среды, обучались и воспитывались в православном религиозном духе. Повседневной нормой была жесткая дисциплина, зачастую вызывавшая бегство учеников. Бегство и болезни были основными причинами сокращения количества обучающихся.

На учительские места в новокрещенскую школу по установленным правилам определялись священнослужители из местного духовенства, каковыми в данном случае были дьяконы, дьячки, пономари, певчие из Захарье-Елизаветинской церкви. Требования к учителям не выходили за общие рамки: они должны быть «доброжелательны, в книжочтении и скорописи искусные и знающие иноверческий язык», «писание божественное преподавать на природном языке иноверцев; выбирать, чтобы знали иноверческий язык из церковнослужителей и из светской команды»⁹.

Обучение в новокрещенской школе продолжалось шесть и более лет, в зависимости от способностей ученика. В школе

⁸ Православный собеседник. – 1904. – Ноябрь. – С. 864; Харлампович К. Казанские новокрещенские школы: К истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII в. / К.Харлампович. – Казань, 1905. – С. 32.

⁹ Описание документов... – Т. 22. – С. 503; Полное собрание...: В 4 т. – Сер. II. – Т. 1. – С. 181.

изучали славянский язык и богослужебные книги. Об изученных предметах говорят данные о девяти выпускниках школы 1764 г. Они читали часослов и псалтирь «речевито и твердо», знали наизусть пятую заповедь, краткий катехизис, Новый завет. Кроме того, знали церковный устав, российскую грамматику, букварь, природный, татарский, русский языки, «а по словенски или по книжному не очень», умели петь «октоих, праздники, ирмолог и обиходы», хорошо писали скорописью. Хотя позднее К. Харлампович безосновательно утверждал, что в действительности все обучение в новокрещенских школах сводилось к штудированию богослужебных книг¹⁰.

К сожалению, полных статистических данных о контингенте новокрещенских школ за время их существования нам собрать не удалось. Не сохранились сведения за 1774–1785 гг. Однако даже имеющиеся данные позволяют представить численный и этнический состав учеников. Хотя школа и была рассчитана на 200 учащихся, как видно, не всегда удавалось набирать требуемое число учеников. Минимальное число учащихся в 95 человек зафиксировано в 1772 г., а максимальное число – 220 учащихся – было достигнуто в 1757 г.

Тем не менее программа подготовки священнослужителей из иноверцев последовательно реализовывалась до конца XVIII в. На исходе столетия количество учеников школы стабилизировалось на уровне 100 человек: в 1790 г. насчитывалось 103, в 1793 г. – 94 ученика.

К интересным выводам можно прийти, сравнивая этническую принадлежность учащихся. Среди учащихся школы больше всего было чувашей – 1 135 чел., затем шли татары (923 чел.) и марийцы (566 чел.). Меньше всего учеников было из мордвы и башкир¹¹. Причины этого требуют специального изучения. Однако очевидно, что подготовка православного духовенства из крещеных татар, чувашей и марийцев все эти годы была приоритетной.

В екатерининский период новокрещенская школа оставалась важнейшим учебным центром по подготовке священнослужи-

¹⁰ Харлампович К. Казанские новокрещенские школы: К истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII в. / К.Харлампович. – Казань, 1905. – С. 48, 50.

¹¹ Описание документов... – Т. 22. – С. 503–504.

телей из крещеных иноверцев. Благодаря личной поддержке Екатерины II, после закрытия Новокрещенской конторы она продолжала функционировать. Между тем Сенат и Синод настаивали на закрытии новокрещенской школы, полагая необходимым возратить учеников к своим родителям и родственникам, а окончивших курс обучения определить к церквям. В одном из документов говорилось, что «обучающиеся в тех школах новокрещенские дети по большей части к обучению не понятны, а в новокрещенских жительствох при церквях из священно и церковнослужителей довольно уже есть таких, кои их иноверческие языки знают». Однако императрица предписала школу не закрывать, оставить детей новокрещенных для учебы.

По мнению некоторых исследователей, время Амвросия Подобедова было наиболее плодотворным для новокрещенской школы. Именно тогда, в 1792–1793 гг., было построено ее новое здание с общежитием, квартирами для учителей, комиссара и лекаря. Наиболее способные ученики школы переводились для продолжения церковного образования в духовную семинарию; окончившие семинарию определялись учителями в новокрещенскую школу или в новокрещенские приходы священнослужителями¹². Подготовка новокрещенных иноверцев в семинарии, в том числе в области языка, осуществлялась на более высоком уровне, что позволяло священникам общаться с паствой на ее родном языке. Они могли быть учителями в народных училищах или даже в духовных семинариях.

По сведениям А. Износкова, с 1785 г. по 1801 г. до 65 инородцев, окончивших курс в новокрещенских школах, были назначены на разные церковные должности в инородческие приходы. И. Ефимов из татар в 1788 г. был определен пономарем церкви с. Казили Казанского уезда; И. Семенов назначен дьячком Николо-Нисской церкви Казани¹³.

После закрытия Новокрещенской конторы количество учащихся постепенно сократилось почти в два раза. Теперь в ней обучалось немногим более 100 человек. Тем не менее эта школа продолжала оставаться крупнейшим учебным заведением, где

¹² Харлампович К. Указ. соч. – С. 70, 72.

¹³ Износков И. Об образовании инородцев и о миссии в Казанской епархии: ист. очерк / И.Износков. – М., 1909. – С. 11; Малов Е.А. О новокрещенских школах в XVIII веке / Е.А.Малов. – Казань, 1868. – С. 113–114.

получали образование крещеные татары, чувашы, марийцы и мордва. Коренным образом изменился состав учеников. Если на ранних этапах работы новокрещенских школ учеником мог стать любой крещеный, достигший семилетнего возраста, то в конце века Казанская новокрещенская школа становится сословной: основную часть ее контингента составляли дети священнослужителей из новокрещенных. Порядок, установленный для русского духовенства, распространился и среди крещеных иноверцев. Не случайно Н.В. Никольский отмечал, что слушателями новокрещенской школы стали дети дьячков, пономарей, оставшиеся без родителей дети. Преподавательскую деятельность в новокрещенской школе вели: священник М. Стефанов из татар, выпускник Казанской духовной семинарии; дьякон Т. Михайлов из чувашей, выпускник новокрещенской школы; священник Д. Максимов из русских, выпускник Казанской духовной семинарии; учитель Е. Кротков из русских, выпускник Казанской духовной семинарии; учитель нотного класса архиерейского дома, певчий М. Иевлев из русских. Преподавание велось по новому порядку, изданному для народных училищ¹⁴.

В конце XVIII столетия, в условиях фактического прекращения миссионерства среди иноверцев, Синод посчитал, что Казанскую новокрещенскую школу необходимо закрыть, а учеников, способных к изучению наук, определить в Казанскую духовную академию, учредив в ней особый класс татарского языка и передав сэкономленную сумму в Якутскую школу для новокрещенных. Эта просьба от имени Синода была адресована Павлу I. Император 6 июня 1800 г. подписал указ, повелевающий учеников новокрещенских школ казанского архиепископа определить в духовную академию с немедленным учреждением в последней особого класса татарского языка¹⁵.

Таким образом, судьба новокрещенской школы была решена. Подготовка священнослужителей из крещеных иноверцев была продолжена в Казанской духовной академии.

В литературе существуют разные мнения об эффективности новокрещенских школ. Негативно оценивал практику их работы

¹⁴ Никольский Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках: ист. очерк / Н.В.Никольский. – Казань, 1912. – С. 376–391, 344–349.

¹⁵ Полное собрание... – 6 ноября. 1796 г. – 11 марта. 1801 г. – С. 581–586.

князь М.М. Щербатов, который писал, что «прежде же бывшие заведенные школы, в которых брали малолетних магометан, также не токмо не способствовали распространению веры, но паче ненависти ее приводили, ибо духовный российский чин, под чьим ведением сии школы состояли, столько злоупотребления чинил, что большая часть отроков помирали, а другие исполненные огорчения и не изученные христианскому закону выходили»¹⁶. Позднее не менее определенно высказывались и известные миссионеры. С точки зрения Е. Малова, «новокрещенские школы не оставили никакого заметного следа в религиозной жизни инородческого населения», а священнослужители из выпускников школ «не оказали никакого благотворного влияния на массы своих соплеменников»¹⁷. По мнению И. Износкова, «плодом школьных усилий было то, что к окончанию курса инородец научался говорить по-русски, но для просвещения своих единоплеменников он уже не годился: он желал главным образом собственного благополучия, тяготел к русскому укладу жизни и пренебрегал родственным ему инородческим бытом. Выпускники – малополезные священнослужители для просвещения инородцев на христианских началах»¹⁸.

С такой однозначно негативной оценкой трудно согласиться. Нам представляется, что подготовка в Казанской новокрещенской школе священнослужителей из новообращенных иноверцев сыграла далеко не последнюю роль в обеспечении достигнутых результатов миссионерской деятельности среди нерусского населения Волго-Уральского региона. Именно священники, владевшие языком иноверцев и обученные основам христианской веры, стали опорой православной церкви среди тех, кто сменил религиозную идентичность, и способствовали утверждению крещеных татар в православии. М. Буданов-Владимиров не без основания писал, что «цели христианского просвещения требовали, чтобы все, принимающие христианство, одинаково проникались духом его учения. Стремление выполнить эту задачу во всей ее широте наиболее проявлялось в те времена, когда ревность к распространению образования возбуждается

¹⁶ Щербатов М.М. Статистика в рассуждении России / М.М.Щербатов // Сочинения князя М.М.Щербатова. – СПб., 1896. – Т. 1. – С. 559.

¹⁷ Малов Е.А. Указ. соч. – С. 115–116.

¹⁸ Износков И. Указ. соч. – С. 12.

еще духом миссионерства и пропаганды. Этим объясняется тот, по-видимому, странный факт, с которым мы встретимся даже в XVIII столетии, что правительство и общество усердно заботятся об учреждении школ для инородцев в то время, когда элементарное образование господствующей нации остается в полном пренебрежении»¹⁹. Окончательно проблема подготовки духовенства из крещеных иноверцев и богослужения на родном языке решилась уже во второй половине XIX в., когда была создана и начала функционировать система Н.И. Ильминского.

Таким образом, организация и деятельность Казанской новокрещенской школы составляла органическую часть усилий светской и духовной властей России по христианизации нерусских народов Волго-Уральского региона. Священники из местного нерусского населения должны были способствовать переходу иноверцев в православие и укреплению их в новой вере. Тем самым смена религиозной идентичности могла стать необратимой, что в конечном счете и обеспечивало успех миссионерского дела.

Комплектование новокрещенской школы не носило произвольного, случайного характера. В этой области реализовывались меры, направленные на рекрутирование в состав православного духовенства представителей всех нерусских народов Волго-Уральского региона. Более того, этнический состав слушателей школ формировался с учетом степени результативности политики массовой христианизации.

Опыт XVIII столетия в области организации и деятельности новокрещенских школ не следует ограничивать рамками религиозной политики Российского государства. Объективно он открывал возможности для более широких этнокультурных контактов, правда, при доминировании и приоритете русской культуры, имевшей в контексте миссионерства преимущественно не светский характер.

¹⁹ Владимирова-Буданова М. Государство и народное образование с XVII века до учреждения министерств / М.Владимирова-Буданова. – СПб., 1874. – С. 56.

Р.Р.Исхаков

Просветительско-миссионерская концепция Н.И. Ильминского в образовательной системе пореформенной Казани

Пореформенный период стал эпохой пробуждения национального самосознания и культуры коренных народов Среднего Поволжья. Важную роль в развитии просвещения среди местного нерусского населения сыграли православный миссионеры. Стремление церкви к усилению христианско-просветительской деятельности среди национальных меньшинств путем развития православного конфессионального образования, совпало с желанием самих «инородцев» к культурному возрождению, развитию образования, что предопределило успех и высокую эффективность новых миссионерских методик разработанных известным миссионером и педагогом Н.И. Ильминским.

Казанский миссионер-реформатор, верно оценил возможности предоставляемые временем модернизационных изменений в которую вступила Россия в 60-х гг. XIX в. для активизации миссионерского движения РПЦ. В новых условиях его предложения по обновлению и развитию национального образования оказались своевременными, а главное, востребованы как властью, так и обществом. Главной приметой системы Ильминского явился акцент на миссионерское просвещение подрастающего поколения в рамках распространения бесплатного начального образования. Воспитанные в христианском духе, получившие религиозное образование в школах, молодое поколение должно было стать опорой церкви в укреплении православной традиции в регионе.

Уже в начале 1860-х гг. Н.И. Ильминский и его сподвижники, начали воплощать в жизнь свои теоретические разработки. Первым шагом в реализации новой концепции миссионерского дела, стало составление Н.И. Ильминским совместно с крещеным татаринном деревни Никифоровки Мамадышского уезда Василием Тимофеевичем Тимофеевым (1836–1893) в 1862 г.

«Букваря для крещеных татар¹ с краткими православными молитвами и статьями вероучительного характера»². В следующем 1863 г. была опубликована «Священная история от сотворения мира до кончины Иосифа по книге Бытия», в 1864 г. – «Книга премудрости Иисуса сына Сирахова»³. В отличие от прежних переводов, данные работы были сделаны на разговорном татарском языке. Вместо арабского письма здесь впервые была использована кириллица, была произведена замена использовавшихся до этого терминов из мусульманского вероучения для обозначения христианских понятий русскими словами.

Первые опыты с переводами религиозных книг оказались вполне удачными, что позволило Н.И. Ильминскому расширить свой эксперимент. Для развития христианских понятий среди крещеных татар Н.И. Ильминским в 1863 г. в Казани была открыта Казанская центральная крещено-татарская школа (КЦКТШ)⁴. По мысли Николая Ивановича, воспитывая детей крещеных татар в духе христианства, они тем самым будут способствовать утверждению в православии и взрослого поколения. Миссионерские школы должны были взять на себя некоторые семейные функции, так как крещено-татарская семья не могла дать христианского воспитания. Поэтому система Ильминского противопоставляла традиционному языческо-мусульманскому воспитанию в семье христианское воспитание в

¹ Эта первая работа Н.И. Ильминского на разговорном татарском языке в дальнейшем стала основным учебным пособием для миссионерских школ Среднего Поволжья, наиболее популярным книжным изданием для крещеных татар. С 1864 г. по 1911 г. она выдержала 16 изданий общим тиражом 38 тысяч экземпляров. (Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев приволжских, сибирских и кавказских с 1862 г. по май месяц 1910 г. – Казань, 1910. – С.17–18; Износков И.А. Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края / И.А.Износков. – М.: Тип. Снегиревой, 1893. – С.1).

² НА РТ. Ф.4. Оп.94. Д.48. Л.2–5.

³ Ильминский Н.И. Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на их родной язык / Н.И.Ильминский // Православное обозрение. – 1863. – Т.Х. – С.136–138.

⁴ Ильминский Н.И. Казанская центральная крещено-татарская школа / Н.И.Ильминский. – Казань, 1887. – С.182.

школе. Один из членов семьи, получив христианское воспитание, становился как бы «домашним» миссионером⁵.

В августе 1864 г. Н.И. Ильминский обратился к попечителю Казанского учебного округа (КУО) П.Д. Шестакову с ходатайством о дозволении официально открыть в Казани частную школу для детей крещеных татар во главе с В.Т. Тимофеевым⁶. Данное предложение было поддержано П.Д. Шестаковым и уже в следующем 1864–1865 учебном году школа стала действовать как официально зарегистрированное учебное заведение на следующих основаниях: «Мальчики должны жить на готовой квартире, которая для них будет нанята на частные средства, но одежда и пищевые материалы должны быть доставляемы родителями, по состоянию каждого. Платы за обучение не полагается. Мальчики должны обучаться русской грамоте. Главный предмет обучения: Закон Божий, молитвы, священная история и краткий катехизис, по книгам, изложенным на татарском языке, но русскими буквами»⁷. Наблюдение за школой было поручено Н.И. Ильминскому и бакалавру «противомусульманского» миссионерского отделения Казанской Духовной академии Е.А. Малову⁸.

Исходя из того, что ученики в дальнейшем должны будут заниматься преимущественно просветительско-миссионерской деятельностью, Н.И. Ильминский ставил на первый план религиозное образование, в ущерб светскому, которому придавал второстепенное значение. Религиозное обучение в школе вводилось с первых дней учебы. Изучив букварь, ученики переходили к чтению «Бытия», к книге «Премудрости Иисуса», «Евангелию от Матфея», переведенным на татарский язык⁹. Большое внимание было уделено изучению «Священной истории», «За-

⁵ Таймасов Л.А. Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века: Дис... д-ра ист. наук / Л.А.Таймасов. – Чебоксары, 2004. – С.261.

⁶ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.8658. Л.21

⁷ Ильминский Н.И. Казанская центральная крещено-татарская... – С.76.

⁸ НА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.144. Л.1–2.

⁹ Витевский Н.И. Н.И.Ильминский. Директор Казанской учительской семинарии / В.Н.Витевский. – Казань, 1892. – С.14.

кона Божьего». Присутствие на богослужении в церкви, на утренней и вечерней молитве было обязательным для всех учащихся. Особое внимание уделялось церковному пению, которое, как небезосновательно считал Н.И. Ильминский, могло оказывать большое эмоциональное воздействие на неукрепленных в православии татар, способствовать привлечению их на богослужение в церковь. Уже в первый учебный год из числа учеников В.Т. Тимофеевым был организован певчий хор¹⁰.

Казанская крещено-татарская школа была уникальным учебным заведением. Не подчиняясь напрямую ни епархиальному начальству, ни министерству народного просвещения (на основании указа 28 февраля 1878 г.), она, по меткому выражению Н.И. Ильминского, была «вневедомственная, как результат частного, необязательного, христианского усердия разных ведомств»¹¹. Можно выделить следующие направления ее деятельности: 1) пропаганда православия среди крещеных татар; 2) подготовка учителей для миссионерских школ; 3) переводческая деятельность. Кроме того, являясь первой школой, взявшей на вооружение систему Ильминского, КЦКТШ стала лабораторией для апробации новых педагогических, миссионерских методик, которые часто разрабатывались Н.И. Ильминским непосредственно во время работы с учениками этой школы. Усиливающийся интерес к получению знаний среди коренных народов Среднего Поволжья, возможность посредством получения образования в школе значительно повысить свой социальный статус обеспечили рост популярности КЦКТШ. Уже в 1867 г. число учеников школы достигло 100 человек¹².

¹⁰ Более подробно об этом см.: Ильясова А.Т. О церковно-певческих переводах для татар-крещен / А.Т.Ильясова // Современное крещеноведение – состояние, перспективы: материалы научной конф. 23 апреля 2005 г., Казань. – Казань, 2005. – С.119–124.

¹¹ Ильминский Н.И. О системе просвещения инородцев и о казанской центральной крещено-татарской школе / Н.И.Ильминский. – Казань, 1913. – С. 91.

¹² Никольский Н.В. Конспект по истории христианского просвещения чуваш / Н.В.Никольский. – Казань: Центральная тип., 1909. – С.29.

Положительные результаты применения новой миссионерской системы, значительное религиозное влияние, оказываемое школой на крещеных татар, привлекли к ней внимание местной администрации и церковного руководства, искавших действенные методы борьбы с исламизацией местных народов. В 1866 г. КЦКТШ посетили казанский вице-губернатор Е.А. Розов, казанский архиепископ Антоний¹³, попечитель КУО П.Д. Шестаков и др.¹⁴ Особое внимание на новую школу обратил обер-прокурор Св. Синода и министр народного просвещения граф Д.А. Толстой. Побывав здесь в 1866 г., сановник высоко оценил разработанные Н.И. Ильминским методы миссионерской деятельности¹⁵. Для дальнейшего развития системы в 1866 г. в Казани им был организован особый «Комитет по образованию инородцев» под председательством попечителя КУО П.Д. Шестакова, инспектора чувашских школ Н.И. Золотницкого¹⁶, Н.И. Ильминского и Е.А. Малова.

¹³ Архиепископ Антоний (Яков Гаврилович Амфитеатров) происходил из известной в России духовной семьи (его дядя Филарет (Амфитеатров) был архиепископом Казанским, впоследствии митрополитом Киевским). С отличием окончил курс в Киевской духовной академии. В 1840 г. пострижен в монашество и назначен ректором Киево-Софийского духовного училища, в 1845 г. – Киевской духовной семинарии, в 1851 г. – Киевской духовной академии. В 1858 г. хиротонисан в епископы Чигиринские, викарии Киевской епархии. В 1859 г. епископ Смоленский. В 1866 г. перемещен на казанскую кафедру, которой управлял в течение 13 лет вплоть до своей кончины 8 ноября 1879 г. Более подробно см.: Архимандрит Сергей (Василевский) Высокопреосвященный Антоний (Амфитеатров), архиепископ Казанский и Свяязский / Сергей. – Казань: Тип. Окружного штаба, 1885.

¹⁴ Ильминский Н.И. Казанская центральная крещено-татарская... – С.219–220.

¹⁵ Впоследствии своим вниманием школу удостоили: в 1868 г. – великий князь Алексей Александрович, в 1869 г. принц П.Г.Ольденбургский, наследник престола Александр Александрович (Александр III) с супругой, в 1870 г. – великий князь Константин Николаевич, в 1871 г. – сам император Александр II. (Чичерина С.В. У приволжских инородцев. Путевые заметки / С.В.Чичерина. – СПб.: Тип. В.Я.Мильштейна, 1906. – С.53).

¹⁶ Износков И.А. Об образовании инородцев и о миссии в Казанской епархии. Исторический очерк / И.А.Износков. – М.: Тип. Снегиревой, 1909. – С.44.

Поддержка Д.А. Толстого позволила Н.И. Ильминскому получить значительные государственные финансовые субсидии для расширения применения своей миссионерской системы среди татар¹⁷. Еще в 1865 г. в родной дер. В.Т. Тимофеева Никифоровке Мамадышского уезда Казанской губернии была открыта школа, в которой уже в первый учебный год обучалось 32 ученика (учительница Феодора Гаврилова). В 1866 г. открылись школы в дер. Арняш Мамадышского уезда (учитель Яков Дмитриев) и в селе Апазово Казанского уезда (учителя Игнатий и Борис Гавриловы)¹⁸. Эти школы являлись своеобразными филиалами КЦКТШ и напрямую подчинялись ее руководству. Учителями в них назначались ученики КЦКТШ, а основными учебными пособиями являлись переводы православных вероучительных книг, сделанные Н.И. Ильминским и В.Т. Тимофеевым¹⁹.

В 1869 г. алтайским миссионером иеромонахом Макарием (Невским)²⁰ в стенах школы впервые совершается богослужение на татарском языке²¹. Прибыв в начале 1868 г. в Казань для

¹⁷ С 1867 г. на нужды развития крещено-татарской школы Св. Синодом ежегодно начало выделяться по 1000 рублей. В 1869 г. Св. Синодом было назначено 4050 руб. на развитие крещено-татарских школ. В этом же году МНП было ассигновано 10000 рублей на строительство нового здания для школы и 500 рублей в награду В.Т.Тимофееву за его труды (Письма Н.И.Ильминского к графу Дмитрию Андреевичу Толстому, Обер-прокурору Святейшего Синода, 31 марта 1866 года // Казанская центральная крещено-татарская школа / Н.И.Ильминский. – Казань, 1887. – С.176–180).

¹⁸ Ильминский Н.И. Казанская центральная крещено-татарская... – С.219–220.

¹⁹ Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1866 год. – СПб., 1867. – С.29.

²⁰ Макарий (Михаил Андреевич Первицкий) родился в 1835 г. В 1855 г. после окончания Владимирской семинарии был определен в алтайскую духовную миссию. В 1861 г. пострижен в монашество. В 1883 г. – начальник алтайской миссии. В 1891 г. назначен томским епископом, в 1912 г. стал митрополитом Московским и Коломенским. Скончался 19 февраля 1926 г. в Николо-Угрешском монастыре. Более подробно о его деятельности в Казани см.: Харлампович К.В. Николай Иванович Ильминский и алтайская миссия / К.В.Харлампович // Православный собеседник. – 1905. – Ч.1. – С.480–490.

²¹ Необходимо отметить, что проведение богослужения на национальных языках как метод миссионерской деятельности активно использовалось православной церковью еще в средние века. Как известно, первыми

пересмотра и издания алтайской грамматики, он в свободное время начал заниматься с учениками церковным пением. 9 марта 1869 г. во время великого поста в Кладбищенской церкви Казани, находившейся недалеко от школы, им была совершена литургия на татарском языке. По мере перевода необходимых православных молитв богослужение на татарском языке для учеников КЦКТШ становится составной частью воспитательной системы²². Для ввода регулярного богослужения в школе в конце 1869 г. в священнический сан был посвящен В.Т. Тимофеев, ставший первым православным священником и миссионером из татар²³. В 1871 г. при КЦКТШ для учеников начала устраиваться домовая церковь во имя св. Гурия (открыта в 1871 г.)²⁴.

Посвящение В.Т. Тимофеева в священнический сан стало важнейшим прецедентом, позволившим расширить применение системы. Идея привлечения к пасторскому и проповедческому служению представителей местных народов являлась краеугольным камнем всей системы. Как неоднократно отмечал ее автор, наиболее эффективно христианско-просветительскую деятельность среди «инородцев» могло вести православное духовенство из числа их крещеных соплеменников, так как, «кроме знания языка, весьма важно еще племенное сродство в лицах, на которых возможно будет удовлетворять духовным, т.е. умственным, нравственным и церковно-христианским потребностям народа. Русские священники и учителя поэтому, даже при отлич-

миссионерами-благовестниками, переведшими богослужение на славянский язык, были св. Кирилл и Мефодий. Впоследствии проведение богослужения на родных языках прихожан использовалось миссионерами (св. Стефан Великопермский) в христианизации народов Коми-Пермского края. В Поволжско-Уральском регионе пионерами в данной области стали алтайские и вятские миссионеры. Так, в 1861 г. окружным «противо-языческим» миссионером Глазовского уезда Вятской епархии И. Стефановым была совершена литургия на удмуртском языке (ГАКО. Ф.237. Оп.165. Д.81. Л.7–7 об.).

²² Об открытии в г. Казани богослужения на татарском языке // Известия по Казанской епархии. – 1870. – № 2. – С.48–55.

²³ Ильминский Н.И. Казанская центральная крещено-татарская... – С.265–267.

²⁴ Знаменский П. Отец Василий Тимофеевич Тимофеев / П.Знаменский. – Казань, 1896. – С.11.

ном знании языка, не могут так успешно действовать на инородческое население, как природные инородцы»²⁵. Законодательное закрепление права назначать представителей местных нерусских народов в священники произошло в 1867 г., когда по инициативе Н.И. Ильминского Д.А. Толстым в Св. Синод было внесено предложение о назначении в крещено-татарские приходы священников из числа их соплеменников. Св. Синод указом от 19 июля 1867 г. согласился с мнением обер-прокурора, разрешив комплектовать церковный причт национальных приходов за счет воспитанников миссионерских школ при следующих условиях: зрелый возраст (не менее 30 лет) кандидата, знание основных догматов православной веры, церковного богослужения, русского языка²⁶.

Постепенное расширение применения новых миссионерских разработок вызвало повышение интереса к идеям Н.И. Ильминского и его сподвижников. Наряду с их сторонниками появились и противники, развернувшие открытую полемику с казанскими реформаторами. Острая дискуссия между противниками должна была ответить на вопрос, какими методами следует проводить интеграцию коренных народов Восточной России – путем культурно-языковой или религиозной унификации. От решения этого вопроса во многом зависели основные направления религиозной политики государства и миссионерского движения Русской православной церкви.

Одним из первых против внедрения системы выступило консервативно настроенное православное духовенство, оценившее попытки перевода богослужения на «инородческие» языки как принижение авторитета православия²⁷. Их недовольство вызывало стремление сторонников новой системы привлечь в духовное сословие представителей местных народов, что приводило к ломке традиционной системы наследования приходов, способствовало росту конкуренции.

²⁵ Цит. по: Машанов М.А. Обзор деятельности братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования (1867–1892 гг.) / М.А. Машанов. – Казань: Тип. имп. ун-та, 1892. – С.174.

²⁶ Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1866 год. – СПб., 1867. – С.46–47.

²⁷ Григорьев А.Н. Указ. соч. – С.263.

Обсуждение системы Н.И. Ильминского, кроме чисто миссионерских вопросов, затрагивало проблему методики образования национальных меньшинств. Камнем преткновения стал вопрос обучения «инородцев» на их родном языке. Даже близкие друзья и сподвижники Николая Ивановича не всегда положительно относились к его педагогическим экспериментам. Так, Е.А. Малов, который долгие годы работал с Н.И. Ильминским, курировал КЦКТШ, был противником обучения крещеных татар на родном языке. В его дневнике есть любопытное замечание по данному вопросу: «Зачем принуждать детей обучаться на татарском языке, когда родители желают, чтобы обучение производилось на русском? Надобно этому желанию родителей радоваться и поставить дело так, чтобы инородцы совершенно забыли свой язык, обрусели; иначе они всегда будут нам врагами»²⁸.

Наряду с Н.И. Ильминским вопрос об образовании коренных народов Среднего Поволжья был поставлен председателем Буинского училищного совета священником А.И. Баратынским. В 1866 г. им в МНП были представлены две записки: «Проект об устройстве сельских училищ Буинского уезда» и «Записка о введении русского языка и русской грамотности в татарских училищах». А.И. Баратынский предлагал вести весь образовательный процесс в миссионерских школах на русском языке, считая, что с усвоением языка усваивается и народность. Развитие культуры и письменности крещеных татар, по мнению автора, могло привести к появлению у них интеллигенции, созданию национальной культуры, а в конечном счете, к росту национального самосознания и «сепаратизма»²⁹. Само «искусственное усиление татарского элемента на восточной окраине России (посредством развития школьного образования. – Р.И.), слияние различных инородческих групп в одну инородческую массу, даже

²⁸ Малов Е. Крестом как мечом. Из дневника миссионера / Е.Малов // Идель. – 1993. – №6. – С.41.

²⁹ Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. – СПб.: Общественная польза, 1869. – С.16.

при серьезном христианском просвещении», по мнению А.И. Баратынского, «никаким образом не могло быть желательным»³⁰.

Мнение А.И. Баратынского поддержали чиновники МНП во главе с членом Ученого комитета, профессором Санкт-Петербургского университета В.В. Григорьевым. На внеочередном собрании комитета 20 февраля 1867 г. большинство его членов высказались против дальнейшего расширения применения системы Н.И. Ильминского. По мнению чиновников, образование нерусских народов должно было стать основным каналом проведения политики по их русификации: «хотя преподавание может быть введено с успехом лишь на том языке, который дети в состоянии понимать, но отсюда не следует, что языком преподавания в школе должен быть инородческий язык. Если допустить последнее и составить на этом языке особые книги, написанные русскими буквами... то это может послужить к пробуждению племенного самолюбия и уважения к своему языку, что нежелательно для русского правительства и общества»³¹. Как альтернативу идеям Н.И. Ильминского предлагалось использовать «обрусительные» методы воспитания, широко применявшиеся на практике и до появления системы Ильминского, являвшиеся ведущим направлением в педагогической деятельности среди нерусских народов империи. Главное распространение данная методика получила на Кавказе, где она была введена в общую практику обучения в 1850-х годах распоряжением попечителя Кавказского учебного округа барона Николаи³². Этот опыт предлагалось распространить и на Среднее Поволжье, добавив в учебный план создаваемых «инородческих» училищ один дополнительный год, который будет направлен на изучение русского языка³³.

Против этого решения открыто выступили члены казанского «Комитета по образованию инородцев» во главе с попечителем

³⁰ Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. – СПб.: Общественная польза, 1869. – С.15.

³¹ НА РГ. Ф.10. Оп.2. Д.1119. Л.138.

³² Воскресенский А.А. Указ. соч. – С.12–13.

³³ Исхакова Р.Р. Педагогическое образование в Казанской губернии в середине XIX в. – начале XX в. / Р.Р.Исхакова. – Казань: Новое знание, 2001. – С.170.

КУО П.Д. Шестаковым, председателем училищного совета священником М.М. Зефировым, инспектором чувашских школ П.И. Золотницким, которые в начале 1868 г. представили в МНП особое мнение по данной проблеме. Для окончательного решения этого сложного вопроса руководством министерства были собраны отзывы 36 училищных советов семи губерний с полиэтническим составом населения, вышедшие в 1869 г. отдельным изданием³⁴. Собранные сведения стали предметом обсуждения расширенного собрания совета МНП, состоявшегося 8 февраля 1870 г. под председательством Д.А. Толстого, в присутствии попечителей Казанского и Одесского учебных округов.

Система Ильминского была официально признана основным методом обучения «инородческого» населения восточной окраины России (кроме татар-мусульман). Несмотря на отрицательную позицию многочисленных противников применения родных языков в миссионерской и образовательной деятельности, восторжествовало мнение сторонников Н.И. Ильминского. Большая роль в этом руководства Св. Синода и МНП, сделавших ставку на усиление христианско-просветительской деятельности среди коренных народов Среднего Поволжья посредством развития миссионерских школ с преподаванием на родном для учеников языке. Духовные и светские власти, понимая «опасность» широкого внедрения системы Н.И. Ильминского, которая могла привести к росту национального самосознания «инородцев», в то же время осознавали, что без ее применения нельзя рассчитывать на качественный сдвиг в утверждении их в православии, эффективно бороться с ростом влияния ислама в регионе.

Законодательное закрепление применения системы Н.И. Ильминского в школьной и миссионерской практике происходит в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г.³⁵ Здесь отмечалось: «а) орудием первоначального обучения для каждого племени должно быть родное наречие его; б) учителя инородческих школ должны быть из среды

³⁴ Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. – СПб., 1869.

³⁵ ПСЗ.– Собр.2-е. – Т.45. – Отд. 1. – № 48185.

соответствующих племени инородцев и притом хорошо знающие русский язык, или русские, владеющие соответствующим инородческим наречием... Учебными книгами служат буквари, необходимые молитвы, краткие рассказы из Священной истории Ветхого и Нового завета и религиозно-нравственные книги. Для облегчения инородцам перехода к изучению русского языка... книги печатаются на инородческом наречии русскими буквами, с переводами на русский язык или без перевода, за исключением, впрочем, молитвенников и вообще богослужебных книг, которые должны быть с переводами на русский язык»³⁶.

Для татар-мусульман предлагалось ввести изучение русского языка посредством учреждения сельских и городских русско-татарских училищ, открытия русских классов при мусульманских конфессиональных учебных заведениях (мектебе и медресе), запрещалось открытие новых татарских школ без русских классов³⁷.

Окончательное оформление системы происходит с организацией 1872 г. в г. Казани Учительской (инородческой) семинарии (КУС), директором которой был назначен Н.И. Ильминский³⁸. По мысли авторов проекта, семинария должна была способствовать «соединению инородческих племен с коренным русским народом путем (христианского) просвещения»³⁹. Само здание семинарии было построено в Старотатарской слободе, на месте старой Новокрещенской школы, организованной епископом Лукою Конашевичем в 1742 г., что должно было символизировать определенную преемственность этих учебных заведений. В семинарии, представлявшей из себя закрытое учебное заведение, обучались русские и представители коренных народов Среднего Поволжья. Большое количество русских должно было обеспечить прочное обрусение учеников из «инородцев», привитие им православной традиции и культуры. При КУС были организованы четыре начальных училища (для

³⁶ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.9940. Л.57 об. – 58.

³⁷ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.10464. Л.1.

³⁸ Воронец Е. Казанская учительская семинария по отношению к местному населению / Е.Воронец // Отдельный оттиск без библиографических данных, 1873. – С.319.

³⁹ Там же.

чуваш, мордвы, удмуртов, мари), в которых проходили педагогическую практику семинаристы. КУС, наряду с Казанской крещено-татарской школой, становится центром подготовки учителей «инородческих» учебных заведений⁴⁰. Причем, если КЦКТШ являлась центром подготовки учителей для низших миссионерских школ («Братства святителя Гурия» и Православного миссионерского общества), то КУС превратилась в кузницу кадров для земских и министерских школ, что позволило Н.И. Ильминскому значительно расширить применение своей системы, включив в систему миссионерских организаций многие земские и министерские образовательные учреждения⁴¹.

Утверждение «Правил» стало полной победой казанских миссионеров, в соответствии с их идеями христианское конфессиональное образование на родном языке должно было стать основным инструментом утверждения в православии нерусских народов Восточной России⁴². Рост авторитета Н.И. Ильминского, который после возведения его системы в ранг государственной политики стал непререкаемым, поддержка на региональном (попечитель КУО П.Д. Шестаков, казанский архиепископ Антоний) и высшем государственном уровне (министр народного просвещения, обер-прокурор Св. Синода Д.А. Толстой (1865–1880), обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев (1880–1905)) позволила ему полностью перестроить деятельность миссионерских организаций региона, направить основные усилия православных миссионеров на развитие православного конфессионального образования подрастающего поколения крещеных «инородцев», превратила Казань в центр миссионерского просвещения и образования нерусских народов Среднего Поволжья.

⁴⁰ Износков И.А. Об образовании инородцев и о миссии в Казанской епархии. Исторический очерк / И.А.Износков. – М., 1909. – С.61.

⁴¹ НА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.83.

⁴² Интересно, что основные оппоненты Н.И.Ильминского – И.А.Баратынский и И.Я.Яковлев – после принятия «Правил» 1870 г. признали систему Ильминского и стали ее последовательными сторонниками (Яковлев И.Я. Моя жизнь. Воспоминания / И.Я.Яковлев. – М.: Республика, 1997).

М.А.Кострюков

Научная и педагогическая деятельность П.К. Жузе

К числу ярких представителей казанской востоковедческой школы конца XIX – начала XX вв., можно смело отнести Пантелеймона Крестовича Жузе (1870/71–1942 гг.) преподавателя ряда высших и средних учебных заведений Казани, профессора Бакинского университета Биография и научное творчество этого ученого не получили пока должного освещения в литературе, несмотря на большие заслуги востоковеда перед отечественной наукой.

Пантелеймон Крестович Жузе (урожденный Бандали ибн Салиба аль Джаузи) родился 20 июля 1870 года, по другим данным 15 июля 1871 года, в Иерусалиме, в семье плотника¹. Родители, православные арабы «Салиба сын Константина аль Джаузи и Анастасия, дочь Ханна Ансара», дали ребенку имя Бандали – имя, производное от Бандалаймон (Пантелеймон)². Детство Пантелеймона Крестовича прошло в Иерусалиме. Дочь ученого, кандидат биологических наук, Ольга Пантелеймоновна Низковская в неопубликованных воспоминаниях, посвященных своему отцу, пишет, что детство будущего ученого ничем особо не отличалось от детства остальных детей; Пантелеймон рос веселым и живым ребенком, разве что рано полюбил чтение и книги. Свое первоначальное образование Жузе получил в двух православных монастырях (монастырь в Иерусалиме и монастырь Рождества Богородицы в Ливане).

Окончив монастырские школы, Жузе обучался в Назаретской учительской семинарии, основанную Императорским Православным Палестинским Обществом для подготовки учитель-

¹ НА РТ. Ф.10. Оп.1. Д.11505. Л. 1; Низковская О.П. Биография В.П.Жузе (семейная, научная) / О.П.Низковская, И.А.Смирнов, М.С.Аблова // Владимир Пантелеймонович Жузе (1904–1933). Жизнь и научная деятельность. Очерки. – СПб., 2004. – С. 5.

² ЦИАМ. Ф.427. Оп.1. Д.2836. Л.7.

ских кадров для начальных палестинских школ³. По окончании Назаретской семинарии лучшие из ее воспитанников направлялись на учебу в Россию, в качестве стипендиатов Палестинского общества, для получения дальнейшего образования⁴. Жузе как талантливый и подающий надежды ученик был отправлен в Россию, где ему предстояло прожить всю жизнь, несмотря на то, что он очень любил Палестину, переживал за судьбу ее народа, а после революции безуспешно пытался вернуться на родину.

Прибыв в Россию, Жузе поступил Вифанскую духовную семинарию, где обучался с октября 1889 по июнь 1892 г.⁵ Следующие три года (1892–1895) Жузе проводит в стенах Московской духовной академии⁶. Несмотря на большую склонность к языкам (за свою жизнь Жузе овладеет 16-ю языками), в первые годы жизни в России Пантелеймон Крестович сталкивался с определенными проблемами в усвоении русского языка⁷. Именно тогда у Жузе возникло твердое убеждение в необходимости создания русско-арабских учебных пособий⁸.

В московский период жизни произошла серьезная перемена во взглядах Пантелеймона Крестовича. По воспоминаниям О.П. Низковской, ее отец с детства думал о духовном поприще и

³ Августин (Никитин) Школы Императорского православного палестинского общества в Назарете / Августин (Никитин) // Россия и арабский мир. Научные и культурные связи. – Вып.2. – СПб., 1996. – С. 63.

⁴ Там же.

⁵ НА РТ. Ф.10. Оп. 1. Д. 9380. Л. 7.

⁶ Журналы Совета Московской духовной академии за 1893 г. – Сергиев Посад, 1894. – С. 3; Журналы Совета Московской духовной академии за 1895 г. – Сергиев Посад, 1896. – С. 57.

⁷ ЦИАМ. Ф.427. Оп.1. Д.2934. Л.64 об – 65; Журналы Совета Московской духовной академии за 1892 г. – Сергиев Посад, 1893. – С. 275.

⁸ Эта идея воплотится в жизнь, только в Казани. В 1903 г. Жузе издаст свой «Полный русско-арабский словарь», вышедший в Казани в 1903 г. и поступивший в продажу в 1904 г. в Каире и Бейруте. Это издание до 1950-х гг. оставалось единственным источником изучения арабского языка в России, а также единственным пособием для арабов, живущих в России. Этот словарь, как единственный в своем роде, получил особый почетный отзыв Св. Синода, и, по ходатайству обер-прокурора К.П.Победоносцева, на издание этого словаря было выделено 1000 рублей // Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1911 г. – Казань, 1912. – С.41.

даже чуть ли не о монашестве. Но поступив в академию, Жузе оставил эту мысль, т.к. испытал сильное разочарование в русском духовенстве. «Как-то я спросила отца, – пишет Ольга Пантелеймоновна, – почему он не стал духовным лицом, на что он ответил мне, что его оттолкнули меркантилизм и карьеризм среди духовенства». Отвергнув идею построить духовную карьеру, Жузе решает посвятить свою жизнь научным исследованиям, предметом которых являлся Восток. Он всерьез начинает заниматься переводческой деятельностью, изучает труды виднейших востоковедов России и Запада, собирает материалы по истории Ближневосточных Церквей, пробует писать сам.

Научные интересы Жузе вскоре не могла удовлетворить библиотека академии. В 1895 году Жузе просит выслать ему для научных занятий ряд книг из библиотеки Санкт-Петербургского университета и библиотеки Лазаревского Института восточных языков. Книги были вскоре присланы в академию и переданы студенту⁹.

Продолжая интересоваться востоковедением, Жузе понимает, что, оставаясь в Троице-Сергиевой Лавре, он не сможет в той мере, в которой ему хотелось, изучать интересующие его проблемы и вопросы. Для дальнейшего накопления знаний, ознакомления с источниками, и роста как специалиста в данном научном направлении, ему было просто необходимым жить и работать там, где востоковедение как отрасль науки была поставлена на должный высокий уровень. В Московской духовной академии такой возможности, конечно, не было. Двумя центрами востоковедения в Российской империи в то время являлись Санкт-Петербургский университет (после перевода сюда в 1854 г. Восточного разряда Казанского университета) и Казанская духовная академия, имеющая миссионерские отделения.

К 1895 году Жузе окончательно решается и делает выбор в определении своего дальнейшего пути в пользу Казани – города с большими востоковедческими традициями, и города, где уникальным образом сосуществовали христианство и ислам.

⁹ Журналы Совета Московской духовной академии за 1895 г. – Сергиев Посад, 1896. – С. 331.

В августе 1895 г. Жузе обращается в Совет Казанской Духовной Академии с просьбой о приеме его на IV курс данного учебного заведения¹⁰. В своем заявлении на имя ректора Казанской духовной академии архимандрита Антония (Храповицкого) Жузе указывал на основную причину своего решения: «Желая познакомиться с антиисламской полемикой и другими вопросами, касающимися ислама, я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Высокопреподобие принять меня в число студентов 4-го курса вверенной Вашему Высокопреподобию Академии»¹¹.

Так как центром преподавания восточных языков и других дисциплин, имеющих своим объектом исследования Восток, в Казани была Духовная академия, это, несомненно, определяло специфику казанской ориенталистики. Казанское востоковедение того времени – это востоковедение преимущественно миссионерского характера. Тем не менее, этим нельзя ни в ком случае умалять заслуги и научные достижения казанской востоковедческой школы, ярким представителем которой будет являться и П.К. Жузе.

Прошение Жузе о переводе его в Казань было рассмотрено Советом Казанской академии и одобрено. Заявление было удовлетворено, и в 1895 году Пантелеймон Крестович был принят в число студентов IV курса Казанской духовной академии, которую закончил в 1896 году со степенью кандидата богословия¹². По окончании академии, благодаря стараниям преподавателя Казанской духовной академии М.А. Машанова (1852–1924 гг.), Жузе был оставлен в академии сверхштатным практикантом по арабскому языку, а с 1899 дополнительно занял еще и должность лектора французского языка. В 1899 г., после успешной защиты магистерского сочинения «Мутазилиты. Догматико-историческое исследование в области ислама», Жузе был удостоен степени магистра. Труд П.К. Жузе «Мутазилиты...», написанный по мусульманским первоисточникам, представлял собой основательное исследование религиозно-

¹⁰ НА РТ. Ф.10. Оп. 1. Д. 9594 а. Л. 1.

¹¹ НА РТ. Ф.10. Оп. 1. Д. 9380. Л. 1.

¹² НА РТ. Ф.10. Оп. 1. Д.9380. Л.1; Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1911 г. – Казань, 1912. – С. 35.

философского течения в исламе IX–XII вв. Мутазилиты оспаривали ряд положений ислама (по вопросам свободы воли, предопределения, божественности Корана, загробной жизни, Бога и Его свойствах). И первыми сделали попытку обосновать мусульманское вероучение логико-философскими доводами. Работа Жузе была оценена ректором Академии Антонием следующим образом: «Книга автора не узко специальное исследование, но маленькая энциклопедия, знакомящая нас с происхождением всех важнейших нравственных и вероучительных положений ислама...»¹³.

Преподавательская работа в казанский период жизни Жузе не ограничивалась только духовной Академией. Жузе преподавал арабский язык на Казанских Миссионерских двухгодичных курсах, образованных в 1889 г. при Спасо-Преображенском монастыре¹⁴. С 1907 г. П.К. Жузе состоял членом-учредителем Общества распространения образования в Казани и членом Совета основанной этим обществом мужской гимназии, где он вел преподавательскую деятельность с 1 февраля 1911 по 1 января 1912¹⁵. С ноября 1913 г. Жузе преподавал французский язык в Казанской духовной семинарии вплоть до ее закрытия в 1917 г.¹⁶

Характеризуя преподавательскую деятельность Жузе в Казанской академии, следует остановиться на следующих моментах.

1. Особенность научного подхода ученого определялась его твердой убежденностью в необходимости работы с первоисточниками для установления исторической истинности исследуемого явления. Такой подход сочетался с убежденностью ученого в нецелесообразности и ненаучности полемики с исламом, которая была присуща многим преподавателям Казанской духовной академии. Казанские востоковеды, исследуя ислам, отталкивались от миссионерских позиций, в их работах полемике отво-

¹³ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1911 г. Казань, 1912. – С.41.

¹⁴ НА РТ. Ф. 116. Оп. 1. Д.1532. Л.24; Памятная книжка миссионерских курсов в г. Казани. 1901–1902 учебный год. – Казань, 1901. – С. 10.

¹⁵ НА РТ. Ф.10. Оп.1. Д.11210. Л.12, 16.

¹⁶ НА РТ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1532. Л. 24; Ф. 116. Оп. 1. Д. 1495. Л. 23.

дидась видная роль. Жузе же видел в таких исследованиях отсутствие научной значимости, стараясь рассматривать ислам как часть мировой цивилизации. И если в начальный период своей деятельности в Академии полемика была присуща Жузе¹⁷, то впоследствии в трудах ученого мы ее не находим. Так Жузе выскажется о переменах своих взглядов на процесс изучения ислама и востока: «Ибо скажем словами апостола языков: «когда я был младенец, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое» (1 Коринф. XIII, 11). Было бы в сто крат хуже, если бы я, прозрев, продолжал, по побуждениям невысокого свойства, смотреть на все по-младенчески...»¹⁸. За нежелание заниматься противомусульманской полемикой профессора Академии критиковала Жузе. Так, например, профессор академии Е.А. Малов (1835–1918 гг.) вообще категорически отказывался признавать Жузе заслуживающим степени магистра¹⁹. Это и являлось основной причиной того, что карьера П.К. Жузе так и не сложилась в Академии. В 1911 году ученый баллотировался на должность профессора кафедры арабского языка и обличения мухаммеданства. Но М.А. Машанов выступил против, обвинив Жузе в светском характере его научных интересов. Неудачей закончилась и попытка Жузе занять кафедру татарского языка и этнографии поволжских инородцев²⁰. Методические подходы Жузе в преподавании арабского языка также вызвали критику со стороны его наставника М.А. Машанова²¹.

2. Несмотря на трудности, с которыми приходилось сталкиваться П.К. Жузе в Академии, преподаватель любил свою работу, с удовольствием принимал участие в воспитательной работе

¹⁷ См. Жузе П.К. Мухаммед меккский и Мухаммед мединский / П.К.Жузе // Православный собеседник. – 1906. – Январь. – С.54–69; Апрель. – С.552–579.

¹⁸ Жузе П.К. «Несколько слов по поводу «Ответа нашему критику» М.Г.Иванова» / П.К.Жузе. – Казань, 1916. – С.32.

¹⁹ Там же. – С.45.

²⁰ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1911 г. – Казань, 1912. – С.45–51, 131–139,170.

²¹ НА РТ. Ф.10. Оп.1. Д.11393. Т.1. Л.21 об, 23а, 24.

студентов. Так, летом 1907 года под руководством ректора Академии Алексия и практиканта арабского языка Пантелеймона Жузе была организована паломническая поездка на Ближний Восток студентов Академии. Отчет о данной поездке был опубликован в «Православном Собеседнике»²². Из отчета мы узнаем, что паломники, двигаясь по России, посетили русские святыни Ярославля, Троице-Сергиевой Лавры, Москвы и Киева. Из Одессы, пароходом, добрались до Константинополя, откуда собственно и началось путешествие по Святой Земле. Студенты побывали в Дамаске, где были приняты Антиохийским патриархом Григорием IV, побывали в Назарете, на своем пути посещая православные и католические храмы. С большим трепетом и радостью паломники вступили в Иерусалим. Осматривали достопримечательности города. Побывали на Мертвом море, посетили 40-дневную гору, где постился Иисус Христос, Вифлеем. Заключительным пунктом этой интересной экскурсии стал Афон, где паломники пробыли 10 дней и осмотрели все Афонские монастыри, а в начале августа 1907 г. вернулись в Казань²³.

3. С самого начала своей преподавательской деятельности в Академии, ввиду указа Св.Синода, П.К. Жузе был поставлен под руководство профессора М.А. Машанова. Таким образом, голос последнего имел при обсуждении различных педагогических и организационных вопросов преимущественное значение, чем голос Жузе²⁴. Это могло тяготить над Жузе, который стремился к более выраженной педагогической независимости; в итоге он покинул Академию в 1916 г.

В 1916 г. он переходит на службу в Казанский Университет. На юридическом факультете Пантелеймон Крестович читал студентам курс мусульманского права. В программу, подготовленную Жузе и одобренную Советом университета, при четырех

²² Путевые заметки паломников – студентов Казанской духовной академии. (Экскурсия по Ближнему Востоку летом 1907 г.) // Православный собеседник. – 1908. – Ч. 1. – С. 504–509, 584–599, 737–747.

²³ Отчет о состоянии Казанской Духовной Академии за 1906–1907 уч. год. – Казань, 1907. – С. 41–45.

²⁴ НА РТ. Ф.10. Оп.1. Д.11393. Т.1. Л.78.

часах в неделю входило чтение лекций по следующим разделам мусульманского права: источники мусульманского права; история развития мусульманского права; юридические школы (мазхабы) в исламе, их возникновение и характеристика; особенности мусульманского права и его отношение к римскому, талмудическому и др. древним правам; семейное право; наследственное право; государственное право в исламе; верховная власть и ее органы; духовно-судебная власть и ее органы; правовое отношение мусульман в России и др. христианских государствах; джихад (священная война); хадж (паломничество); закат (религиозная подать)²⁵.

После упразднения юридического факультета (1919 г.) преподавал на факультете общественных наук. Одновременно с преподавательской деятельностью в университете (преподавал здесь до 1920 года) ученый преподавал в Северо-восточном археологическом и этнографическом институте. Этот институт был открыт в Казани 4 октября 1917 года и просуществовал до июля 1921 года. В состав института входило четыре отделения – археологическое, этнографическое, археологическое и восточное. Восточное отделение включало в себя «финно-угорский разряд наук» и «турецко-татарский разряд наук». На этом отделении читал курс арабского языка и курс мусульмановедения Пантелеймон Крестович²⁶.

Талант, яркие способности, владение многими восточными и европейскими языками, высокая трудоспособность, любовь и преданность науке позволили Жузе издать ряд научных работ в казанский период его жизнедеятельности. Статьи, посвященные истории и современному состоянию христианства на Ближнем Востоке, Жузе публикует в «Сообщениях Императорского Православного Палестинского Общества»²⁷. Ряд востоковед-

²⁵ НА РТ. Ф.977. Оп. Юр. фак. Д.1389. Л.77.

²⁶ НА РТ. Ф.1339. Оп. 1. Д. 26. Л. 14; Д.28. Л. 23–23 об.; Д. 16. Л.1, 2об, 4 об., 5–5 об., 7, 9, 13.

²⁷ См. работы Жузе П.К.: Устав Антиохийской православной церкви / П.К.Жузе // СИППО. – 1906. – Т.ХVII. – Вып.1. – С.23–42; его же. Происхождение православных жителей – Сирии и Палестины // СИППО. – 1906. – Т.ХVII. – Вып.2. – С.162–182; его же. Ливан, его краткая история и современное состояние // СИППО. – 1907. – Т.ХVIII. – С.1–24.

ческих статей и очерков был опубликован Жузе в «Православном Собеседнике»²⁸, «Казанском телеграфе»²⁹, «Церковно-общественной жизни», «Оренбургских епархиальных ведомостях», «Новом Времени», «Московских ведомостях», а также в арабских журналах: «Аль-Хилаль», «Аль-Муктатаф», «Маркан-Нажах», «Аль-Ихрам» и др.³⁰

В 1920 г. П.К. Жузе принимает приглашение от недавно открывшегося Бакинского университета занять кафедру арабского языка и литературы историко-филологического факультета и уезжает вместе с семьей в Баку.

В 1920 г. Пантелеймону Крестовичу присваивается звание профессора кафедры арабского языка и литературы. Здесь он проработает до 1937 года.

Бакинский университет (переименованный в 1922 в Азербайджанский государственный университет) был образован в составе двух факультетов – медицинского и историко-филологического. Последний имел в своем составе историческое, филологическое и восточное отделения. По инициативе П.К. Жузе в 1922 г. восточное отделение было преобразовано в отдельный, самостоятельный восточный факультет с двумя отделениями: историческим и словесности, а последнее, в свою очередь, было разделено на две секции – турецкую и иранскую³¹. Заслуги этого факультета, инициатором создания которого являлся Жузе, в достижении научных успехов в области ара-

²⁸ См. работы П.К.Жузе: Жузе П.К. Ислам и просвещение / П.К.Жузе // Православный собеседник. – 1899. – Ч. 2. – С.529–539; его же. Христианское влияние на мусульманскую литературу // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 1. – С. 247–263, 727–738; его же. К первоначальной истории Ханаана // Православный собеседник. – 1914. – Ч.1. – С.715–741; его же. Грузия в XVII столетии по изображению патриарха Макария // Православный собеседник. – 1905. – Ч. 1. – С.111–127, 441–458; Жузе П.К. Коран // Православный собеседник. – 1914. – Ч. 1. – С.972–994.

²⁹ Жузе П.К. Смерть мусульманина и допрос его в могиле / П.К.Жузе // Казанский телеграф. – 1896. – № 904, 906.

³⁰ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1911 год. – Казань, 1912. – С. 42.

³¹ Алимизоев Х.О. Азербайджанский государственный университет за 50 лет. Исторический очерк / Х.О.Алимизоев. – Баку, 1969. – С. 37, 44, 48–49.

бистики, ирановедения, тюркологии для востоковедения неопценимы. Профессор П.К. Жузе стал первым деканом Восточного факультета и занимал эту должность до 1926 г.

П.К. Жузе также был инициатором и организатором создания восточного отдела библиотеки университета. На средства, выделенные СНК в 1924 г., в Стамбуле им было приобретено более 2.000 книг³². К 1928 г. фонды восточного отдела включали в себя более «10.000 томов сочинений по Среднему и Ближнему Востоку, на многих восточных и европейских языках»³³.

В Бакинский период жизни меняется область научных интересов ученого, в которую теперь главным образом входят средневековая история Азербайджана, Закавказья и Кавказа, переводы арабских рукописей и работ средневековых арабских историков³⁴. В 1923 году Жузе издает Арабскую хрестоматию, которая была высоко оценена И.Ю. Крачковским. Включение в состав хрестоматии отрывков из арабских произведений основателя бехаизма (Бехаулла) «оказалось новостью в учебной литературе»³⁵.

В 1928 году, в Иерусалиме, на арабском языке выходит одна из самых фундаментальных работ Жузе – «Из истории идейных движений в исламе». Эта монография вызвала различные суждения в исламском мире, к сожалению никогда не издавалась на русском языке. По словам Т.Sonn, работа ученого была смелым вкладом в те исследования, которые предпринимались в

³² Маковельский А.О. Азербайджанский государственный университет имени Ленина. Первое десятилетие 1919–1929 / А.О.Маковельский. – Баку, 1929. – С. 50.

³³ Известия Восточного факультета. – Т. IV. – Баку, 1929. – С.271.

³⁴ Жузе П.К. Мутагалибы в Закавказье в IX–X вв.: К истории феодализма в Закавказье / П.К.Жузе // Материалы по истории Грузии и Кавказа. – Вып.3. – Тбилиси, 1937. – С.159–214; Баладзори. Книга завоевания стран / текст и пер. с араб. (в извлечениях) проф. П.К.Жузе / Баладзори // Материалы по истории Азербайджана. – Вып.3. – Баку, 1927; Якуби. История / текст и пер. с араб. проф. П.К.Жузе / Якуби // Материалы по истории Азербайджана. – Вып.4. – Баку, 1927; «Материалы по истории Азербайджана из «тарих ал-Камил» («Полного свода ибн ал-Асира»). – Баку, 1940.

³⁵ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики / И.Ю.Крачковский. – М.-Л., 1950. – С.213.

палестинском обществе после падения турецкого господства, в период расцвета арабского национального самосознания³⁶.

В работе Жузе подробно останавливается на движении Бабека, карматов, исмаилизме, Арабском Халифате и проч. Как указывает Т.Sonn, труд «Из истории...» являлся первой в мире марксистской интерпретацией исламской мысли³⁷. В этом было несомненное новаторство ученого.

Последние годы жизни Пантелеймон Крестович страдал от тяжелого заболевания сердца. Непоправимый удар здоровью ученого нанесли трагедии, произошедшие с членами его семьи. В 1931 году умирают жена Людмила Лаврентьевна (1880–1931) и дочь Александра (1907–1931). В 1935 году отправляется в административную ссылку, а в 1937 арестовывается за «участие в антисоветской группе» старший сын Пантелеймона Крестовича – Владимир Пантелеймонович³⁸.

С началом войны больного и уже пожилого ученого заключили под арест, в связи с подозрением в шпионаже. По словам внука Пантелеймона Крестовича, кандидата химических наук, Алексея Львовича Жузе, к больному отцу тщетно пыталась пробиться его дочь Тамара Пантелеймоновна³⁹. Ее попытки как-то помочь отцу были тщетны. Человек умирал в подвалах НКВД. Сколько дней или недель пробыл П.К. Жузе под арестом неизвестно, но этого срока, видимо, было достаточно для того, чтобы здоровье ученого окончательно подорвалось. Нуждающийся в постоянном присмотре, Жузе доживал последние дни в

³⁶ Sonn Tamara. Interpreting Islam. Bandali Jawzi's Islamic Intellectual History. – New York, 1966. – P.1.

³⁷ Sonn Tamara... Указ.соч. – P.5.

³⁸ Владимир Пантелеймонович Жузе (1904–1993 гг.) – доктор физико-математических наук, лауреат премии А.Ф.Иоффе Президиума АН СССР // Владимир Пантелеймонович Жузе (1904–1993 гг.). Жизнь и научная деятельность. Очерки. – СПб., 2004. – С. 8–9; Усанов Д. К 100-летию со дня рождения профессора Владимира Пантелеймоновича Жузе. http://paper.sgu.ru/?id_a=567.

³⁹ Дочь Тамара Пантелеймоновна Жузе (1908–2002 гг.) – доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, почетный нефтяник, опубликовала более 170 научных работ, четыре монографии и получила восемь авторских свидетельств на изобретения.

камере и под допросами сотрудников НКВД. Вина пожилого и больного ученого, в конце концов, доказана не была, и Пантелеймон Крестович оказался на свободе. Но здоровью ученого был нанесен такой удар, от которого он так и не смог оправиться. 19 января 1942 года Пантелеймона Крестовича Жузе не стало.

Научная и педагогическая деятельность Пантелеймона Крестовича Жузе проходила в двух городах – Казани и Баку. За этот период эволюционировали взгляды ученого на предметы своих исследований, менялись его научные интересы. Но неизменными оставались его преданность науке и стремление передавать свои знания с преподавательской кафедры. Являясь автором многочисленных трудов по востоковедению, Жузе преподавал в ряде учебных заведений Казани, в т.ч. в Казанской духовной академии и Казанском университете, многое сделал для организации восточного факультета Бакинского университета, где и преподавал с 1920 г. практически до своей кончины. Несмотря на все это, биография, научная деятельность и педагогические концепции ученого остаются практически неисследованными отечественными историками.

С.В.Лола

Конфликты студентов Казанского университета с горожанами (первая четверть XIX в.)

Казанский университет в первой четверти XIX века всеми силами стремился предстать в глазах местного общества в самом благоприятном свете, на что были направлены усилия его руководства. Положительные примеры такого взаимодействия, какими являлись торжественные собрания университета, статьи местных периодических изданий и т.д., широко транслировались. Учащиеся же не всегда способствовали этому начинанию, порой демонстрируя свои пороки и недостатки в конфликтных ситуациях, происходивших за пределами стен *alma mater*. Эти негативные примеры соприкосновения университета и города оставались в стороне.

Однако, конфликты – это неизбежный фактор социальной жизни. Их необходимо изучать, так как это помогает раскрыть университетскую и городскую культуры в различных ипостасях.

Тому, как проявлялся социокультурный обмен между городом и университетом в конфликтных ситуациях и посвящена данная статья.

В своей работе я опиралась на архивные материалы двух фондов, отложившихся в Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ). Это фонд 977 «Казанский университет» и фонд 92 «Попечитель Казанского учебного округа». Для изучения данной темы большое значение имеют протоколы заседания университетского совета, переписка профессоров с попечителями, материалы ревизии 1819 года, шнуровая «Книга о поведении студентов». Большую и наиболее информативную часть последней составляют записи профессора Ф.К. Броннера, служившего инспектором студентов с 1814 по 1817 год. В 1902 году они были переведены с латинского и изданы Д. И. Нагуевским под названием

«Дневник профессора Броннера»¹. В нем дается описание конкретных столкновений студентов с горожанами.

Интерес к изучению конфликтов проявляли в своих работах такие исследователи, как Николай Никитич Булич в «Рассказах по архивным документам»², который рассматривал конфликты в контексте повседневной жизни студентов Казанского университета, в частности, он утверждал, что из-за всякого рода конфликтов «университет неспособен был привить элементарные понятия долга и чести»; Николай Павлович Загоскин – в «Истории императорского университета»³, воспринимавший любые действия университетского сообщества как борьбу с невежеством городской среды; Елена Анатольевна Вишленкова в «*Terra Universitatis*»⁴, считающая конфликты неотъемлемой частью университетской и городской культур. Все это, однако, являлось только постановкой проблемы. Поэтому в данной работе я предприняла попытку непосредственного анализа внешних конфликтов, происходивших между университетом и городом в первой четверти XIX века.

Изученные конфликты можно разделить на две основные категории: конфликты, возникшие на почве оскорбления чести, и имущественные конфликты, в которых речь идет о грабеже и порче имущества.

Основной причиной конфликтных ситуаций в подавляющем большинстве случаев было нетрезвое состояние казанских студентов. Неистребимые попойки учащихся университета приводили к многочисленным столкновениям и в стенах *alma mater*, но тогда эти непривлекательные события не выходили наружу. По

¹ Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его Дневник и Переписка (1758–1850) / Д.И.Нагуевский. – Казань, 1902. (Далее – Дневник).

² Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета.(1805–1819): Рассказы по архивным документам. – Ч.1,2 / Н.Н.Булич. – Казань, 1887; 1891.

³ Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. – Т.1 / Н.П.Загоскин. – Казань, 1902.

⁴ Вишленкова Е.А. и др. *Terra Universitatis*: два века университетской культуры в Казани / Е.А.Вишленкова, С.Ю.Мальшева, А.А.Сальникова. – Казань, 2005.

меткому высказыванию Н.Н. Булича, «это были домашние дела»⁵.

Позволить себе посидеть за рюмкой ликера или вина могли и профессора университета. В Александровскую эпоху, до попечительства М.Л. Магницкого, употребление их наставниками не считалось серьезным пороком, никого за это не увольняли и не наказывали⁶. Это наглядный пример функционирования в Императорском университете двойного стандарта морали и поведения: один – для профессоров, другой – для студентов⁷. Кроме того, такое поведение оставалось внутри университета, не приводя к негативным последствиям в пространстве города.

Соприкосновение же с жителями Казани в подобном виде было чревато разрушением высоконравственного образа университетского человека, а главное – в конечном счете возможной потерей статуса *alma mater* в качестве утверждающего элитарные, модельные ценности. Какую культуру отношений может дать обществу университет, который не способен воспитать в своих стенах достойных людей, привить им самим уважение к науке?! А чрезмерное употребление алкогольных напитков, чаще всего это были пунш и водка⁸, студентами из «храма наук» расценивалось именно как измена высокой просветительской миссии данного имперского учреждения, заявленной самим Александром I и в последующем часто упоминаемой руководством университета. Вот почему теме пьянства среди воспитанников *alma mater* придавалось большое значение, причем порой на высоком уровне, так как она касалась и других высших учебных заведений.

В письме попечителя Казанского учебного округа к ректору Казанского университета от 12 сентября 1825 года читаем следующее: «кои могут быть замечены хоть в малейшем поползновении к употреблению горячих напитков, в деле самом

⁵ Булич Н.Н. Указ. соч. – Ч.2. – С. 525.

⁶ Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Указ. соч. – С. 348.

⁷ Вишленкова Е.А. Радикальная интеллигенция как побочный продукт университета Российской империи: опыт Казани / Е.А.Вишленкова // Логос. – 2005. – № 6. – С.219.

⁸ НА РТ. Ф. 977. Оп. Ректор. Д. 61. Л.1 об.

отвратительном и нетерпимом, с ними со всей строгостью наказать как обесчестивших благородное общество студентов»⁹. Послание это было вызвано случаем смерти студента Харьковского университета от переизбытка алкоголя в организме, дошедшего до императора, который приказал министру народного просвещения через институт попечителей учебных округов и ректоров университетов пресечь распространение пагубной привычки среди студентов.

Примерами подобных правонарушений служат следующие случаи.

3 сентября 1813 года – студент Петр Замятин в нетрезвом состоянии избил торговца фруктами, купца Парашина и его приказчика, оскорбил казанского полицмейстера Симонова, буйно себя вел на улице¹⁰.

17 мая 1816 года – в совет от профессоров *alma mater* поступила жалоба, что студенты компрометируют университет, гуляя по городу в пьяном виде и попадая в полицию.

12 марта 1817 года – студенты Соловьев и Уфимцев в нетрезвом виде оскорбили благородных девиц Папову и Глухову, последнюю и лакея избили, буйно вели себя на улице.

24 сентября 1819 года – слушатели Севергин, Папетов и Чекмарев буйно вели себя на Вознесенской улице.

Другой важной причиной возникновения конфликтов являлись долги учащихся *alma mater* в магазинах города. Негативную роль в этом явлении сыграл перевод студентов в 1815–1819 годах на денежное содержание, составляющее 250 рублей в год. Опыт этот, следует заметить, был не слишком удачным. Учащиеся нередко тратили эту сумму «во зло», на приобретение алкогольных напитков, посещение публичных домов, игры в карты. Как писал в своем дневнике Ф.К. Броннер, «в виду этого распоряжения надзор стал гораздо более затруднительным, вследствие того, что из экономических расчетов, люди, жившие

⁹ Там же.

¹⁰ Подробно: НА РГ. Ф.977. Оп. Совет. Д.51 «Документы о конфликте студента университета Замятина с Казанской полицией и исключении его из Университета». – 44 л.

до сих пор сравнительно беззаботно, начали бегать по городу, отлучаться и даже пропускать лекции»¹¹.

Положительным моментом явился рост объема социокультурного обмена между городом и университетом. Получив допуск к деньгам, студенты *alma mater* стали чаще и свободнее посещать городские заведения, интенсивнее вступая в соприкосновения с местными жителями: лавочниками, трактирщиками, владельцами кухмистерских, книгопродавцами и пр.

Разумеется, подобные случаи имели место и раньше. Даже не имея собственных средств, воспитанники университета ловко пользовались казенным содержанием, закладывая свою одежду и обувь (т.н. «казенное платье») и другие вещи, изыскивая тем самым сумму на желанную покупку. Эту же участь постигала и часть предметов и вещей, присылаемых родственниками юношей.

Когда заканчивались деньги, начинались трения. Иногда студентам сразу отказывали в кредите, иногда продавали в долг, но погашать задолженность учащиеся не торопились, либо просто игнорируя, либо применяя силовые методы. Например:

13 апреля 1815 года – студент В. Шонин ударил кулаком жену эконома Дворянского собрания Гедлера за то, что она не продала ему вина в долг, оскорбил самого Гедлера.

2 декабря 1816 года – студенты А. Попов, Беляев и М. Сычугов били кулаками по голове сапожника, требующего вернуть долг.

30 марта 1817 года – студент А. Попов посажен в карцер за то, что «кредитору своему, просившему об уплате долга, надавал пощечин».

9 июня 1819 года – жалоба от булочника на Пальмова, который не расплатился за свои покупки.

Интересен и случай кандидата Николаева. Юноша «задолжал в трактире 35 руб. 50 коп., отдал в залог золотое кольцо и велел вслед за собой идти служителю трактира Евсееву для получения денег, которые не только не отдал в своей квартире, но раздев Евсеева, отнял у него его собственных денег 30 рублей и свое кольцо, бил плетью и остриг ему волосы»¹². Замечу, что описание этого события привел М.Л. Магницкий в своей «Книге о

¹¹ Дневник. – С. 71.

¹² Цит. по: Загоскин Н.П. Указ. соч. – Т. 2. – С. 598.

поступках», носившей ярко выраженный карательный характер, поэтому краски могли быть немного сгущены.

То, что М. Магницкий искажал смысл некоторых подобных дел, нашло свое отражение в упомянутом выше деле 1816 года о студентах, избивших сапожника. Ф.К. Броннер, однако, об этом писал так: «по расследовании, дело оказалось не столь серьезным. Это была скорее шутка, чем насилие»¹³. Тем не менее, именно в понимании М. Магницкого дело перекочевало на страницы работ Н. Булича и Н. Загоскина, порождая мифологию об излишней жестокости учащейся молодежи.

Вносит Ф.К. Броннер корректировку и в случай с оскорблением Можаровым солдатской дочери: «призванный г. Ректором, (Можаров. – С.Л.) подвергся порицанию, но, по выслушании показаний по этому делу магистра Ярцева, отчасти оправдал себя»¹⁴.

Было не прочь лишний раз скомпрометировать студентов *alma mater* и казанское общество. «Городские обыватели опасались товарищества студентов и мстили им слухами о постоянных попойках и драках университетских воспитанников»¹⁵, – отмечает Е.А. Вишленкова.

Студентам вменялась в вину также кража имущества городских жителей. Наиболее известным случаем в этой области, зафиксированным в «Дневнике» Ф.К. Броннера, является дело о похищении А. Поповым шубы с маскарада, но возвращенной, правда не по своей инициативе, на следующий день. На этот раз инспектор студентов не был склонен оправдывать выходку, говоря о том, что не может «извинить бесстыдство человека, который за шубу ценю в 20 рублей взял чужую, стоящую 400 рублей»¹⁶. Другие случаи подобного характера не имеют надежного подтверждения, каким можно считать «Дневник» Ф.К. Броннера.

¹³ Дневник. – С. 168.

¹⁴ Там же. – С. 145.

¹⁵ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Указ. соч. – С. 355.

¹⁶ Цит. по: Булич Н.Н. Указ. соч. – Ч.2. – С. 536.

В «Книгу о поведении студентов» времени инспекторства В.Я. Булыгина¹⁷, назначенного М.Л. Магницким, внесены несколько заметок о кражах университетских воспитанников, но отсутствие этих данных в других источниках подводит к вопросу о степени их достоверности. За некоторые промежутки времени информация и вовсе отсутствует. Это положение дел характерно для изучения и других разновидностей правонарушений студентов. Существующая проблема лакун, таким образом, препятствует выстраиванию достоверной картины внешних контактов учащихся *alma mater*.

Говоря о пространстве конфликтов, то традиционным обстоятельством для их возникновения являлись собрания людей, мероприятия, сводившие воспитанников *alma mater* с жителями Казани. Студенты из дворянских семей были приглашаемы на балы, балы-маскарады и вечера в дома высшего местного общества. Устраивались публичные маскарады и в залах университета, где порой собиралось значительное количество посетителей. Так, например, в маскараде 1825 года принимали участие около 500 человек.

Подобные контакты университетских студентов с горожанами осложнялись неожиданными казусами и происшествиями¹⁸, – отмечает Е.А. Вишленкова и приводит следующие примеры из практики посещения балов учащимися: «Студентов обижало то особое почтение, с которым местные девицы и их родители относились к молодым офицерам, особенно гвардейцам. Пришедшие на бал студенты бывали оскорблены тем, что еще вчера кокетничающие с ними барышни вдруг отказывались от приглашения на мазурку, предпочитая ангажемент усатого корнета. К тому же гвардейцы не упускали случая поддеть местных повес. Источником обиды мог оказаться и отец девицы, настороженно следящий за партнерами дочери. Студенты по-своему реагировали на такое неуважение. Собираясь «гуртом», они требовали объяснений от офицеров, демонстрировали свое презрение высокомерному папаше (могли и камень в его окно бросить), а

¹⁷ В.Я.Булыгин был инспектором студентов с 9 июля по 10 ноября 1819 года.

¹⁸ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Указ. соч. – С. 355.

изменчивую барышню принуждали выйти из экипажа и покружить в танце на снегу»¹⁹.

Особенностью подобных конфликтов оказывалось то, что их участники были нетрезвы. В таких условиях часто вспыхивали ссоры, возникали оскорбления. Поэтому, «поощряя общественные контакты своих питомцев, университетская администрация запрещала им участвовать в маскарадах, которые устраивали Дворянское или Купеческое собрания. Это делалось из тех соображений, что без мундира университетских юношей невозможно было отличить от других гостей и проконтролировать их поведение. Впрочем, студенты легко нарушали запреты, даже если расплачиваться за это приходилось карцером»²⁰.

К пространству конфликтов относились и различные магазины города, особенно питейные заведения, а также места народных гуляний и церковных служб. Неуважительное поведение учащейся молодежи во время церковных служб вызывало особое негодование православных жителей Казани. Как явствует из докладной записки М. Магницкого, писавшего об университетских воспитанниках 1813 года: «Неблагопристойное поведение студентов достигло высшей степени: они наводят соблазн в церквях во время богослужения, нарушают порядок в храме Божьем»²¹. Действительно, юноши той поры, видимо, не были ни богобоязненными, ни благочестивыми. Во время постов на улицах города можно было встретить студентов университета в нетрезвом состоянии, к тому же вызывающе себя ведущих. Что не могло не добавить негативного отношения со стороны верующего населения.

До сих пор мы разбирали правонарушения, зачинщиками которых выступали студенты. Но были ситуации, где сами городские люди наносили вред «храму наук». Так, в фонде «Казанский университет» отложилось дело от октября 1825 года о том, как рабочие, трудящиеся у столярного мастера Эренберха, которые «приносили классические рисовальные столы» для занятий, «ломали университетскую парадную лестницу, нахо-

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Цит. по: Загоскин Н.П. Указ. соч. – Т. 2. – С. 597.

дящиеся на ней медные украшения»²². За что местные жители получили достаточно суровое телесное наказание палками, каждому по 200 ударов²³. Вероятно, это был не единственный случай подобного рода, поэтому эта тема требует дальнейшего рассмотрения.

Подводя итог столкновениям студентов с горожанами, следует принять во внимание следующие наблюдения.

Большое значение имеет тот факт, что нарушителями порядка выступали, фактически, одни и те же люди. 2 раза в обзоре происшествий встречается Беляев, 3 раза – за долги и кражу Александр Попов, столько же «отличился» и Евграф Можаров. Студенты Соловьев и Уфимцев, Михаил и Петр Сычугов, Владимир Шонин часто фигурируют и в других делах, уже внутреннего характера²⁴. Если проследить характеристики и биографии зачинщиков внешних конфликтов, то станет ясно, что большинство из них были сами по себе людьми, выражаясь языком той эпохи, «малоприлежными и неодобрительного поведения», с низкой потребностью в образовании и воспитании. Так, к примеру, Петр Замятин, после повторного принятия в *alma mater*, «вел ту же пьяную жизнь и не занимался»²⁵.

Что касается численных показателей в отношении столкновений между студентами университета и жителями Казани, то, по моим подсчетам, они не превышают 7 известных происшествий в год. Косвенным свидетельством такой оценки служит то, что в источниках и литературе, не настроенных «обелять» студенческую молодежь, фигурируют одни и те же дела, крупнейшим из которых является ситуация с девицами Глуховой и Паповой, да и то в связи с их высоким социальным статусом. Случаев убийств мной обнаружено не было.

Проведенное исследование позволило проникнуть в мир ценностей и этических идеалов университетской корпорации, уви-

²² НА РТ. Ф. 977. Оп. «Ректор». Д. 55. Л. 2.

²³ Там же. – Л. 2 об.

²⁴ Всего в списке казанских студентов числилось: в 1808 году – 40 человек, 1809 – 33, 1810 – 33, 1811 – 34, 1812 – 44. Булич Н.Н. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 450–451.

²⁵ Булич Н.Н. Указ. соч. – Ч.2. – С. 527.

деть «болевые точки» во взаимоотношениях между городом и университетом. В результате можно сделать следующие выводы.

Наличие различных конфликтных ситуаций доказывает то, что контакты между университетом и городом были многогранны. Конфликты происходили непроизвольным образом, тогда, когда нарушались негласные социальные договоры между Казанью и Казанским университетом. Они были более «натуральны», чем несколько искусственные сценарии публичных собраний Казанского университета и выборочные материалы периодических изданий. Именно в конфликтных ситуациях университетские люди «проговаривались» и отстаивали базисные для себя принципы социальных связей, очерчивая границы дозволенного в отношениях с городом и критерии оценок друг друга.

Они демонстрировали негативную сторону соприкосновения казанского общества и императорского университета, вкуче давая более объективную картину происходившего в первой четверти XIX века их социокультурного обмена. Таким образом, горожане получали, как минимум, два образа университетских воспитанников: один идеальный, создаваемый руководством *alma mater*, и второй, формирующийся во внешних конфликтах, дополненный слухами и сплетнями, и также не являющийся единственно верным и «настоящим». На самом деле, это скорее были две стороны одной медали: студенты и занимались наукой, и нарушали правила. Примером тому служит личность Н.И. Лобачевского, любителя попускать ракеты в университетском дворе и чуть не исключенного из *alma mater* за проступки и вместе с тем выдающегося ученого.

А.Х.Махмутова

Медресе «Мухаммадия»: этапы развития

Мы очень часто обозначаем события конца XIX – начала XX века как статичные, забывая при этом, что это было время перемен, эпоха, когда рушилось все устоявшееся, что нельзя применять оценки, полученные в результате изменений, к событиям начального этапа. А мы довольно часто грешим этим. Это касается как взглядов отдельных личностей, так и событий и явлений, происходивших в татарском обществе на рубеже XIX–XX веков. В частности, это происходит и в отношении медресе «Мухаммадия» и его руководителя Галимджана Галеева-Баруди. Именно поэтому и было решено остановиться на некоторых проблемах, касающихся развития этого медресе.

Итак, в середине августа 1882 года 25-летний Галимджан Галеев после семилетнего обучения в священной Бухаре вернулся в Казань. В «Памятной книжке», написанной в 1920 году, он так описал этот период: «В 1882 году вернулся в Казань. 12 ноября того же года был назначен вторым имамом и мударрисом в Казанскую Белую мечеть, получив указ на исполнение этой должности. С этого дня стал давать уроки одному-двум шакирдам, постепенно увеличил круг учеников. Организовал медресе, нынешнее медресе «Мухаммадия». До 1908 года вводил в уроки школы и медресе ряд реформ»¹. Отсюда сделаем вывод, что сам Баруди определил время становления своего медресе, медресе нового типа, в 25 лет.

Это был очень интересный период в жизни татарского народа – начало его пробуждения. 80–90 годы XIX века можно назвать эпохой идеологической подготовки массового обновленческого движения начала XX века, получившего название «джадидизм», «джадидское движение», иногда – «джадидистское» (от слова «джадид», что в переводе с арабского языка на русский означает «новый»). Эти термины первоначально применялись

¹ Галимджан хазрат Баруди. Памятная книжка (Хәтер дәфтәре) / Г.Баруди. – Казань: Иман, 2000. – С. 144.

лишь для обозначения процессов, протекавших в области школьного дела. В условиях формирования национального самосознания, когда менялась система ценностей, вплоть до внешнего облика человека, они постепенно стали использоваться для обозначения всего нового, происходившего в жизни татарского общества.

Когда Г.Баруди приступил к созданию своего медресе, в Казани жил и работал признанный в мусульманском мире ученый-богослов, историк, просветитель Шигабуддин Марджани, оказавший поддержку молодому и подающему большие надежды мулле. В Крыму начинал широкую просветительскую деятельность И. Гаспринский, испытавший, по его собственным словам, несомненное влияние Ш.Марджани. В 1883 году он приступил к изданию своей газеты «Тарджиман» (Переводчик) на русском и тюрко-татарском языках. Появление газеты в татарском обществе было встречено неоднозначно.

Вот, например, Гильман-ахун Каримов, правда, представитель более старшего, чем Г.Баруди, поколения, так описал свое восприятие газеты: «Исмаил-мирза Гаспринский приступил к изданию газеты «Тарджиман» и, распахнув маленькое окошечко в неизвестный нам мир Европы и России, начал освобождать нашу мысль, в течение веков недоступную для культуры и просвещения. Он начал писать: «Нация наша в темноте и невежестве, мы очень нуждаемся в знаниях и просвещении, наши интеллектуалы и ученые люди, лишённые знаний и просвещения, связи с миром, наслаждаются сном. Необходимо обновить методы обучения в мектебах и медресе и т.д.». Все это нам казалось чуждым, было трудно признать ошибкой свои прежние взгляды. Так как у меня в крови и характере было старое мышление, взгляды Гаспринского мне показались противоречивыми, не хотел с ними соглашаться. Я начал с ним переписываться. Я, защищая ислам и религию, твердил, что наука, просвещение и обучение русскому языку не возможны. А он, наоборот, доказывал, что исламский мир и религиозность смогут вечно прогрессировать лишь через науку и просвещение и что

для мусульман, живущих в России, знание русского языка, несомненно, необходимо»².

Вероятно, и Г.Баруди, приступивший к созданию своей школы, уже в 1883–84 годах познакомился с газетой, читал ее. Возможно, и он мыслил так же, как Гильман-ахун. Идеи, распространяемые через газету И.Гаспринским среди мусульман России, вначале могли показаться и ему неприемлемыми. Конечно, молодого муллу и мударриса должны были привлечь убежденность И.Гаспринского в необходимости перемен в жизни мусульман России и призыв использовать для этого школу. Ведь и Г.Баруди главной целью своей жизни считал создание максимально приемлемых условий для обучения и воспитания молодежи и улучшение системы мусульманского образования, над недостатками которого он начал задумываться, еще будучи шакирдом. Однако Г.Баруди, воспитанного в бухарских традициях, должно было насторожить предложение И.Гаспринского обратиться для этого к европейской науке и опыту.

Из газеты, считавшей своей целью «будить и обновлять мировоззрение российских мусульман», Г.Баруди, как и ему подобные интеллектуалы, узнавал много нового и о существующих в мире «новейших знаниях», и о «задачах времени и культуры вообще», требовавших этих знаний. Газета знакомила своих читателей с событиями в мире и в России, сообщала новости мусульманского мира. Среди новостей особенно привлекательными для таких читателей, как Г.Баруди, братья Буби и другие, были сообщения из единой Турции. Газета писала о появлении специализированных светских школ, университетов в Стамбуле и Каире, о возникновении газет и журналов, о новой литературе (вплоть до появления «европейского» романа и подготовки переводов с французского) и литературных обществах. Все это было весьма необычно для мусульманского читателя и вызывало интерес, прежде всего, у желающих изменений молодых мулл.

Газета «Тарджиман» критиковала старые школы, пропагандировала новые. Она вопрошала: «Что сказать о наших школах, в

² Фатых Карими: Фэнни-биографик жыентык = Фатих Карими: Научно-биографический сборник. – Казан: Рухият, 2000. – С. 18–19.

которых после 15 лет обучения не умеют правильно писать и самостоятельно мыслить?» («Тарджиман», 1890, 18 марта), и разъясняла, что в просвещенных странах существуют такие методы обучения, что за 6 месяцев детей не только обучают чтению и письму, но и дают начальные сведения по арифметике. Положение же мусульманских школ плачевно, указывала газета, и, чтобы изменить его, необходимы «новые мектебы, то есть такие, в которых вводится новая облегченная система преподавания начальной мусульманской грамоты» (Тарджиман, 1890, 23 ноября).

В газете раскрывались преимущества нового звукового метода (ысуле джадид), описывались и первые экзамены в новометодных школах, которые обычно проходили при большом «собрании улемов и почетных лиц». Особую роль в распространении звукового метода сыграл составленный и изданный И.Гаспринским в 1884 году букварь «Ходжаи сыйбиян» (Учитель детей). Это было пособие «с прописями и наставлениями как вести учебное дело по новой методе», постоянно рекламировавшееся в газете. Автор статьи «Новые мектебы» (Тарджиман, 1890, 23 ноября), пропагандируя пособие, например, подчеркивал: «Не сомневаемся, что в девять месяцев дети приобретут навык читать, писать и считать по-татарски, читать Коран и будут знать начала вероучения и порядков богословия». Такие сообщения, несомненно, должны были заинтересовать и Г.Баруди.

Сообщая эти сведения, газета писала, что успехи нового метода такие явные, что «дальнейшая реформа стоит лишь за неимением знающих метод учителей» и приглашала желающих научиться этому методу в Бахчисарай, в Крым, в специально созданную И. Гаспринским в 1884 году для обучения учителей-мугаллимов школу. Все это не могло не затронуть душу и ум Г.Баруди, уже с юности критически относившегося к системе обучения, царящей в татарских медресе, и жаждавшего изменить ее. К этому времени медресе Г.Баруди уже было полностью самостоятельным и располагало тремя зданиями, прилегающими к пятой каменной мечети.

Наступило время исполнить заветную мечту любого мусульманина – совершить хадж. В «Памятной книжке» Г.Баруди написано: «В 1886 году совершил путешествие в Стамбул, Египет, Хиджаз, выполнил хадж, вернулся, обогатившись познаниями в области религии, своих мыслях о реформе медресе»³. Можно предположить, что в ряду встреч и бесед с учеными и богословами Ближнего и Среднего Востока могла быть встреча и с И.Гаспринским. Ибо путь лежал через Крым, а, как это следует из сообщений в газете и воспоминаний интеллектуалов, многие из них при первой возможности стремились побывать в Бахчисарае, чтобы разрешить свои сомнения и в личной беседе выяснить спорное и непонятное в публикациях И.Гаспринского.

Конец восьмидесятых – девяностые годы – время, когда семена, посеянные И.Гаспринским среди уже готовой воспринять его идеи молодежи, начали давать плоды: в разных краях России, где проживали мусульмане, начали появляться новые школы. После возвращения из путешествия и Г.Баруди с новыми силами взялся за устройство своего медресе. По данным КУО, в 1887 году в нем обучалось 54 шакирда. Это было среднее по меркам Казани медресе (лишь в медресе Марджани было 142 шакирда и у Галлям-хазрата – 140)⁴. По мере становления нового медресе росло и число учащихся. К 1894 году положение в казанских медресе изменилось в корне: по официальным данным, теперь уже больше всего учеников стало в «Мухаммадии» – 121 шакирд, тогда как в остальных медресе числилось от 35 до 60 шакирдов⁵.

В статье, опубликованной в журнале «Тәрбияи этфаль» в 1907 году в связи с 25-годовщиной начала деятельности Г.Баруди, Ю.Акчура указал, что в первые годы мударрис пытался привнести изменения в традиционное обучение, увеличив внимание на преподавание наук богословских и связанных с арабским языком. «Но потом, поняв, что реформа медресе

³ Баруди Г. Указ. соч. – С. 144.

⁴ Медресе г. Казани XIX – нач. XX вв.: Сб. документов и материалов / Отв. сост. Л.В.Горохова. – Казань: Гасыр, 2007. – С. 61–63.

⁵ Там же. – С. 86–93.

невозможна без реформы мектеба, в 1309 году в день мавлюд (день рождения пророка Мухаммеда – А.М.) начали обучение по новому методу»⁶, – отметил он. Для этого мударрис послал одного из своих учеников, Зигангира-хальфу Зиятдинова, выходца из деревни Кульбаева Мараса Чистопольского уезда, в Бахчисарай обучаться новому методу в школе И.Гаспринского.

При медресе еще раньше были созданы мужской и женский мектебы начального обучения основам веры и первоначальной грамоте. Именно с них мударрис и решил начать преобразования.

В современной датировке этого шага Г.Баруди имеются расхождения. В еще аспирантских работах 60-х годов XX века я указала дату «1889 год», сославшись на рукопись Ш.Шарафа «Первая новометодная школа в Казани», которую в середине 60-х годов дал мне племянник Г.Баруди Ахмед Салихович Галеев. В рукописи Ш.Шарафа говорилось следующее: «Прожив 5–6 лет в Казани, Маһруй ханум приступила к обучению девочек. Сначала в 1889-году она попробовала обучать нескольких соседских девочек. Начавшей с опаской Маһруй ханум это дело показалось очень приятным и успешным. На второй год, так как мальчиков обучали уже по новометодным книгам, и были опубликованы книги Галимджан-хазрата о новом методе «Бадрульмагариф» и «Савадхан», и Маһруй ханум решила обучать девочек так же»⁷. Путем несложных логических рассуждений и было определено, что Г.Баруди начал обучать грамоте новым методом мальчиков в 1889 году, а Маһруй ханум девочек – в 1890 году.

Позднее в работах Рауиля Амирхана и других появилась дата «1891 год». Эта дата, видимо, была получена при упрощенном переводе с мусульманского календаря на григорианский (1309+582 = 1891). Хотя такой путь, как известно, годится лишь для приблизительного определения, именно эта дата стала общепринятой. Но насколько это верно? Я решила произвести более точные подсчеты по дате, указанной Ю.Акчурой, взяв за

⁶ Йосыф Акчура. Дамелла Галимжан Эл-Баруди: Тәржемәи хәлә / Й.Акчура. – Казан: Иман, 1997. – Б. 58.

⁷ Материалы по истории школы Лябибы Хусаиновой в Казани // ОРПК НБ КГУ. № 2390 т. Л. 104.

основу более сложную формулу. И получилось, что день рождения пророка (12 рабиавваль) в 1309 году хиджры по современному календарю приходился на 4 октября 1890 года.

Можно привести еще одно, правда, косвенное, доказательство: 7 февраля 1892 года в казанской газете «Волжский вестник» помещена перепечатка сообщения из газеты И.Гаспринского «Тарджиман». Вот оно: «Как сообщают «Переводчику», мударрис Галимджан эфенди Баруди недавно произвел экзамен в казанском мектебе, где им введен облегченный способ преподавания. Присутствующие были поражены и обрадованы чрезвычайными успехами, достигнутыми в течение шести месяцев. Дети успели усвоить механизм чтения, письма, знали начала правописания, правила веры и арифметики. Все увидели, что таких результатов нельзя достигнуть и в три года при старом порядке и методе обучения». Делаем логические выводы. Если перепечатка в казанской газете появилась в начале февраля 1892 года, то нужно было время для того, чтобы сообщение об экзамене дошло до Бахчисарая, а «Тарджиман» – до Казани. Если учесть, что экзамены в новометодной школе (как школе, где установлены общепринятые сроки обучения) должны были быть проведены весной, то получается, что обучение по новому методу должно было начаться именно 4 октября 1890 года.

Теперь об этапах развития медресе «Мухаммадия». Я бы выделила следующие этапы:

1882–1889 гг. – время становления, когда Галимджан Галеев собирает учеников и пытается произвести преобразования в рамках старого, кадимистского направления;

1890–1904 гг. – появляется и крепнет начальная новометодная школа, но само медресе остается по-прежнему чисто богословским учебным заведением, что вызывает недовольство шакирдов, желающих перемен и в медресе;

1904/05–1908 гг. – по требованию шакирдов в медресе коренным образом меняется система преподавания, вводятся новые предметы, появляются новые учителя, но еще нет стабильности в программах;

1908–1912 гг. – время отсутствия высланного из Казани Г.Баруди, когда практически лишь сохраняется достигнутое им в формировании новометодного медресе;

1913–1918 гг.– время расцвета медресе «Мухаммадия», когда оно наряду с медресе «Галия» в Уфе становится кузницей кадров татарской интеллигенции.

Итак, медресе «Мухаммадия» просуществовало 35 лет, которые можно разделить на 5 этапов. Его история показывает, как просветительские идеи Ш.Марджани и И.Гаспринского постепенно стали находить последователей, пытавшихся в меру своих возможностей и разумения практически осуществлять их на деле. А это значило, что дело просветительства из области идей начинало переходить в область действий, что, в свою очередь, требовало новых теоретических исканий и обоснований.

Так просветительство стало идеологическим и духовным катализатором национального самосознания тюркских народов Российской империи, в первую очередь, татар, и на рубеже веков составило уже заметное движение в татарском обществе. Превратившись в начале XX века в общественное движение, татарское религиозное и культурное реформаторство использовало плоды европейского просвещения для осмысления и решения своих конфессиональных и национальных проблем. Это привело к тому, что в течение очень короткого по историческим меркам времени (всего каких-то 20–30 лет) татарское общество из патриархально-феодального превратилось в развитое буржуазное, а само это время по праву получило название татарского ренессанса.

Л.А.Сазонова

Корпоративные отношения профессоров Казанского университета. Вторая половина XIX века

Специфические условия существования корпорации профессоров Казанского университета, сложность ее состава, различные возрастные характеристики влияли на характер отношений между ее представителями. Особенность университетской службы требовала от профессоров выполнения различных функций – чиновника, преподавателя, ученого, в связи с этим между членами корпорации возникали разные типы взаимодействий.

На культуру профессиональных отношений в профессорской среде оказывала влияние коллегиальная форма управления, которая выражалась в деятельности профессорского Совета. Согласно законодательству, все решения в Совете принимались путем голосования. Однако члены совета, имеющие особое мнение, отличное от большинства, имели возможность его высказать и отразить в письменном виде. Данное право способствовало укреплению в преподавателях осознания значимости своей позиции для корпорации. Готовность отстаивать свое мнение нередко приводила к инцидентам, когда профессора отказывались подписывать протоколы советских заседаний в связи с неверным, по их мнению, отражением их высказываний¹, или ситуациям, когда профессора требовали у коллег извинений за неосторожные выражения в их адрес².

С другой стороны, профессиональная этика требовала от профессорской коллегии корректного поведения. В связи с этим в рассматриваемый период немаловажное значение приобрела форма прохождения заседаний Совета. В 1868 г. попечителем Казанского учебного округа П.Д. Шестаковым были представлены правила ведения советских заседаний. Их содержание было направлено на регулирование конфликтных ситуаций. Согласно данным правилам, на заседаниях не должно было допускаться

¹ НА РТ. Оп. Физико-математический факультет. Д. 785. Л. 3–3 об; Оп. Совет. Д. 10017. Л. 142–143.

² Там же. – Оп. Совет. Д. 11564а. Л. 2–7 об.

устное возбуждение новых дел. Все вопросы обсуждались только согласно заранее составленной ректором повестке. Ректор, председательствующий в собрании, не должен был допускать «выражения неприличные и оскорбительные»³.

Подобная требовательность к корректной форме ведения дискуссий, по-видимому, была связана с претензией российских профессоров на статус носителей западноевропейской культуры и представления о цивилизованности как о системе ограничений. В профессорской среде не приветствовали публичное проявление излишних эмоций. Так, в 1897 г. декан историко-филологического факультета А. Смирнов не принял к рассмотрению жалобу профессора С.В. Опацкого на профессора Архангельского. Объясняя ее отклонение, он заявлял ректору Н.А. Кремлеву, что подобное поведение С.В. Опацкого мешает работе факультета: «он сам допускает возможность утраты всякого самообладания в факультетских заседаниях... крайняя раздражительность в сношении с товарищами... делает его присутствие и участие в факультетских собраниях не желательным и даже вредным»⁴. Неумение управлять своими эмоциями ставили профессора С.В. Опацкого среди коллег в положение скандалиста.

По мнению профессоров рассматриваемого периода, характер отношений в профессорской коллегии отличали Казанский университет от других учебных заведений. Так, профессор В.И. Модестов, сравнивая работу Советов Казанского и Киевского университетов в 1867–1877 гг., писал: «тон прений (на заседаниях совета Киевского университета) по разным, по-видимому, даже незначительным вопросам принимал характер шумный и резкий, какой мне был совсем незнаком по Казанскому университету, где известная вежливость считалась обязательною»⁵. Существование особых норм общения между казанскими профессорами во многом связывалось с представлениями о Казанском университете как о старейшем учебном заведении страны, имеющем прочные университетские традиции⁶.

³ Там же. – Д. 5101. Л. 441–442.

⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 9755. Л. 2об.

⁵ Модестов В.И. В Казани и Киеве. 1867–1877. Отрывки из воспоминаний / В.И. Модестов // Исторический вестник. – Т. 22. – СПб., 1885. – С. 338.

⁶ Национальный музей РТ. ОХДИ. Ед.хр. К2. КППи–123666/989. Л. 2.

Однако коллегиальные принципы управления университетом, тесная связь профессоров в процессе работы способствовали возникновению между ними разного рода конфликтов. Наиболее острые университетские конфликты чаще всего были связаны с изменениями профессорского состава и избранием новых представителей корпорации. В рассматриваемый период практика перехода преподавателей из одних учебных заведений в другие была развита незначительно в связи с недостатком профессиональных кадров. Поэтому каждый университет страны старался пополнять состав из своих собственных выпускников⁷. В Казанском университете при назначении на профессорские должности также отдавалось предпочтение «местным» кандидатам. Подобные принципы играли отрицательную роль для преподавателей, перешедших в Казанский университет из других учебных заведений. К примеру, в биографии профессора С.В. Левашова, назначенного в Казань из Военно-медицинской академии, говорилось, что он был встречен «крайне недружелюбно некоторыми членами медицинского факультета», для которых его назначение «в обход местных кандидатов» стало неожиданностью⁸.

По-видимому, негативную роль эти же представления сыграли и для профессора П.Ф. Лесгафта – выпускника Военно-медицинской академии – во время конфликта 1871 г.⁹ В результате столкновения с попечителем П.Д. Шестаковым и профессорами медицинского факультета, под давлением большинства членов университетского совета профессор был уволен без права дальнейшего преподавания. Его поддержала только небольшая группа преподавателей: Н.А. Головкинский, А.Я. Данилевский, В.Г. Имшенецкий, В.В. Марковников, А.И. Якобий, А.Е. Голу-

⁷ Иванов А.Е. Высшая школа России конца XIX – начала XX в. / А.Е. Иванов. – М., 1991. – С. 223.

⁸ Юбилейный сборник, посвященный С.В. Левашову // Труды факультетской терапевтической клиники Императорского Новороссийского университета. – Т. 2. – Одесса, 1909. – С. 8.

⁹ См.: Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. – Т. 2 / М.К. Корбут. – Казань, 1930. – С. 25–36; Вишленкова Е.А. Память о конфликтах: особенности архива Казанского императорского университета / Е.А. Вишленкова // Эхо веков. – 2008. – № 2. – С. 248–257.

бев, П.И. Левицкий, которая после увольнения П.Ф. Лесгафта демонстративно подала в отставку.

В процессе выборов новых членов корпорации в Совете Казанского университета вырабатывались нормы, по которым за факультетами признавалась автономия в решении вопросов, находящихся в их компетенции, в том числе и право выбора кандидатов на преподавательские должности. Профессор В.И. Модестов, сравнивая работу в Казанском и Киевском университетах, оценивал самостоятельность факультетов Казанского университета как его важное достоинство: «в Казанском университете... советом постоянно указывалась компетентность факультета в делах, до него касающихся... а это обстоятельство чрезвычайно важно в деле сохранения мира в университетской корпорации»¹⁰.

Однако признание самостоятельности факультетов способствовало возникновению соперничества между ними. В начале 1863 г. внутри корпорации возникла напряженная ситуация между ректором А.М. Бутлеровым, рядом профессоров физико-математического факультета с одной стороны, и деканом медицинского факультета А.А. Соколовским, попечителем учебного округа Ф.Ф. Стендером, с другой. Причиной столкновения стало назначение профессора И.И. Зедерштедта на кафедру терапевтической клиники. Назначение некомпетентного коллеги А.М. Бутлеров воспринял как желание декана медицинского факультета «окружить себя удобными людьми». В конфиденциальной записке на имя И.Д. Делянова он объяснял пассивность большинства членов совета боязнью «попасть под деспотизм физико-математического факультета, которого призрак их пугает». Находятся в состоянии апатии и не решаются противостоять коллегам, стремящимся окружить себя удобными людьми. В результате конфликта А.М. Бутлеров подал в отставку с поста ректора¹¹.

Особенность возрастного состава казанских профессоров влияла на возникновение в корпорации конфликтов, связанных с наличием в ней разных возрастных групп. Оставление на службе

¹⁰ Модестов В.И. Указ. соч. – С. 331.

¹¹ Быков Г.В. Александр Михайлович Бутлеров. Очерк жизни и деятельности / Г.В.Быков. – М., 1961. – С.71–75.

преподавателей после истечения срока выслуги, слабый приток в корпорацию молодых преподавателей делал позицию последних в университетской среде уязвимой. В 1870-е годы студенты и преподаватели физико-математического факультета были невольными свидетелями стычек между заслуженными профессорами И.А. Больцани и М.А. Ковальским. Е.А. Вишленкова, анализируя данный конфликт, пишет: «между тем, это была выверенная стратегия властвования. В сущности «заслуженные профессора» давно научились сосуществовать друг с другом... Их скандалы менее всего были выяснением отношений между собой или разрешением назревших проблем. Скорее, они разыгрывались для острастки «публики»: молодых коллег, учеников, студентов... По-видимому, скандалами и драматичными конфликтами они утверждали свою значимость в корпорации»¹². Действительно, демонстрируемые публике разбирательства, по всей видимости, не мешали ученым осуществлять совместную деятельность. По свидетельству профессора А.В. Васильева, по инициативе М.А. Ковальского было принято издание полного собрания сочинений Н.И. Лобачевского. Кроме него ответственным за подготовку к изданию был назначен И.А. Больцани, под наблюдением которого оно велось вплоть до смерти профессора в 1876 г.¹³

Интенсификация научной деятельности в исследуемый период способствовала возникновению в профессорской среде атмосферы конкуренции. Научные разногласия оказывали влияние и на характер повседневного общения между коллегами. К примеру, на лекциях перед студентами ученые могли нелестно отзываться о своих оппонентах. Воспитанники медицинского факультета упоминали о научных разногласиях между профессорами С.С. Зимницким и В.Ф. Орловским: «На лекциях тот и другой пускали шпильки друг против друга – например, профессор Зимницкий кроме крепитирующих хрипов признавал еще и субкрепитирующие хрипы, тогда как Орловский их не при-

¹² Вишленкова Е.А. и др. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани / Е.А.Вишленкова, С.Ю.Мальшева, А.А.Сальникова. – Казань, 2005. – С. 178.

¹³ Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от русской образованности до наших дней). – Т. 5. – СПб., 1897. – С. 155.

навал и на лекциях нам говорил, что «некоторые профессора находят какие-то субкрепитирующие хрипы, я не знаю таких хрипов – это ни Богу свечка, ни черту кочерга»¹⁴.

Существенное значение в пореформенный период между профессорами приобрели конфликты идеологического характера. Между профессорами возникали прения в результате публичных выступлений на торжественных университетских актах. Привлекая внимание публики, такие конфликты принимали общественный характер. Одним из ярких воспоминаний времен учебы в университете в пореформенный период для бывших студентов стала дискуссия на университетских актах 1875 г. и 1876 г. между профессором медицинского факультета Н.О. Ковалевским и профессором философии Миславским, которая оценивалась университетскими учащимися как борьба «реальной философии и метафизики»¹⁵. Выступление профессоров имело широкий резонанс не только в университете, но и среди городской общественности.

Нередко такие конфликты имели продолжение. Для того чтобы познакомить общественность со своей точкой зрения по дискутируемому вопросу, участники конфликтов выпускали отдельные печатные издания. Распространению печатного способа выражения мнений способствовало университетское законодательство. Согласно уставам, все университетские издания не подлежали предварительной цензуре. Так, профессор Милославский после выступления Н.О. Ковалевского в виде протеста, по словам студентов, «поспешил напечатать свою речь отдельным изданием»¹⁶.

Ограничение университетской автономии по Уставу 1884 г., студенческие выступления 1880–1890-х гг. обострили конфликты между профессорской корпорацией и администрацией в лице попечителя. Поскольку Совет не имел права вмешиваться в

¹⁴ Егоров А.Д. Из воспоминаний о медицинском факультете Казанского университета (1909–1914) / А.Д.Егоров // История Казанского медицинского университета / В.А.Альбицкий и др. – С. 328.

¹⁵ Глинка С.Г. Университет в 70-х годах (Отрывки из воспоминаний) // Былое из университетской жизни. Литературный сборник к 100-летию Казанского университета / С.Г.Глинка. – Казань, 1904. – С. 284–285.

¹⁶ Там же.

разбирательства студенческих вопросов (они находились в ведении Правления в составе инспектора студентов, ректора, деканов) конфликтные ситуации разворачивались, главным образом, вокруг ректора. При подобных разбирательствах ректор, который с одной стороны представлял администрацию, а с другой – являлся членом профессорской корпорации, оказывался в особенно тяжелом положении. Так, судя по переписке профессора С.В. Левашова с профессором В.М. Флоринским, после студенческих беспорядков 1887 г. между ректором Н.А. Кремлевым и попечителем Масленниковым возник конфликт, который во многом способствовал выходу ректора в отставку. С.В. Левашов писал: «Кремлеву очень хотелось повернуть дело как-нибудь так, чтобы намекнуть, что виновник этих беспорядков Масленников... Говорят, что отношения между ними, т.е. ректором и попечителем, до такой степени теперь натянуты, что так продолжаться больше не может, и они должны разойтись... Кремлев проникся убеждением, что он непременно должен выйти в отставку и теперь всем рассказывает, что не может служить с человеком, которого не уважает»¹⁷.

Таким образом, на взаимоотношения между профессорами существенное влияние оказывала коллегиальная форма управления. В исследуемый период сформировались нормы профессиональной этики, которые включали в себя уважительное отношение к каждому из представителей корпорации, соблюдение принципа независимости факультетов в принятии решений, находящихся в их ведении. С другой стороны, поколенческие противоречия, различие в научных, политических интересах, радикальная активность студентов делали конфликты неотъемлемой частью университетской повседневности исследуемого периода. «Дело Лесгафта», увольнение из Казанского университета А.М. Бутлерова явились показателем того, что конфликты значительно ослабляли корпорацию. Таким образом, университетское сообщество прививало своим членам не только этику терпимости, но и вовлекало их в практику «партийной» борьбы.

¹⁷ Национальный музей РТ. ОХДИ. Ед. хр. 78Л. КППи–117959/583. Л. 2 об.

С.П.Саначин

Вклад казанских гимназий XVIII века в изобразительную «казаниану»

Первым из местных жителей историком Казани, ее знатоком следует на сегодняшний день считать четвертого командира Казанских гимназий* Иулия фон-Каница (J.V. Sanitz). Не случайно именно к Каницу обратился в 1770 году за содействием первый российский эпопеист Михаила Херасков, начиная работу над своей героической «Россиадой», а затем и включил в поэму некоторые сведения, доставленные ему Каницем¹. Не случайно и разбор этого труда Хераскова общество Новикова предоставило совершить ему же². Именно к Каницу обращается и губернатор Мещерский за «разсуждениями о найденных здесь костях и рогах чужеродных животных». Основание считать Каница первым казанским краеведом дают четыре крупных – помимо отдельных небольших публикаций – работы Юлия Ивановича. Три из них известны. Это:

1. План-реконструкция «Расположение древняго города Казани, какое она действительно имела в 1552-м году, когда показанным здесь образом обступлена российским войском и 2 Октября того же года взята была из древних манускриптов, преданий и прилежнейших изследований на местах и еще находимых окопов собрано, и при особливом кратком и точном описании всего того, что во время осады и взятия действительно происходило, на всем выдано от Ю. фон-Каница». К плану осады Каницем приложен и второй, современный ему план Казани. Эта работа была выполнена совместно с Державиным (1778 г.).

* Так именовалось одно учреждение, состоящее из гимназии для дворян и гимназии для разночинцев.

¹ Напр.: Херасков М.М. Избранные произведения / М.М.Херасков. – Л., 1961. – С.179.

² Артемьев А. Казанские гимназии в XVIII столетии / А.Артемьев. – СПб., 1874. – С.164.

2. Упомянутое Описание осады и взятия Казани, которое по своему объему, да и хождению, является самодостаточным уникальным подробным исследованием (1778 г.).

3. Краткое топографическое описание о вновь выстроенном городе Казани, с приложенным оного проспектом 1780 года (сам проспект выполнен в 1779 г.). Это описание Каниц сделал по заказу директора Академии Наук С.Г.Домашнева.

Четвертая замечательная работа Каница, во-первых, до сих пор известна общественности лишь в малой доле. А, во-вторых, это малая доля в архитектуроведческих работах Белецкой Е., Крашенинниковой Н. и др.³, Фехнер М.⁴ приписывается другому автору – казанскому архитектору Василею Кафтыреву. Без должной проверки их точку зрения взяли и местные исследователи: Саначин С.⁵ и Авксентьева О. с Персовой С.⁶ Речь идет о видах города Казани, снятых Каницем в 1779 году.

Об этой работе известно из переписки Каница с его приятелем Гаврилой Державиным (18 ноября: «**Я снял**⁷ посредством камеры-обскуры двадцать видов с лучших мест в городе, и между ними один общий вид Казани»⁸).

Из писем следует, что виды Казани Каниц готовил с намерением преподнести их Екатерине II через Державина (18 ноября: «может быть, они понравятся Государыне; а вы, любез-

³ Белецкая Е.А., Крашенинникова Н.Л. и др. Образцовые проекты в жилой застройке русских городов XVIII–XIX вв. / Е.А.Белецкая, Н.Л.Крашенинникова, Л.Е.Чернозубова, И.В.Эрн. – М., 1961. – С.94, 95, 98.

⁴ Фехнер М.В. Великие Булгары. Казань. Свяжск / М.В.Фехнер. – М., 1978. – С.173, 182.

⁵ Саначин С.П. Загадки каменевских домов / С.П.Саначин // Казань. – 1997. – № 12. – С.116.

⁶ Авксентьева О.Н., Персова С.Г. Творчество архитектора В.И.Кафтырева, первого профессионального зодчего Казани / О.Н.Авксентьева, С.Г.Персова // 250 лет московской архитектурной школы. Материалы научной конференции. – М., 2002. – С.91–93; они же. Первый генеральный план – от Василия Кафтырева // Казанские истории. – 2006. – № 10. – С.9.

⁷ Здесь и далее выделено мной (С.С.)

⁸ Сочинения Державина. – СПб., 1869. – Т.5. Переписка. – С.341.

нейший друг, конечно порадуетесь, что ваша обновленная родина является такою красивою, живописною»⁹).

Но, вот, в очередном письме от 9 декабря всплывает интересное обстоятельство. «В добавок к двадцати видам, которые я дал сделать с города Казани и которые князь Платон Степанович взял с собой, посылаю еще семь по сегодняшней почте. Право, в них ваш родимый город кажется Берлином или Веной»¹⁰. Эта фраза дает существенное уточнение. Автором и руководителем проекта был Каниц. Но непосредственную кропотливую и долгую работу над 27 видами города, к тому же в парной камере-обскуры, командир Казанских гимназий позволить себе, конечно же, не мог. Он их и «дал сделать». Вопрос – кому? Конечно же, – не Кафтыреву. Василею Ильичу – заваленному работой, единственному в городе архитектору, без пяти минут Губернскому архитектору, – командир гимназий не имел полномочий отдавать таких поручений. И, потом, при авторстве видов Кафтырева, фраза «я снял» выглядит недостойно.

Тогда кто? Думается, что это были ученики, которых во все времена принято эксплуатировать учителями. Историками Казанских гимназий замечено, что, наблюдая за нравственностью учеников и в особенности стараясь давать им приличные развлечения в вакационные дни, Каниц старался возобновить при гимназиях театральные представления. «Дабы ученики без всякого благородного упражнения не были» и чтобы отвлечь их «от подлости»¹¹. К изобретению лучших способов к обучению и воспитанию обучаемого здесь юношества он призывал и учителей.

Итоговый вывод: снимки Казани – это работа Каница с гимназистами. Косвенное подтверждение этому в переписке 1780 года. 14 сентября: «Еслиб дурная погода, которая здесь стояла все лето и осень и очень мешала **нашей** работе, хоть на несколько дней превратилась в ведро, то **мы** могли бы снять и другие виды этого города; в противном случае придется

⁹ Сочинения Державина. – СПб., 1869. – Т.5. Переписка. – С.341.

¹⁰ Там же. – С.346.

¹¹ Артемьев А. Указ. соч. – С.157.

отложить дело до весны. Между тем, когда бы они ни были готовы, я непременно пришлю их вам и графу Строганову»¹².

Следующий вопрос: сколько всего было снято видов города и какова их судьба? Ответ на этот вопрос в том же письме от 14 сентября: «Те 23 вида, которые в прошлом году снял с лучших частей города, г. генерал-губернатор отдал великому князю»¹³; те, которые теперь в работе и представляют **то же самое**, выйдут не хуже прежних»¹⁴. Итак, всего снято 23 вида, некоторые, из которых затем повторились.

Судьба всех снимков пока не отслежена. Однако, магическое число «23» всплыло в Научно-исследовательском музее Академии Художеств России, в отделе архитектурной графики его фондов. У 23 листов НИМАХа¹⁵ нет атрибуции: времени изготовления, авторства, когда и от кого поступили. Но рассмотрение и прочтение этих листов подтверждает принадлежность их к Казани послепугачевских лет. Осталось предположить, что в НИМАХе хранится тот комплект снимков, которые в том же письме от 14 сентября Каниц обещал прислать Строганову – графу Александру Сергеевичу, являвшемуся в те годы президентом Академии Художеств.

Перейдем к их рассмотрению.

Все снимки, судя по оригинальной нумерации в углах листов, делятся на 2 группы.

Первая группа из 7 листов представляет собой снимки района Арской (ныне – ул. К.Маркса) и Казанской (ныне – ул. Миславского) улиц. По сравнению со второй группой она имеет наиболее заверченный вид. Здесь имеется антураж: улицы «заселены» людьми, животными, по ним ходит гужевой транспорт. В верхнем поле, по бокам от названия вида, помещены объяснения пронумерованных на снимке зданий.

Рассмотрим их.

¹² Сочинения Державина. – СПб., 1869. – Т.5. Переписка. – С.362.

¹³ Павлу Петровичу.

¹⁴ Сочинения Державина. – СПб., 1869. – Т.5. Переписка. – С.362.

¹⁵ Чертежи №№ А–6096 – А–6099, А–6101 – А–6118. Один лист утрачен.

1. Вид Арской улицы от крепости к Арскому полю (см. форзац 1).

На переднем плане – перекресток современных ул. К.Маркса и Миславского. Видно, что на участке от Кремля до ул. К.Фукса эта улица всего через 4 года после Пугачева уже в хорошем состоянии. Появился и новый дом Левашева с непривычным бельведером на крыше. Напротив него – гимназический дом (после закрытия в 1788 Казанских гимназий здесь помещено Народное училище). Это было уже третье по счету после пугачевского разгрома место гимназий – в бывших двух казенных каменных домах.

Дома на переднем плане: слева – некоего Есипова (были и обер-комендант крепости, и надв. сов., и сек-майор), справа – президента губернского магистрата Александра Алексеевича Чекмарева. Завершают перспективу: (слева) недавно выстроенная старая Варваринская церковь и (справа) Грузинская церковь, пока еще со старой шатровой колокольней.

Под № 3 показан «дом гимназической малой». Не исключено, что здесь жил Каниц, поскольку впоследствии именно здесь жили учителя народного училища.

2. Вид Арской улицы снятой от Покровской церкви к крепости (см. форзац 2).

Камера установлена на церковном углу (ныне – участок т.н. Дом Чекиста). Слева: дом генерал-поручика Петра Баннера, впоследствии – попечителя Казанского Учебного округа Николая Мусина-Пушкина. Далее (через ул. К.Фукса) – 2 дома с воротами – родовая усадьба 3-го городского головы (1773–1775) Петра Каменева, в угловом корпусе которой помещалась Полиция, первоначально – Управа Благочиния. Второй дом (за воротами) у Каменевых купил иностранец Михаил Вилфин¹⁶, в чьем частном пансионе учился будущий поэт Гаврила Каменев.

Стилистически единые дома стройно, или, как тогда говорили – *регулярно*, выстроились на главнейших новых широких

¹⁶ Установившееся в исторической литературе написание фамилии «по-немецки» *Вильфинг*, полагаю, связано с невнимательным прочтением написания ее в рукописи, где она пишется «по-русски» как *Вильфинь*.

казанских улицах согласно недавнему 1-му регулярному 1768 года плану города. Эти типовые, или, как тогда говорили – *образцовые*, прямоугольные двухэтажные «шкатулки» с «балясами» на теремных крышах выдвинулись на переднюю линию своих усадеб. Однотипные дома соединены однотипными же оградами. И невозможно отличить: где здесь жилые дома для «именитых», а где общественные и казенные здания. Обязателен тут только стиль. «Дома все по новейшему в архитектуре вкусу выведены» – замечает Каниц. Это справедливо для Казани, а, по существу, это – петровское барокко, которое проникло в Казань с традиционным запозданием в полвека. Строительство всех обывательских домов вел тогда единственный в Казани, присланный из Сената «архитектурии поручик» Василий Кафтырев.

Сегодня в Казани и, как раз на ул. К.Маркса, первоначальный стиль продолжают удерживать, разве что, бывшие дома Адмиралтейской конторы (рустованные лопатки; ул. Япеева, 6), дом Крюковой («уши» и «высунутые языки» наличников; ул. Япеева, 4) и Свечина (ул. К.Маркса, 17).

3. Вид Казанского монастыря с юго-западной стороны.

Снимок сделан, вероятно, с кремлевской стены. На переднем плане – пустырь сгоревшей усадьбы генерал-майора Нефедя Кудрявцова, убитого пугачевцами. Кроме показанных на снимке №4 здесь видна монастырская надвратная церковь Св. Благоверного Царевича Димитрия Московского и за другими воротами – церковь Рождества Богородицы. На сегодня из всего изображенного частично сохраняется лишь крайняя слева угловая башня.

Вторая группа снимков из 16 листов (1 из которых утрачен) представляет собой виды крепости (Кремля) и улиц Воскресенской (ныне – ул. Кремлевской), Проломной (ныне – ул. Баумана), Успенской (ныне – ул. Московской), Заозерной (ныне – ул. Дзержинского) и улицы по берегу реки Булака (ныне – ул. Право- и Лево-Булачные). Эта группа в сравнении с первой выглядит незаконченной. Улицы здесь пустынные, здания – за исключением листа с крепостью – не надписаны. Но с точки зрения линейной перспективы и построения светотеней, листы этой группы более совершенны. Чувствуется, что после «выхода» из камеры-обскуры они подверглись правке сведущим специалистом.

1. Вид крепости города Казани с северо-западной стороны.

На самом деле – с юго-западной. Из экспликации видно, что Каниц считал башню Сююмбике «Царем Иоаном Васильевичем построенной». Здесь привлекают внимание три группы уже по тем временам старейших домов у западного подножия крепости.

Это дома еще более громкой, чем Осокины фамилии российских заводчиков – Никиты, Николая, Ивана и Александра Демидовых. Их дома не отвечали конфирмованному Екатериной II плану города и, как в нем записано, – «в урегуловке уничтожится должно». Не исключено, что последнее обстоятельство и стало причиной раннего разрыва Демидовых с Казанью.

2. Вид Казанского магистрата с западной стороны с близлежащими по Проломной улице несколькими домами.

Это наиболее профессионально выполненный лист. Отличаются четкостью линейной перспективы, проработанностью благоустройства. Можно предположить, что он взят с проектных чертежей единственного тогда в Казани архитектора Василия Кафтырева или его учеников. Кроме популярных «балаяс на крышах» здесь еще и «низменный баллюстрад» на двух уступах. Столь значительное здание предполагало помещение в нем еще и гражданского училища.

3. Вид с северной стороны части Проломной улицы от магистрата, нескольких строений и Губернаторского дома с обоими флигелями.

Усадьба Казанского губернатора (1774–1780), генерал-губернатора Казанского, Симбирского, Пензенского, Вятского наместничеств (1780–1792) Платона Степановича Мещерского (3 дома слева) находилась на углу нынешних улиц Баумана и Чернышевского, там, где впоследствии обосновалось семейство Заусайловых. Все три дома – деревянные.

4. Вид хлебного рынка с запада.

Хлебная площадь, где «привозимой на торги хлеб продается» занимала целый квартал вчерашнего Дома Печати, напротив Качаловского театра. Вопреки проектным намерениям корпуса рынка только одноэтажные. Будоражащие воображение любопытных до сих пор существующие длиннющие подвалы вдоль ул. Профсоюзной, когда-то использованные в качестве тира, – не что иное, как подвалы корпуса на заднем плане снимка.

И в заключении следует сказать, что у Каница была пятая, возможно, самая главная его краеведческая работа. Но она остается пока неизвестной. По ряду признаков этот труд всплывет в следующем веке, но... не под его фамилией. Работа называлась «Казанской Историей». Но это уже другая история.

Л.М.Свердлова

У истоков женского образования в Казани

Одним из важнейших аспектов женского вопроса в дореволюционной России было развитие женского образования, которое подчас рассматривалось как единственная возможность получения женщинами из привилегированных слоев российского общества относительной самостоятельности, так как готовило их к трудовой деятельности, а, значит, обеспечивало экономическую независимость, свободу выбора сферы приложения труда, а иногда для обедневших представительниц «благородных семей» становилось последней надеждой просто выжить.

Казанский Родионовский институт благородных девиц был привилегированным учебным заведением, в котором получали систематическое образование девочки из дворянских семей, отчасти духовенства и купечества не только Казанской, но и приволжских губерний, Приуралья, Урала и Сибири. Институт долгое время оставался единственным женским учебным заведением на всем обширном Востоке страны. Даже после открытия подобных институтов в Саратове и Оренбурге значение этого старейшего учебного заведения страны не только не уменьшилось, но даже и увеличилось: считалось, что постановка образования в Казанском институте поставлена на достаточную высоту, и свидетельство об окончании Родионовского института очень ценилось.

До появления данного учебного заведения в Казани девочки из дворянских семей получали домашнее образование, обучаясь у заезжих иностранок, чей образовательный уровень был очень низок. Открывали иностранки и частные пансионы. В начале XIX столетия в Казани действовало два женских пансиона для богатых дворянок – Пато и Юнгвальд, между ними шла ожесточенная борьба за учениц. О качестве обучения в них можно судить по такому факту. Один из содержателей пансиона Пато

сначала служил частным приставом, затем содержал манеж и был берейтором, а в 1806 г. открыл «пансион для девиц»¹.

И совсем не случайно в 1805 г. из всех матерей студентов университета только одна, вдова чиновника Лобачевского, смогла подписать свою фамилию на «письме к директору открытого университета», а прочие просили подписаться за них «по незнанию грамоты»².

Открытие в Казани женского учебного заведения стало настоящей необходимостью. И с первого года существования Родионовский институт составил частным пансионам серьезную конкуренцию, а качество подготовки воспитанниц поднял на недостижимую для них высоту.

Казанский Родионовский институт благородных девиц подчинялся Ведомству учреждений императрицы Марии, созданному по указу Павла I в 1796 г. во главе с государыней Марией Федоровной. Оно продолжило дело, начатое вспомогательным обществом благородных девиц, учрежденном Екатериной II в 1764 г. Ведомство распоряжалось, наряду с институтами благородных девиц, женскими (мариинскими) гимназиями, сиротскими приютами, учебными заведениями для слепых и глухонемых детей, богадельнями и некоторыми больницами.

В 1805 г. глава Ведомства приобрела в Казани 15 десятин земли за чертой города в Нееловой роще за Арским полем для женского учебного заведения³, но военная угроза, затем война 1812 г. помешали осуществить задуманное.

1 декабря 1823 г. местная помещица, вдова полковника, Анна Николаевна Родионова обратилась к императрице Марии Федоровне с прошением, где выразила желание пожертвовать часть состояния «на богоугодное дело, чтобы содержать в Казани... институт для благородных девиц по примеру в Санкт-Петербурге учрежденного». В ответ дарительница получила

¹ Казанский биржевой листок. – 1887. – 17 апреля.

² Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем / М.Пинегин. – СПб., 1890. – С.276.

³ Спасский Н.А. Празднование юбилея Казанского Родионовского института благородных девиц. 1841–1891 / Н.А.Спасский. – Казань, 1891. – С.2.

послание с выражением согласия и благодарности, обещанием содействия и покровительства⁴.

Кто же такая Анна Николаевна Родионова? Она одна из многих, кто жертвовал на благоустройство города, на строительство и поддержку деятельности учебных, лечебных, благотворительных учреждений. Дворянка Родионова не гнушалась быть купчихой, что и помогло ей составить состояние.

А.Н. Родионова родилась в 1751 году в семье дворян Калужской губернии. Ее отец Николай Нестеров, страстный игрок в карты, к концу жизни разорился, оставив дочь без средств к существованию. После его смерти бедную родственницу взял на воспитание дядя, казанский помещик Тенишев. В 18 лет сироту и бесприданницу выдали замуж за немолодого вдовца полковника Ивана Александровича Родионова, у которого от первой жены, урожденной Дрябловой, были взрослые сыновья: Дмитрий и Александр.

События 1774 г. круто изменили жизнь молодой женщины. Она с тремя малолетними детьми успела уехать в Москву, а ее муж и пасынок Александр остались защищать Казань и были убиты повстанцами Е.И. Пугачева. К убийству, по одной из версий, оказались причастны крепостные Родионова из деревни Масловка, где к тому же и имение разграбили. «Вот за это самое и сердита была Анна Николаевна на своих мужиков»⁵. Впоследствии трудно им жилось под управлением жестокой и властной помещицы.

В 1775 г. наследство А.Н. Родионова разделили: вдове с тремя детьми досталось 303 крепостных с селом Масловкой и деревней Семенцовою; 281 душу, деревни Маматкозино и Дмитриевку отдали наследникам полковника Родионова от его первого брака⁶. Но значительный материальный ущерб, понесенный А.Н. Родионовой в 1774 г., поставил ее на грань разорения.

22-летней вдове помог выйти из затруднительного положения друг ее покойного супруга казанский митрополит Вениамин. От него получила она в долг 15 тысяч и, следуя совету

⁴ Казанский биржевой листок. – 1887. – 17 апреля.

⁵ Казанский биржевой листок. – 1887. – 15 апреля.

⁶ Там же.

наставника, взяла в оброк мельницы, покосы, рыбные ловли. Постепенно дело наладилось, «купеческое» занятие приносило доход, и в руках А.Н. Родионовой оказались все крупные рыбные ловли Казанской губернии. Не доверяя приказчикам, она часто сама ездила с рыбным товаром в Москву и Петербург.

Скопив деньги, Родионова приобретает в Казанской и Симбирской губерниях деревни Тангачи, Арышхазда, Александровку, Шайтанку, Нижние Девлизери, Кият, Абуховку, людей без земли, выкупает за щедрое вознаграждение у пасынка и своих детей их наследственные части в Масловке, Семеновке и Дмитриевке, чтобы не дробить владения. В разных местах она имела покосы, мельницы, стала одной из самых крупных помещиц Казанской губернии, вела обширную торговлю хлебом; добившись казенного подряда, поставляла его в казну.

Несмотря на денежные затруднения, А.Н. Родионова сохранила несколько бриллиантов – подарок Екатерины II, сделанный дворянской семье, пострадавшей во время пугачевского восстания. Позднее она пожертвовала их Кизическому монастырю.

По словам казанского профессора и прокурора Г.И. Солнцева – доверенного А.Н. Родионовой, она не захотела вступать во второй брак, хотя ее руки искали многие, но «поставила жизнь свою на молитву Богу и на благотворения, делаемые ею тайно, сколько скрыть могла»⁷. Она не любила удовольствий, редко бывала в обществе, не выносила карточной игры и театральных зрелищ, считая последние крайне вредными в нравственном отношении.

К началу 20-х гг. А.Н. Родионова разделила имения между наследниками, а свою долю решила завещать, помня свою бедность и сиротство, на основание института благородных девиц.

По этому завещанию на учреждение учебного заведения выделялись «селения Масловка и Дмитриевка с 414 ревизскими душами ... и всеми принадлежащими к этим селениям землями, угодьями, городскими домовыми и прочими строениями и рыбными ловлями по реке Каме; каменный дом в Казани со всем при нем строением, службами и садом», а также «деревня Тангачи со

⁷ Спасский Н.А. Указ. соч. – С.7.

145 ревизскими душами и сверх того женским полом, какой налицо останется со всеми землями, лесами, всякими угодьями, не исключая ничего». Общая сумма завещанного на основание института составила 283 600 руб.⁸

Но деревня Тангачи так и не стала собственностью института. Она принадлежала умершей дочери Анны Николаевны – Татьяне, которая тайно от властной матери завещала ее своему племяннику, полковнику Мергасову. Судебный процесс по наследству дочери А.Н. Родионова проиграла.

30 декабря 1827 г. помещица скончалась на 76 году жизни, пролежав в горячке две недели, после покушения на нее одного из ее дворовых. Ее похоронили в ограде любимой ею Воскресенской церкви, построенной напротив ее дома. С этим храмом была связана и память о ее муже, убитом пугачевцами на его паперти и похороненного в ограде. Она много жертвовала на обновление храма, соревнуясь с Крупенниковыми, подарила богатую ризницу и богослужебные принадлежности, образовала хор из своих крепостных, поддерживала служителей церкви. В 1880 г. при закладке нового здания Воскресенской церкви останки А.Н. Родионовой перезахоронили здесь же⁹.

После смерти Анны Николаевны в силу вступило ее завещание. 16 февраля 1828 г. по Высочайшему повелению был учрежден Совет учреждаемого института. Но открытие вновь пришлось отложить из-за тяжбы по наследству с внуком Родионовой штабс-ротмистром Лукой Павловичем Родионовым.

Последние годы они жили вместе, но внука бабка недолюбливала «за пустоту и страсть к картам». Его отец Павел Иванович свою часть наследства проиграл в карты и Лука остался «гол как сокол». Он терпеливо переносил презрительное отношение Анны Николаевны, надеясь хотя бы что-то получить по наследству. Так как Родионова умерла внезапно, она не успела распорядиться движимым имуществом на сумму 200 тысяч и деревней Обуховкой, и все досталось внуку, который быстро все наследство промотал.

⁸ Казанский биржевой листок. – 1887. – 17 апреля.

⁹ Спасский Н.А. Указ. соч. – С.8.

Не признавая за бабкой права завещать имение в пользу института, Л.П.Родионов начал тяжбу, которая длилась восемь лет. Только в 1837 г. спор решился в пользу Совета, а с Родионова присудили взыскать 187 600 руб. «за неправильно поданную апелляционную жалобу и за негербовую бумагу, употребляемую к сему делу 948 руб.»¹⁰.

Примечательно, когда в 1891 г. отмечалось 50-летие института, дворянство по подписке собрало 100 руб. и передало их правнучке А.Н. Родионовой ученице II класса Марии Дриневиц, чья семья находилась в крайне стесненном материальном положении¹¹.

Наконец, 25 декабря 1837 г. институт был учрежден. Дом на Воскресенской, оставленный Родионовой учебному заведению, как малопригодный для учебных целей продали за 22 тыс., а строительство институтского здания начали в 1838 г. в Нееловой роще, на месте, когда-то купленном для этой цели.

Двухэтажный корпус института разместился в парке среди вековых деревьев и был типичен для официального зодчества николаевской эпохи. В его проектировании принимали участие М.П.Коринфский, Ф.И.Петонди и А.И.Песке.

Здание имело два зала: для заседаний, где проходили торжественные акты, его украшали портреты членов царской фамилии, и малый, на стенах которого вывешены портреты основательницы института А.Н.Родионовой, первого законоучителя И.И.Лепоринского и начальниц Е.Д.Загоскиной, С.А.Мертваго, С.В.Ланской, Е.М.Урусовой, М.Л.Казем-Бек, О.Д.Ермолаевой.

Казанский Родионовский институт открылся 30 января 1841 г. Вначале обучение было трехклассным, а в каждом классе учились по два года. В 1853 г. институт подвели под общий тип женского учебного заведения Ведомства учреждений императрицы Марии (I разряд, II отделение). После 1862 г. учебную программу развернули до семи классов, а в 1874 г. издаются «Новые табели», расширявшие курс институтского образования.

Обучение носило узко сословный характер, что нашло отражение в направленности учебного плана. Он включал Закон

¹⁰ Казанские губернские ведомости. – 1840. – 4 мая.

¹¹ Спасский Н.А. Указ. соч. – С.16.

Божий, иностранные языки (особое внимание уделялось французскому), русскую словесность, арифметику, историю, географию, рисование, хоровое пение, гимнастику и танцы, различные виды домоводства, правила «светского обхождения», позднее ввели курсы естествознания и педагогики.

До начала XX в. институты благородных девиц были единственным типом женского среднего учебного заведения, дававшего знания в таком объеме. Лишь в 1905 г. «Нормальная учебная табель» уравнивала курс средних гимназий с институтским¹².

При поступлении в институт проходили собеседование. От поступающих требовалось знание шести основных молитв, умение читать и списывать с книг на русском и французском языках, решать устно задачи на сложение и вычитание до 100, и писать цифры.

Воспитание основывалось на религии, в ученицах стремились развить «привязанность к родителям и воспитателям, любовь к порядку и труду, соответственно назначению их в семействе и обществе»¹³.

Родионовский институт, как и подобные ему, являлся закрытым учебно-воспитательным учреждением. Здесь воспитанницы и учились, и жили. Старшеклассницы помогали младшим, заменяя им сестер. В обязанность воспитанниц входило следить за порядком в учебных и жилых комнатах, дежурство на кухне, они учились кроить и шить белье, занимались домоводством, рисованием, вышивали, вязали. Выполненные ими работы распродавались на благотворительных базарах, ежегодной «вербной» выставке, разыгрывались в благотворительных лотереях, доходы шли на милосердные нужды.

Во время первой мировой войны на эти средства, а также отчисления кассы воспитанниц Родионовского института, выручку от благотворительных концертов и спектаклей, в домике рядом с Варваринской церковью 1 октября 1914 г. открыли лазарет на 12–17 раненых, где многое делалось воспитанницами.

¹² Учебные заведения Ведомства императрицы Марии. Краткий очерк. – СПб., 1906. – С.49–50.

¹³ Там же. – С.52.

Возраст учениц колебался от 6 до 18 лет. По правилам, введенным Екатериной II, родители давали расписку не брать детей ни под каким видом до окончания курса, им запрещалось даже переступать порог учебного заведения и видаться с дочерьми. С конца XVIII в. правила несколько смягчили и родители стали посещать дочерей в специально отведенные для этого дни. С 1864 г. ввели рождественские, пасхальные и летние каникулы. Но по-прежнему распорядок дня и правила поведения жестко регламентировались.

Часть обучающихся содержалась бесплатно за счет казны и на отчисления с благотворительных капиталов, вложенных в Казанский общественный банк, главным образом, дворянами и купцами. На бесплатные места допускались дочери несостоятельных родителей – потомственных дворян, отставных офицеров и чиновников, служивших в Казани и после увольнения оставшихся здесь жить, личных дворян, проработавших в Казанской губернии не менее пяти лет.

В первый набор 1841 г. приняли 15 человек на средства института, 7 – на благотворительный капитал, 32 вносили плату за обучение сами. До 1862 г. здесь училось 80 девочек, в 1877 г. – 150, а в 1891 – 164 ученицы. В 1906 г. из 184 воспитанниц 173 исповедовали православие, 5 – римско-католическую, 2 – лютеранскую и 4 – магометанскую веру. Интересен и сословный состав учениц: 145 – дворянки и дочери лиц, состоявших на государственной службе, 17 – из семей почетных граждан, 4 – из духовного звания, 18 – из купеческих семей. Из тех, кто жил в институте, 21 содержались за счет казны, 26 были стипендиатками различных фондов, 129 учились за счет родителей. Из приходящих воспитанниц 6 обучались бесплатно и 2 вносили плату сами¹⁴.

После окончания института лучшие выпускницы награждались золотыми и серебряными изображениями имени императрицы Марии Федоровны, отлично закончившие учебное заведение получали золотые и серебряные медали, большинству учениц вручались книги.

¹⁴ Учебные заведения Ведомства императрицы Марии. – С.82–83, 87.

Среди выпускниц института Вера и Лидия Фигнер, сестра Л.Н.Толстого Мария, родственница Г.Р.Державина Анна Миллер. Здесь учились представительницы известных в Казани фамилий Загоскиных, Арцыбашевых, Бекетовых, Стопани, Языковых, Геркен, Чернояровых, Адоратских, Тихомирновых и др.

И все же институт известен больше тем, что воспитывал «скромных и незаметных тружениц». Две трети учениц стали учительницами, классными дамами, в том числе и в родном институте, гувернантками, так как с 1881 г. окончившим четыре класса выдавали свидетельства, дающие право занимать место учительницы в начальных училищах, а выпускницы становились домашними наставницами и сразу же со школьной скамьи отправлялись служить в зажиточные семьи в Северо-Восточную и Европейскую части России, в Сибирь, на Кавказ, в Туркестан.

Родионовский институт закончили первая начальница Казанской Мариинской гимназии Бабаева, начальницы женских гимназий: Ксенинской в Казани – Н.А.Камкова, Мариинской в Вятке – М.С.Черневская, Сарапульской – В.И.Цепелева, женских прогимназий в Чистополе – Е.Е.Аникеева, в Перми – М.Л.Пермякова, Казанского училища для девиц духовного звания – Н.Е.Стройкова¹⁵.

В августе 1916 года общественность Казани отметила 75-ю годовщину со дня открытия Родионовского института благородных девиц. Менее чем через два года он прекратил свое существование.

¹⁵ Спасский Н.А. Указ. соч. – С.13.

И.З.Файзрахманов

Подготовка кадров в Казанской адмиралтейской школе (1726–1798 гг.)

«Учение доброе и основательное есть всякой пользы Отечеству аки корень, семя и основание»

Петр I

Время петровских реформ явилось периодом грандиозных преобразований в экономической, политической, социальной, культурной жизни России, в том числе и в сфере образования. Для удовлетворения резко возросших потребностей в грамотных людях и в специалистах различных квалификаций создавались начальные и специализированные учебные заведения. Русские и цифирные школы стали первыми такими учебными заведениями, дававшими светское начальное образование. В них преподавание велось на русском языке, в отличие от некоторых других школ, где обучали на немецком, латинском и других иностранных языках. В цифирных школах кроме обучения чтению и письму преподавались арифметика и геометрия. Как разновидности этих школ можно считать адмиралтейские, гарнизонные и горно-заводские школы.

В XVIII в. среди начальных общеобразовательных учебных заведений России адмиралтейские школы занимали важное место, так как подготовка квалифицированных мастеровых и флотских служащих для адмиралтейств и флота в этот период приобрела особенное значение. Поэтому проблемы флотского образования не оставались без внимания со стороны исследователей. Наиболее полно вопросы организации и деятельности адмиралтейских цифирных школ рассматривались Г.В.Львовым и А.А.Буровым¹. В 1855 г. чиновнику Комиссариатского депар-

¹ См.: Львов Г.В. Исторический взгляд на происхождение кантонистов и заведений, в которых они воспитываются / Г.В.Львов. – СПб.: [Б.и.], 1856. – 284 с.; Буров А.А. Петербургские «русские» школы и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII века / А.А.Буров. – Л.: Ленинградский гос. педагогический ин-т, 1957. – 88 с.

тамента Морского министерства Г.В.Львову было поручено разработать проект реформирования кантонистских школ², которые к тому времени не соответствовали своему назначению, являясь остатком крепостничества. Выступая в качестве представителя Морского министерства, Г.В.Львов изучил развитие этих военно-учебных заведений, уделив основное внимание их связям с адмиралтействами и флотом, для чего рассматривал адмиралтейские и гарнизонные школы, военно-сиротские отделения – предшественников кантонистских школ³.

Спустя столетие, уже в советское время, вопросы обучения в адмиралтейских школах первой половины XVIII в. специально рассматривались А.А.Буровым в его кандидатской диссертации, основная вторая часть которой была опубликована. Выполненная на основе большого количества архивных документов, эта работа, несмотря на ряд неточностей, до сих пор является наиболее полным исследованием, в котором нарисована широкая картина возникновения и развития адмиралтейских школ. Автор основное внимание обратил на изучение Петербургской адмиралтейской школы. В меньшей степени им рассматриваются и другие адмиралтейские школы, а также горнозаводские школы на Урале. Автор доказывает народный, демократичный характер этих школ, в которых получали образование дети низших слоев населения – мастеровых и работных людей.

Среди опубликованных источников, из которых можно почерпнуть наибольшее количество сведений об адмиралтейских школах, можно отметить «Материалы для истории русского флота»⁴. Большая часть материала по теме находится в фондах Российского государственного архива военно-морского флота.

² Кантонистские школы – в 1805–1858 гг. военно-учебные заведения низшего разряда в России для солдатских детей. Готовили учащихся для несения военной службы и давали элементарные общеобразовательные знания. Кантонисты – учащиеся этих школ.

³ В конце этой фундаментальной работы, посвященной главным образом исследованию быта военных и морских кантонистов, Г.В.Львов предложил пункты по реформированию этого вида обучения детей, которые послужили поводом к возбуждению вопроса об уничтожении кантонистских школ – в скором времени последние были упразднены.

⁴ См.: МИРФ: В 17 т. – СПб.: [б. и.], 1866–1904 (Типография морского министерства). – Т. 3–17.

Таким образом, имеется определенная литература по заявленной теме, но вопросы организации и деятельности адмиралтейских цифирных школ в отечественной историографии изучены недостаточно и излагаются неполно и неточно. Наша задача – охарактеризовать состояние преподавания в Казанской адмиралтейской (или цифирной) школе и определить ее значение в подготовке кадров для адмиралтейств.

Для начала следует уяснить, что в Казани в XVIII в. действовали две цифирные школы. Первая из них была открыта в 1716 г. в соответствии с именными указами 1714 г. об обучении детей дворян и духовенства грамоте и цифири⁵. Учителями школы были назначены направленные в Казань выпускники Московской навигационной школы Семен Куницын и Иван Дунаев. С 1716 по 1726 гг. в этой школе обучалось 107 учащихся. Из них к 1726 г. отбыли все 47 детей духовенства, большинство из которых перебралось в архиерейскую школу. Из детей приказных чинов 28 закончили обучение, 21 бросили учебу, 4 умерли, 3 оказались больными и негодными к учению. И лишь 4 детей фактически находились на занятиях⁶. Местоположение цифирной школы выяснить не удалось. Вероятно, она находилась при каком-либо монастыре. Эта школа стала известна как первое светское учебное заведение города, так как в ней не преподавались богословские предметы, но просуществовала недолго. По источнику 1744 г. выясняется, что она к тому времени была объединена с гарнизонной школой⁷. Тогда же были упразднены, путем их слияния с гарнизонными школами, остальные цифирные школы, кратковременность существования которых была предопределена сословностью образования и отсутствием стимулов к получению образования представителями различных слоев населения.

Другая цифирная школа Казани, именуемая адмиралтейской, или русской школой, была открыта в 1726 г. в Адмиралтейской слободе. На этом учебном заведении остановимся подробнее.

⁵ ПСЗ. – Собр. 1-е. – СПб., 1830. – Т. 5. – № 2762; 2778.

⁶ Сборник Русского исторического общества. – Т. 56. – СПб., 1887. – С.320–321.

⁷ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. 12. – № 9054.

Потребность в высококвалифицированной рабочей силе для строительства военно-морского флота побудила Петра I взяться за организацию начальных общеобразовательных школ для детей мастеровых адмиралтейств. Петр I считал, что квалифицированный мастерской («доброй мастерской») должен быть грамотным. Особое внимание при этом обращал на умение владеть циркулем, на умение делать простейшие чертежи и рабочие расчеты. 28 ноября 1717 г. вышел указ, который предписывал детям плотников, матросов, кузнецов и людей других профессий при Адмиралтействе учить русской грамоте и цифири⁸. В соответствии с этим указом в 1719 г. в Петербурге была открыта первая адмиралтейская школа, и, как наиболее крупная и развитая, стала образцом при организации других учебных заведений этого типа. В 1719 и 1720 гг. адмиралтейские школы были открыты в Кронштадте, Ревеле и Таврове, в 1728 или 1729 г. – в Астрахани, в 1734 г. – в Архангельске. Школы действовали и при предприятиях, подведомственных Адмиралтейству, например, при Сестрорецких оружейных и Ижорских заводах, в Петербурге при Партикулярной верфи и при Охтинских поселениях. В 1780 г. организуются школы в Таганроге и Павловске, в 1793 г. – в Роченсальмском порту⁹. Как правило, в адмиралтейские школы определялись дети мастеровых и служащих адмиралтейств, матросов, писарей и прочих, в редких случаях крестьян и посадских людей¹⁰.

Адмиралтейская школа в Казани была учреждена по ходатайству казанского вице-губернатора (а по совместительству заведующего Казанским адмиралтейством) Н.А.Кудрявцева от 24 января 1726 г. В своем прошении Н.А.Кудрявцев выразил пожелания адмиралтейских служащих и мастеровых об открытии школы. Он писал, что «в Казани при делах карабельных лесов у обретающихся присланных из Санкт-Петербургского Адмиралтейства и у определенных в Казани плотников, бочаров, пильщиков, кузнецов и других мастеровых людей есть малолетние дети, их не малое число, а для научения их грамоте и цифири школ не имеется, и из оных же мастеровых людей ис

⁸ МИРФ. – Т. 12. – СПб., 1888. – С. 597.

⁹ Буров А.А. Указ. соч. – С. 11–12.

¹⁰ Львов Г.В. Указ. соч. – С. 9.

плотников есть знающие, которые грамоте и цифири иные слова отчасти знают писать, и могут их обучать»¹¹. Мастерские связывали получение образования их детьми с надеждами иметь более высокую производственную квалификацию, которая давала бы дополнительные привилегии в виде повышения жалованья. Солдаты и матросы хотели отдать своих детей в школу, так как овладение грамотой открывало перед ними возможности роста по службе.

28 февраля 1726 г. Адмиралтейская коллегия предписала Н.А.Кудрявцеву переписать всех детей мужского пола у находящихся при Казанском адмиралтействе разных мастеровых людей, и тех из них, кому было от 5 до 16 лет, принять на обучение, а также распорядилась построить школьные здания. В течение 1726 г. плотниками для школы были выстроены 2 избы вблизи строений адмиралтейского госпиталя. Вероятно, занятия начались в том же 1726 г. или на следующий год¹².

Учителей из столицы не присылали, поэтому пришлось обходиться своими силами. Обучать детей грамоте вызвался один из плотников, присланных в Казань из Петербурга. Учителя должны были выбираться из числа знающих судостроительное дело мастеровых, однако с 1757 г. учителей русской грамоты стали назначать из числа престарелых унтер-офицеров и рядовых, а учителей математики – из престарелых штурманов¹³ и подштурманов, которые вместо отставки должны были обучать в школе¹⁴. Например, в 1796 г. учителем в школе был Борис Заев – бывший наборщик типографии¹⁵. Таким образом, уровень подготовки преподавательского состава оставляла желать лучшего.

Из-за низкой квалификации преподававшего в Казанской адмиралтейской школе учителя денежное жалованье ему было определено в размере 10 руб. в год (для сравнения – большинство мастеровых (3-его класса) получали годовое жалованье 12 руб.)¹⁶. Зарплата квалифицированных учителей, как правило,

¹¹ Цит. по: Буров А.А. Указ. соч. – С. 53–54.

¹² Там же.

¹³ Штурман (гол. *stuurman*, от *stuur* – руль и *man* – человек) – специалист по проведению по курсу судов.

¹⁴ МИРФ. – Т. 12. – С. 598.

¹⁵ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.2. Д.23 об.

¹⁶ РГАДА. Ф.248. Оп.17. Кн.1089. Л.23.

составляла 36 руб. в год¹⁷. Кроме того, их обеспечивали казенным жильем, давались дрова, свечи и другие необходимые инструменты. С 1757 г. размер жалованья учителей стал зависеть от чина: штурманам, подштурманам и флотским унтер-офицерам 2/3 их оклада, а учителям из солдат и матросов – в полном объеме¹⁸.

По данным на 1732 г. в Казанской адмиралтейской школе обучалось 70 детей, т.е. к этому времени она представляла собой вполне сложившуюся, самостоятельную школу. А вообще в 1732 г. в 7-ми таких школах по стране (в Петербурге, Кронштадте, Ревеле, Казани, Астрахани, Таврове и Сестрорецке) обучалось 645 учеников. В 1765 г. в 9-ти школах морского ведомства в вышеуказанных городах (кроме Сестрорецка), в Архангельске, Брянске и в школе при Галерном порте Петербурга обучалось 1718 человек. К этому времени самые крупные (по числу учащихся) адмиралтейские школы действовали в Архангельске (525), Петербурге (439), Кронштадте (324) и Казани (147 чел.). Таким образом, по сравнению с 1732 г., мы видим явный рост количества учащихся¹⁹.

Если учитывать, что к 1732 г. при Казанском адмиралтействе находилось около 800 служащих, мастеровых и солдат, можно предположить, что обучением была охвачена лишь часть их детей школьного возраста²⁰. Обучали только мальчиков. При поступлении преимущество отдавалось детям офицеров и рядовых, служащих и «кадровых» мастеровых. Среди учащихся татарских детей было мало, чему мешало незнание русского языка и специфика работы мастеровых-татар при верфи – они практически все являлись плотниками и пильщиками, т.е. были заняты на работах, где знание русской грамоты особо не требовалось. Были и казусные случаи непринятия детей в школу. Например, в 1790 г. в школу не были приняты дети форстмейстеров (лесных знателей) по причине того, что необходимые

¹⁷ ПСЗ. – Собр. 1-ое. – Т. 12. – № 9054.

¹⁸ МИРФ. – Т. 12. – С. 598. Годичное денежное жалованье солдата до 1764 г. было 3 руб. 31,5 коп., с 1764 г. – 4 руб. 19 коп.; матроса первой статьи – 18 руб., второй статьи – 12 руб.; штурманов и подштурманов первого, второго и третьего оклада соответственно 216, 180, 144 и 108, 84, 60 руб.

¹⁹ МИРФ. – Т. 7. – СПб., 1879. – С. 283; Львов Г.В. Указ. соч. – С. 26.

²⁰ МИРФ. – Т. 5. – СПб., 1875. – С. 717–719.

форстмейстерскому званию науки в цифирной школе не преподавались. В итоге вопрос решили так, что эти дети должны были обучаться у своих отцов, им было назначено жалованье в размере, получаемом учащимися гарнизонных школ²¹.

Как же было организовано обучение в школе? Был установлен строгий распорядок учебных занятий и режим дня школьников. Явка учащихся на учебные занятия ежедневно регистрировалась в особом журнале, для чего при учителе были его помощники: канцелярист и секретарь, которые вели учет школьников²². Учебные занятия проводились, как обычно, по третям года, за исключением летних месяцев. Обязательных учебных программ не было. Объем и содержание обучения определялись материалом учебников и знаниями учителей. Учебными пособиями служили буквари, азбуки, псалтыри, часословы. «Первое чтение отрокам» Феофана Прокоповича являлась первой книгой для чтения. Чтение было групповым, «кричали все разом», после чего учитель прослушивал каждого ученика в отдельности. Заучивая тексты часослова и псалтыря, учащиеся не только упражнялись в технике чтения, но и воспитывались в духе религии. После обучения чтению начинались занятия по технике письма. Сначала дети учились писать буквы и слоги на песке, для чего в классе был установлен ящик с песком. Давать младшим школьникам бумагу на мариане считалось нецелесообразным, поэтому лишь на третий год детей допускали писать на бумаге. Писали гусиными перьями, для чего требовалось умение их «очинять» перочинным ножом. После 5 лет тренировок можно было подготовить писаря с хорошим почерком. Этим заканчивалась первая («словесная») ступень обучения, после чего ученики переходили к изучению арифметики и геометрии.

Поначалу арифметика и геометрия в школе не преподавались – не было учебников и квалифицированных учителей. В 1734 г. круг изучаемых дисциплин увеличился – из Петербургской Морской академии в Казанскую адмиралтейскую школу для обучения детей был послан ученик, изучавший тригонометрию.

²¹ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. 23. – № 17164.

²² НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.2. Л.27, 27об.

Ему было приказано взять с собой аспидные доски²³, учебники арифметики и геометрии²⁴. Таким образом, в школе начали преподавать 2 учителя: один обучал чтению и письму, другой – арифметике и геометрии, которые проходили по учебнику Л.Ф.Магницкого, с 1757 г. – по учебнику Н.Г.Курганова. Обучение арифметике начиналось с изучения чисел и заканчивалось усвоением 4-х арифметических действий: сложения, вычитания, умножения и деления, после чего изучались разделы геометрии – циркульные приемы, тангенсы. Большинству детей обучение давалось с трудом. Нередкими были случаи, когда на первой книжке засиживались по 3–4 года и никак не могли «осилить эту премудрость». Освоившие последнее арифметическое действие (деление) ученики с гордостью всем говорили, что арифметика ими окончена. В 1757 г. было предложено обучать в школе только грамоте и письму, так как в 1752 г. Морская академия в Петербурге и Московская навигационная школа, обеспечивавшие адмиралтейские школы учителями математики, были упразднены. Поэтому способные ученики для дальнейшего обучения арифметике и геометрии должны были присылаться в Петербург²⁵. По-видимому, и после 1757 г. арифметика в казанской школе преподавалась, так как в источниках второй половины XVIII в. она по-прежнему упоминается как цифирная школа.

В 1757 г. было определено, что, начиная с 12-летнего возраста дети солдат и матросов при адмиралтейских школах должны были обучаться военному делу. Из солдатской команды выбирался опытный унтер-офицер или солдат, который обязывался «...их обучать и содержать, как военные обряды повелевают». Занятия по военному делу проводились 2 раза в неделю с использованием деревянных ружей²⁶.

Строго определенного срока обучения не было – его длительность зависела от опытности учителей, способностей учеников, от нетерпящих отлагательств потребностей в квалифи-

²³ Аспидная (грифельная) доска – пластина, изготовленная из твердого черного сланца, применялась для письма и черчения.

²⁴ МИРФ. – Т. 7. – С. 741.

²⁵ МИРФ. – Т. 12. – С. 598.

²⁶ Львов Г.В. Указ. соч. – С. 24.

цированных кадрах. Если учесть, что открытие школы состоялось в 1726 или 1727 г., а потребность в учителе арифметики возникла к 1734 г., то получается, что для обучения чтению и письму уходило до 7–8 лет, а на обучение до 16-летнего возраста арифметике и геометрии оставалось еще 3–4 года. Однако эти сроки часто сокращались.

Обучение грамоте приравнивалось к службе. Соответственно ученикам предусматривалось государственное обеспечение. Им должны были давать продовольственное жалованье, а также мундир по возрасту. По указу Адмиралтейской коллегии от 4 февраля 1721 г., детям мастеровых людей, обучавшихся в школах, выдавалось половинное продовольственное жалованье, в отличие от солдатских детей, которые получали продовольственный паек в полном размере. Таким образом, дети мастеровых адмиралтейств оказались в худшем положении, чем дети солдат. Резолюцией Адмиралтейской коллегии от 8 октября 1725 г. для учащихся адмиралтейских школ была установлена единая форма одежды: сермяжный кафтан²⁷ с обшлагами²⁸ из красного сукна, козлиные или канифасные²⁹ штаны, красный колпак, башмаки, серые чулки, 2 рубашки и галстук³⁰.

По указу от 20 декабря 1731 г. каждому ученику, обучавшемуся в цифирной школе, предусматривалась выдача денежного жалованья в размере 1 копейки на день, которое на руки учащимся не выдавалось, а расходовалось на общие нужды: дополнительное питание, одежду и обувь³¹. Разница в продовольственном жалованье детей мастеровых и солдат сохранялась до середины 1740-х гг., когда двумя определениями Адмиралтейской коллегии 1744 и 1746 гг. ученики в адмиралтейских школах были переведены на такие же нормы материального обеспечения (обмундирования, продовольственного и денежного жалованья), которые применялись к учащимся гарнизонных школ. С этого времени месячная норма продовольственного обеспечения всех учащихся составила: муки по 29 кг, крупы по

²⁷ Сермяжный кафтан – кафтан из грубого некрашеного сукна.

²⁸ Обшлаг – отворот на конце рукава.

²⁹ Канифас – легкая льняная ткань.

³⁰ Львов Г.В. Указ. соч. – С. 10, 11, 18.

³¹ МИРФ. – Т. 7. – С. 269.

2 кг, соли по 0,8 кг. Годичное жалование тем, кто обучался чтению и письму, было 1,35 руб.; тем, кто после обучался и арифметике – 1,5 руб.; тем, кто после обучения арифметике изучал геометрию – 2,07 руб.³²

Несмотря на правительственные распоряжения, вопрос о способах содержания адмиралтейских школ оставался острым. В первой половине XVIII в. денежные расходы на адмиралтейские школы производились из бюджета Академической канцелярии, действовавшей при Адмиралтейской коллегии для руководства Морской академией, Московской навигационной школой, цифирными школами. Продовольственные расходы возмещались Адмиралтейской провиантской конторой. С 1746 г. содержание школьников начинает осуществляться за счет собственных средств адмиралтейств, на что должны были выделяться остаточные суммы. В 1765 г. содержание каждого ученика адмиралтейских школ, согласно штату 1732 г., ежегодно обходилось в 8 руб. 62 коп., что было крайне мало³³. В 1790 г. на запрос Сената, – на какие денежные суммы существует Казанская цифирная школа, – Адмиралтейская коллегия сообщила, что до этого на содержание школы Казанское адмиралтейство не получало никаких сумм и изворачивалось экономией³⁴.

По указу от 4 февраля 1721 г. все дети матросов и мастеровых адмиралтейств перешли в ведение Академической конторы, с 1757 г. – в ведение Морского кадетского корпуса. На местах эти школы подчинялись непосредственно главному командиру порта (в Казани – начальнику Казанской адмиралтейской конторы), который был обязан каждые 3 месяца присылать в канцелярию Морского кадетского корпуса ведомости о числе школьников, об их успехах и способностях³⁵. Он же по-своему усмотрению назначал надзирателя школы из офицерского состава и одного или двух сторожей. Например, по данным на 1796 г., надзирателем Казанской адмиралтейской школы был боцман Иван Ефимов³⁶. Надзирателю вменялось в обязанность обеспечи-

³² МИРФ. – Т. 12. – С. 598–599.

³³ Львов Г.В. Указ. соч. – С. 26.

³⁴ ПСЗ РИ. – Собр. 1-е. – Т. 23. – № 17164.

³⁵ Львов Г.В. Указ. соч. – С. 9, 22.

³⁶ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.2. Л.28.

вать правильное использование продуктов и денежных средств, следить за чистотой одежды учащихся, «держат их в страхе» и удерживать от непристойных поступков.

В школе была свойственная этому времени довольно суровая дисциплина. К ученикам за недисциплинированное поведение часто применялись телесные наказания. Сначала все нарушения записывались в «штрафной журнал», копились до субботы, затем подсчитывалось количество розог, после осуществлялось публичное наказание, на что учителя смотрели уже как на привычное занятие и неизбежную принадлежность учения. Учащихся в качестве наказания за неуспеваемость (и за провинности) определяли на приготовление пищи, а чаще всего, если им исполнилось 10 лет, назначали к каким-либо службам на верфи, но не плотничьим или тому подобным работам – от греха подальше топор им в руки не давали. Главным образом они работали в такелажной мастерской, где щипали паклю из старых смоленых тросов, вили жгуты, чистили конопатку. Кроме того, разогревали смолу, смолили снаружи и внутри корпус и снасти.

По сравнению с порядками, существовавшими, например, в Московской навигационной школе, где за любое прегрешение или незнание урока жестоко наказывали, дисциплина в адмиралтейских школах была мягче, что объяснялось специфическими условиями возникновения этих школ, социальным составом учащихся и положительным отношением к ним со стороны адмиралтейских мастеровых и служащих. Правда, и в адмиралтейских школах меры принуждения преобладали над другими методами воспитания дисциплины.

Система подготовки специалистов-судостроителей была далека от совершенства, главным образом потому, что учебный план не предусматривал специальной подготовки, а ограничивался начальным обучением чтению и письму, арифметике и геометрии. Безусловно, знание грамоты было важно, так как профессиональное образование немислимо вне элементарного образования. Сначала детей мастеровых и служащих адмиралтейств необходимо было обучить грамоте и дать первоначальные математические знания. Именно эту задачу и решала адмиралтейская школа. Однако производственный труд учащихся ограничивался обучением при своих отцах и как наказание за неуспеваемость и различные проступки.

Направленность обучения в адмиралтейских школах на дачу первоначального общего образования была определена в «Регламенте о управлении Адмиралтейства и верфи 1722 г.». В 60 статье первой главы Регламента говорится о необходимости обучать детей адмиралтейских мастеровых «грамоте и цифри... дабы потом (выделено нами. – И.Ф.) могли добрыми мастерами быть»³⁷. Таким образом, обучение в школе было лишь необходимым условием дальнейшей профессиональной подготовки. Объединение первоначального общего образования с производственным трудом учащихся, с подготовкой их к практической деятельности не удавалось решить потому, что, с одной стороны, обучение грамоте при существовавших методах преподавания затягивалось на длительный срок, а с другой – не было ни учителей-производственников, ни специального оборудования, инструментов и приборов, позволяющих организовать техническое обучение школьников.

Указ от 29 октября 1723 г. предписывал выпускников адмиралтейских школ по мере необходимости определять в ученье к корабельным мастерствам, а остальных по другим специальностям. При этом их было запрещено назначать в подьячие и на другие должности, не связанные с адмиралтейскими делами. В 1732 г. Адмиралтейская коллегия указала на то, что дети мастеровых и матросов должны определяться в школу с 5-летнего возраста, а с 10 лет и выше – к различным мастерствам и юнгами³⁸ во флот. С середины 1740-х гг. в адмиралтейские школы брали, как и в гарнизонных школах, детей в возрасте от 7 до 15 лет, что было подтверждено определениями Адмиралтейской коллегии 1749 и 1750 гг. С 1757 г. ученики в адмиралтейских школах снова должны были находиться с 5 до 16-летнего возраста³⁹.

Большинство выпускников школы, как правило, по достижении 16-летнего возраста записывались в адмиралтейства по профессиям своих отцов, либо же начинали службу «незаписными» работниками, в случае, если штатное число мастеровых

³⁷ Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи 1722 г. – СПб.: (Типография Императорской АН), 1795. – С. 20.

³⁸ Юнга – подросток на судне, готовящийся в матросы.

³⁹ Львов Г.В. Указ. соч. – С. 9, 12, 18–20, 24.

при верфи превышалось. В целом такая практика была положительным явлением, особенно в период, когда кадры адмиралтейств только формировались. Но в закреплении рабочих за определенным производством были и отрицательные моменты – человек не был волен выбирать профессию, что сказывалось на снижении производительности труда. Закон 1777 г., предписывавший определять детей адмиралтейских и флотских служащих после окончания школы на любую должность, исходя из способностей и вне зависимости от профессии их отцов, как раз был направлен на преодоление такого рода негативных последствий⁴⁰.

Наиболее способные ученики после обучения определялись в Морскую академию, а с 1752 г. в – Морской кадетский корпус. Кроме того, самые способные и прилежные дети морских служащих при адмиралтействах допускались на штурманские должности, а остальные определялись во флот юнгами, писарями, баталерами⁴¹ и унтер-баталерами⁴². Например, в 1770 г. в различные портовые конторы были даны указания о зачислении окончивших адмиралтейские школы в штурманские ученики и подготовке из них штурманов. В соответствии с этим указом в 1772 г. из Казани направили несколько молодых людей, обучившихся в цифирной школе, в Петербург в качестве штурманских учеников при Адмиралтействе⁴³.

Часть выпускников назначалась учениками при мастерах и подмастерьях, и продолжали совершенствовать практические навыки работы в мастерских, получая за это соответствующее жалованье. Количество таких учеников в Казанском адмиралтействе одновременно доходило до 30. Некоторые из них впоследствии становились подмастерьями и мастерами.

Несмотря на определенную заботу государства об образовании рабочих морского ведомства, процент грамотных людей среди мастеровых был небольшим. Например, в 1804 г. при

⁴⁰ МИРФ. – Т. 12. – С. 599.

⁴¹ Баталер – лицо, ведающее на кораблях и базах продовольственным, вещевым и другим снабжением.

⁴² Львов Г.В. Указ. соч. – С. 22, 23.

⁴³ Описание дел Архива Морского министерства. – Т. 5. – СПб., 1888. – С. 514.

разделении адмиралтейских плотников на десятки было обращено внимание на то, чтобы в десятке входил хотя бы один грамотный работник, а если и такового не найдется, то к 30 плотникам найти одного грамотного⁴⁴.

Была довольно распространенной практика обучения чтению и письму детей адмиралтейских служащих и мастеровых самими родителями, знавшими грамоту. В подтверждение этой мысли мы хотим привести пример выдающегося русского корабеля Василия Артемьевича Ершова (1779–1860), построившего около 60 различных судов, и чья биография была связана с Казанью. В.А.Ершов родился в Казани в 1779 г. в семье мастерового, работавшего на верфи. Отец Василия был человеком малограмотным, но сумел обучить сына «грамоте по складам, да цифири». Остальные науки, как вспоминал потом Василий Ершов, он одолел самоучкой. Подростком его определили на работу в Казанское адмиралтейство, и здесь толкового парнишку приметил один из столичных корабелов, приехавший в Казань по служебным делам. Он увез 12-летнего Василия на Петербургскую верфь и определил его там мачтовым учеником. Затем его отдали на выучку опытному корабельному мастеру Даниилу Масальскому. С 1804 г. началась самостоятельная работа В.А.Ершова по строительству судов для Балтийского флота. Например, в 1819 г. он достраивал и готовил для дальнего плавания шлюпы «Восток» и «Мирный», на которых в 1819–1821 гг. Ф.Ф.Беллинсгаузен и М.П.Лазарев совершили первое русское кругосветное плавание и открыли Антарктиду. В 1821 г. В.А.Ершов получил звание корабельного мастера. В 1824 г. его перевели в Архангельск, где он развернул энергичную деятельность по строительству кораблей, в 1835–1843 гг. возглавлял Архангельское адмиралтейство, затем снова был переведен в Петербургский порт. Вплоть до последних своих дней В.А.Ершов принимал непосредственное участие в строительстве кораблей⁴⁵.

Из-за неудовлетворительного состояния преподавания в адмиралтейских школах правительство предпринимало попытки

⁴⁴ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. 28. – № 21283.

⁴⁵ Быховский И.А. Архангелогородские корабли / И.А.Быховский. – Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1988. – С. 109–112.

реорганизовать обучение в них. В 1780–1790-х гг. на базе существовавших ранее адмиралтейских школ в Кронштадте, Ревеле, Архангельске и Астрахани открываются портовые школы для детей мастеровых и портовых служащих. В Санкт-Петербурге и Херсоне создаются училища корабельной архитектуры⁴⁶. К сожалению, эти преобразования в военно-морском образовании России мало затронули Казанскую адмиралтейскую школу. Адмиралтейское начальство в Петербурге особо не заботило, в каком состоянии находилась цифирная школа в Казани. Основное внимание было обращено Балтийскому, а с 1780-х гг. и Черноморскому флоту.

По положению от 23 декабря 1798 г. при разных гарнизонах были образованы военно-сиротские отделения. В соответствии с этим положением, адмиралтейские (портовые) и гарнизонные школы были расформированы, а их ученики для дальнейшей учебы определялись в военно-сиротские отделения. Таким образом, с 1798 г. заведование детьми всех «нижних чинов» флота сосредоточивается в экспедиции военно-сиротских учреждений⁴⁷. На местах надзор за ними поручался военным губернаторам и комендантам гарнизонов, которые должны были подавать императору месячные рапорты о состоянии заведений, указывая число и возраст солдатских детей, находящихся как в самих отделениях, так и числящихся на воспитании у родственников. В Казани в результате объединения адмиралтейской и гарнизонной школы было образовано Казанское военно-сиротское отделение, после 1823 г. более известное как Школа кантонистов казанских батальонов. Именно это образовательное учреждение становится основным поставщиком грамотных людей для Казанского адмиралтейства.

Централизация заведывания детьми всех нижних чинов в одном административном учреждении – в экспедиции военно-сиротских заведений – имела свои выгоды. Отныне правительство точно знало о количестве и передвижении всех детей нижних чинов и могло с большим удобством для себя удовлетворять потребности каждого ведомства в обученных кадрах. В то

⁴⁶ Барбашев Н.И. К истории мореходного образования в России / Н.И.Барбашев. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 93–95.

⁴⁷ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. 25. – № 18793.

же время обучение в этих заведениях абсолютно не учитывало дальнейшей специализации воспитанника, что было особенно актуально для адмиралтейств и флота, которым был нужен широкий круг специалистов с разным уровнем подготовки. По словам Г.В.Львова, после уничтожения школ при Адмиралтействе и портах «вся выгода, которую флот с самого начала своего существования извлекал из детей своих нижних чинов, была вдруг и навсегда утрачена»⁴⁸. Поэтому каждое адмиралтейское учреждение попыталось сохранить свои школы или же вновь открыть собственные заведения. Например, в 1802 г. Адмиралтейская коллегия удовлетворила просьбу командира Адмиралтейских Ижорских заводов майора Юнга об оставлении учеников при заводской школе, в которой, кроме чтения и письма, дети обучались и разным необходимым на заводе «художествам»⁴⁹.

В 1806 г. Казанское адмиралтейство также попыталось организовать собственную школу. В этом году главноприсутствующим Казанской адмиралтейской конторы Подкозьным тогдашнему товарищу морского министра П.В.Чичагову был представлен проект училища для детей служащих Казанского адмиралтейства. «Учрежденное в Казани Военно-сиротское отделение, – писал он, – по всем дошедшим до меня сведениям, не в том положении, в каком быть оно должно, и вместо ожидаемых от учащихся успехов в науках, рождается в них своеволие и развращение нравов...». Подкозьин указывал, что большую часть времени воспитанники проводят в безделье и полной свободе от учебы. Для большей убедительности своих доводов в пользу открытия училища, он в ужасающих тонах обрисовал положение детей адмиралтейских служащих и мастеровых, живших в 4-х верстах от города, вынужденных ежедневно в любую погоду ходить туда на учебу, где по Воскресенской улице и располагалось военно-сиротское отделение. Осенняя грязь, зимняя стужа и ненастья, весенние страшные разливы Волги подвергали их жизнь опасности. Однако все эти доводы имели второстепенное значение. Основная же причина желаний организации собственного учебного заведения

⁴⁸ Львов Г.В. Указ. соч. – С. 37.

⁴⁹ Там же. – С. 38.

заклучалась в самом назначении служащих для флота, которое требовало специального обучения. Подкозьину было известно, что в некоторых адмиралтейских учреждениях не все дети служащих поступили в распоряжение военно-сиротских отделений, а остались в ведении прежних начальств. То же самое он предлагал исходатайствовать для Казанского адмиралтейства. П.В.Чичагов поблагодарил Подкозьина за его усердие к делу, но проект не одобрил⁵⁰. Закрытие адмиралтейской школы снизило значение Казанского адмиралтейства как учебно-организационного центра и стало одним из предвестников его предстоящего упразднения 1830 г. Неслучайно, что именно в начале XIX в. появился первый проект о переводе Казанского адмиралтейства в Астрахань, автором которого также стал Подкозьин.

В 1807 г. с похожим представлением к П.В.Чичагову обратился капитан над Главным Гребным портом С.И.Миницкий. В отличие от Подкозьина, ему удалось выпросить разрешение на открытие училища гребного флота, которое стало единственным крупным учебным заведением (400 учащихся), успевшим образоваться в морском ведомстве независимо от экспедиции военно-сиротских учреждений⁵¹.

Открытые в Казани и еще в 53-х городах и крепостях военно-сиротские отделения были новым типом учебных заведений, в которых кроме общеобразовательных предметов (в том числе арифметики и геометрии) дети получали специальную военную подготовку, изучали воинский артикул. В них была введена классно-урочная система обучения. Учительский персонал военно-сиротских отделений комплектовался из младших ротных офицеров, унтер-офицеров и грамотных солдат. Исполнение обязанностей учителя или воспитателя считалось одной из сложных воинских обязанностей. За 5-летнюю службу учителя из солдат производились в унтер-офицеры, а после могли получить офицерский чин.

⁵⁰ Позже выяснилось, что проявляемое Подкозьиным служебное рвение было обусловлено его корыстными, личными интересами. Через несколько лет за какие-то проступки его лишили чина, всех наград и уволили со службы.

⁵¹ Львов Г.В. Указ. соч. – С. 39–50.

В военно-сиротские отделения зачислялись дети солдат и крестьян, достигшие 10-летнего возраста. Для сбора их на учебу в уезды снаряжались солдатские команды. Ученики обучались до 18-летнего возраста, после чего определялись в полки, или же в адмиралтейства и во флот. Таким образом, в отличие от прежней практики набирания работников из числа детей потомственных мастеровых и служащих, с начала XIX в. образованные кадры адмиралтейств преимущественно стали пополняться из числа обучившихся в военно-сиротских отделениях крестьянских и солдатских детей, в том числе из татар. Например, в 1810–1820-х гг. писарями и в других нижних канцелярских должностях в Казанском адмиралтействе служили из татар Валит Хамитов, Нигаметулла Ижбулатов, Галей Арасланов, Губайдулла Рафиков. Все они в свое время заканчивали Казанское военно-сиротское отделение⁵².

Таким образом, Казанская адмиралтейская школа внесла определенный вклад в развитие системы начального образования. Здесь дети обучались чтению и письму; преподавались арифметика и геометрия, т. е. те дисциплины, которые являлись типичными для отечественных начальных общеобразовательных школ XVIII в. Однако организация занятий и подготовка в школе не вполне удовлетворяли требованиям, предъявлявшимся судостроительной промышленностью. Низкий уровень подготовки учителей обуславливал и низкую успеваемость учащихся. Образование не имело общегосударственной материальной базы – плохое финансирование или его отсутствие было одной из основных причин слабости преподавания. Несмотря на отмеченные недостатки, Казанская адмиралтейская школа оказала существенную пользу в деле подготовки квалифицированных кадров. Она была одной из немногих постоянно действовавших цифирных школ в России. Потребность адмиралтейств в обученных кадрах обусловила ее действие и при отсутствии финансирования со стороны центральной власти. Опыт адмиралтейской школы пригодился и при организации учебной работы в военно-сиротском отделении.

Казанская адмиралтейская школа давала общеобразовательную подготовку, а приобретение квалификации (специаль-

ная или практическая подготовка) происходило преимущественно в процессе работы в адмиралтействе, в том числе в форме ученичества. Поэтому говорить о ней как об «инженерной», о чем пишут некоторые авторы, будет неправильно, так как это понятие предусматривает профессиональную подготовку. Специализация в школе состояла лишь в том, что большинство учащихся ограничивалось овладением грамотности, другие продолжали учение, и изучали арифметику и геометрию. С организацией военно-сиротских отделений (позже – кантонистских школ) задача подготовки специалистов для флота и адмиралтейств в этих учебных заведениях была отодвинута на второй план, стала еще более отдаленной.

Путем устройства адмиралтейской школы решались задачи закрепления рабочих за производством, создания потомственных кадров рабочих, роста числа грамотных, а следовательно, и более квалифицированных рабочих. Школа являлась начальной ступенью в подготовке специалистов для отечественной судостроительной промышленности как низшей, так и средней, и высшей квалификации.

Принятые сокращения

- МИРФ – Материалы для истории русского флота
- НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов

⁵² НА РТ. Ф.385. Оп.1. Д.200. Л.29 об., 30, 67 об., 68; Д. 608. Л.563–564 об.

О.В.Федотова

**Казанский Родионовский институт благородных девиц.
Из истории женского образования в Казани
(по документам Национального архива РТ)**

Учреждение в Казани Первой мужской гимназии, а затем на ее базе университета положило начало развитию просвещения в Казани и губернии в целом. На рубеже XVIII–XIX веков в городе открывается ряд частных пансионов, причем не только для мальчиков, но и для девочек. Но подобные заведения не отвечали потребностям общества по качеству образования, к тому же были доступны лишь для весьма состоятельных лиц. Как известно, первоначальная идея открыть в Казани казенное образовательное учреждение для девочек «из небогатых, большей частью провинциальных дворянских семей» принадлежала императрице Марии Федоровне. Ею же в 1805 году был куплен земельный участок в 15 десятин, находящийся в то время за городской чертой и являвшийся летней дачей князей Болховских. Но для постройки здания и организации института благородных девиц не было средств. Средства нашлись двадцать лет спустя после кончины казанской дворянки, помещицы Анны Николаевны Родионовой. В духовном завещании ее значилось: «для заведения института благородных девиц в городе Казани определяю и постановляю пожертвовать... в городе Казани на Воскресенской улице против церкви Воскресения Христова каменный дом мой со всем при нем строением, службами и садом. Для того же заведения я назначаю из недвижимого имения моего Казанской губернии Лаишевского уезда в селе Богословском, Масловке тоже и в деревне Дмитриевке всех крестьян и дворовых людей мужского пола ревизских, в обоих селениях четыреста четырнадцать душ с их женами и детьми, со всеми принадлежащими к оным двум селениям землями, угодьями, господскими домами и прочими строениями, мельницами,

рыбными ловлями по реке Каме, мне принадлежащими, не исключая ничего»¹.

Анна Николаевна Родионова скончалась 30 декабря 1827 года, а в марте следующего 1828 года был учрежден «Совет учреждаемого в Казани института благородных девиц». В Совет вошли гражданский губернатор барон Розен (председатель), губернский предводитель дворянства Александр Николаевич Евсеев, исправляющий должность попечителя Казанского учебного округа Михаил Николаевич Мусин-Пушкин и душеприказчик Родионовой, надворный советник Василий Петрович Вишняков. Первое заседание Совета состоялось 17 марта 1828 года.

Внук А.Н.Родионовой Лука Павлович Родионов попытался оспорить завещание. Судебные разбирательства затянулись и отложили открытие института почти на десять лет. Лишь 17 января 1838 года были утверждены устав и штат института².

Согласно уставу, главное управление институтом осуществлял Совет под председательством губернатора. В Совет входили попечитель Казанского учебного округа, губернский предводитель дворянства, управляющий хозяйственной частью и принадлежащими институту имениями, и начальница института. Обязанностями Совета являлись:

1. Рассмотрение дел, предлагаемых к обсуждению председателем или начальницей института.
2. Заведывание имуществом института, приход и расход денежных сумм.
3. Прием и выпуск учениц.
4. Прием, увольнение, поощрение чинов института.
5. Предоставление императрице ежегодных общих и балансовых отчетов.

Заседания Совета проходили не реже одного раза в месяц. Решения принимались большинством голосов.

Учебная часть института по уставу вверялась инспектору классов, которому были подчинены все учителя. Он осуществлял надзор за добросовестным исполнением учителями своих обязанностей, утверждал расписание учебных предметов и часов,

¹ НА РТ. Ф.80. Оп.1. Д.1340, Л.38–39 об.

² ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XIII. – СПб., 1839. – С.22.

наблюдал за прилежанием и успехами учениц. Первым инспектором классов 29 января 1848 года был назначен экстраординарный профессор русской словесности Казанского университета Карл Карлович Фойгт.

Внутреннее управление институтом и надзор за воспитанницами входили в обязанности начальницы института. «На начальнице лежит важная обязанность печется о наилучшем воспитании и образовании вверенных ей девиц, во всех отношениях, как просвещением их ума полезными познаниями..., так и попечением о наружной их образованности. Вследствие сего она должна часто посещать классы и примечать образ преподавания учителей и прилежание учениц, и вообще как можно чаще общаться с воспитанницами, дабы при сохранении наружной важности, свободным и ласковым обхождением... приобретать их любовь и доверие, а через то узнать их нравы, наклонности и поведение»³.

Также в обязанности начальницы входил контроль за качеством пищи воспитанниц, их одежды и обуви, за работой рукодельной, швейной и прачечной, и в целом за чистотой и порядком в здании. 19 февраля 1841 года начальницей открываемого института избрана вдова полковника Екатерина Дмитриевна Загоскина, урожденная Мертваго, принадлежащая к высшему московскому дворянству.

Согласно уставу, структура института состояла из учебной и хозяйственной части, церкви, больницы и канцелярии. Штат, включая прислугу, насчитывал 40 человек.

Торжественное открытие института состоялось 30 августа 1841 года в присутствии первых лиц губернии.

Открытию предшествовали вступительные экзамены, но на них явились немногие. Родители остальных соискательниц вместе с прошением предоставляли свидетельства о соответствии уровня знаний их дочерей требованиям института. Однако, в действительности все оказалось несколько иначе. И преподавателям пришлось первые четыре месяца – с 1 сентября по 1 января – проводить подготовительные занятия к основному

³ НА РТ. Ф.80. Оп.1. Д.1340. Л.104.

курсу. Многих воспитанниц, принятых во второй класс, пришлось перевести в первый.

По уставу полный курс обучения в институте составлял шесть лет. Девочки разделялись на три класса, по два года обучения в каждом. Позднее классов стало шесть с годичным сроком обучения, а в 1862 году был добавлен 7 класс⁴. Причем классы шли в обратном порядке. Девочки поступали в седьмой класс, а заканчивали первый.

Количество учениц первоначально предполагалось – 80 человек. Из них 21 – штатные воспитанницы, содержащиеся на средства института, 15 пансионеров – за счет средств Приказа общественного призрения, и 44 – частные пансионерки, за содержание и обучение которых родителями вносилась плата по 650 рублей в год. В начальный класс девочки принимались не моложе 10 и не старше 12 лет.

В число штатных воспитанниц принимались только дочери родовых и потомственных дворян Казанской губернии, и чиновников, находящихся или служивших на военной службе. И если оставались вакансии, могли быть допущены дети личных дворян Казанской губернии.

Частными пансионерками, помимо дворянок, могли быть дочери купцов I и II гильдии, духовенства. Причем не только Казанской, но и близлежащих губерний: Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Симбирской, Пермской и Вятской.

Первоначальный прием в 1841 году состоял из 38 воспитанниц в первый класс и 31 – во второй. Среди них Аделаида Каменева, Надежда Веретенникова, Анна Геркен, Ольга Криднер и др. представительницы известных казанских фамилий. С течением времени общее количество обучающихся в институте возросло, но сословный состав не изменился. Так, в 1859 г. было отказано в приеме в институт Теклы Розентретер, дочери управляющего дворянским имением. Ходатайство Совета института было основано на том, что девочка получила хорошее воспитание, «вполне соответственное дворянскому», а также на том, что главным источником дохода института является плата за обу-

⁴ НА РТ. Ф.80. Оп.1. Д.377. Л.2.

чение частных пансионеров, которых было постоянно недостаточное количество. Тем не менее, эти доводы не убедили Главный Совет женских учебных заведений⁵.

К 1907 году общее число воспитанниц института составляло 166 человек: из них дочерей потомственных дворян – 83, чиновников – 35, военных – 8, потомственных почетных граждан – 10, личных почетных граждан – 7, купцов – 16, духовного звания – 4, иностранных подданных – 3.

По вероисповеданию воспитанницы делились: православных – 155, католичек – 6, лютеранок – 1, магометанок – 4.

По месту жительства родителей: из Казанской губернии – 90 чел., Вятской – 21, Симбирской и Пермской – по 7, Вологодской – 5, Самарской и Оренбургской – по 4, Тобольской, Пензенской, Петербургской, Уфимской губерний – по 3, Дагестанской области – 3, Приамурской области и Люблинской губернии – по 2. И по одной воспитаннице из Нижегородской, Московской, Ярославской, Саратовской, Черниговской, Костромской губерний, а также из Сыр-Дарьинской, Закаспийской, Ферганской областей⁶.

В различные годы воспитанницами Родионовского института были девочки из известных дворянских семей: Молоствовы, Юшковы, Геркен, Манасиновы, Демерт. С 1898 по 1906 гг. в институте обучалась дочь генерал-майора Мухамета-Шефи Шамиля – Фатима, для которой было исходатайствовано разрешение быть приходящей ученицей ввиду слабого здоровья⁷.

К слову, мать вышеуказанной Фатимы Биби-Мариам Ибрагимовна Шамиль принимала участие в судьбе еще одной воспитанницы института – Сабиры Абдурахман-Абади. Дочь отставного поручика, осужденного военным судом и сосланного в Тобольскую губернию, Сабира, тем не менее, была принята в институт по распоряжению Главноуправляющего Собственной Его величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии. Но, не имея собственных средств, она обучалась на пожертвования благотворителей Казанского мусульманского об-

⁵ НА РТ. Ф.80. Оп.1. Д.261, Л.1–3.

⁶ НА РТ. Ф.80. Оп.1. Д.2398. Л.3–3 об.

⁷ НА РТ. Ф.80. Оп.1. Д.1766. Л.1, 3, 7.

щества, в первую очередь Биби-Мариам Шамиль⁸. Несколько лет в институте проучилась дочь заведующего Особой канцелярией Бухарского правительства Хайдар Ходжи Мирбадалиева – Биби-Фатима⁹. Имеются сведения о том, что дочь оренбургского муфтия Фатима Султанова держала экзамены на поступление в институт и была зачислена на императорскую стипендию, но по невыясненным обстоятельствам обучаться в нем не смогла¹⁰.

Стоит заметить, что, учитывая интерес к обучению в институте со стороны лиц магометанского вероисповедания, Совет нашел возможным совместить строй закрытого учебного заведения, каким и являлся Родионовский институт, с требованиями Корана и выработал особые правила относительно религиозного образования девиц магометанского вероисповедания.

Столь высокий интерес и широко представленную среди воспитанниц географию можно объяснить высоким уровнем обучения в институте. В программу преподавания входили:

1. Закон Божий, причем неправославным воспитанницам была предоставлена возможность изучать основы своей религии.
2. Грамматическое познание и словесность языков русского, французского и немецкого (включало в себя и изучение литературы, и основ философии).
3. Арифметика.
4. История и география, как всеобщая, так и в особенности Российского государства.
5. Нужнейшие и полезнейшие сведения из естественной истории и физики.
6. Чистописание.
7. Рисование.
8. Музыка и пение.
9. Танцевание.
10. Женские рукоделия¹¹.

Занятия проходили практически весь день. Четыре урока, по полтора часа каждый, ежедневно, кроме воскресенья. Первые два

⁸ НА РТ. Ф.80. Оп.1. Д.1911, Л.4–6.

⁹ НА РТ. Ф.80. Оп.1. Д.2794, Л.10–12.

¹⁰ НА РТ. Ф.80. Оп.1. Д.1317, Л.1, 10.

¹¹ НА РТ. Ф.80. Оп.1. Д.1340, Л.89, 90.

урока с 9 до 12 часов, а остальные – с 15 до 18 часов. Кроме этого, назначались ежедневные занятия музыкой с 13 до 15 часов и итальянским пением в старших классах три раза в неделю после 18 часов. Для рукоделия особых часов не предусматривалось, им надлежало заниматься в свободное время¹².

Учителями в институте состояли, в основном по совместительству, университетские и гимназические преподаватели. К примеру, в 1850-е годы физику преподавал декан физико-математического факультета Казанского университета ординарный профессор Петр Иванович Котельников, французский и немецкий языки – штатные университетские лекторы Алексей де Пляньи и Перси Бересфорд, историю и географию – старший учитель 1-й Казанской гимназии Авдей Иванович Соколов и др. Музыка и итальянскому пению обучали австрийские подданные Иосиф Банер и Филипп Вальтер, рисованию – итальянец Лука Бателли¹³.

В разное время на должности врача-консультанта при институтском лазарете состояли Викторин Сергеевич Груздев и Емелиан Валентиевич Адамюк.

По окончании полного курса обучения воспитанницы подвергались публичному испытанию по всем преподававшимся предметам в присутствии Совета института, родителей или родственников, и других лиц, специально приглашенных Советом.

Выпускницы получали свидетельства об окончании института. Особо отличившиеся удостоивались наград. Награды существовали трех видов: 1) Вензель императрицы для ношения на левом плече с бантом (один золотой и один серебряный), 2) Золотая и две серебряные медали и 3) книги¹⁴.

Свидетельство об окончании института давало право работать домашней учительницей.

В 1911 году в институте был открыт еще один дополнительный педагогический класс¹⁵. А в 1917 году, после февральской революции, институт был передан из ведения Собственной

¹² НА РТ. Ф.80. Оп.1. Д.28, Л.21.

¹³ НА РТ. Ф.80. Оп.1. Д.61, Л.1–3.

¹⁴ НА РТ. Ф.80. Оп.1. Д.1340, Л.94.

¹⁵ НА РТ. Ф.80. Оп.1. Д.2750. Л.4.

Его величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии в Министерство народного просвещения, а в ноябре 1918 года – реорганизован в советскую школу II ступени. Так закончилась история первого в Казани учебного заведения для девочек. Родионовский институт благородных девиц, несмотря на свою закрытость и сословную ограниченность, сыграл важную роль в становлении и развитии женского образования в Казани.

22 февраля 1940 года документы Казанского Родионовского института благородных девиц поступили на хранение в Национальный архив Республики Татарстан. Был сформирован архивный фонд в количестве 3274-х дел. В составе фонда представлены протоколы заседаний Совета института, отчеты и докладные записки о состоянии института, дела о приеме воспитанниц, ведомости об их успеваемости. Многочисленная переписка Совета института с вышестоящими и иными учреждениями позволяет составить представление не только об учебном процессе, но и о других сторонах жизни воспитанниц: об их семьях, досуге, питании, школьной форме и т.д. Кроме того, в фонде представлен комплекс документов об организации института, имеется завещание А.Н.Родионовой, документы о состоянии завещанных институту имений, вплоть до списков крестьян. Подробно представлена история строительства здания, имеются приходно-расходные книги, документы о многочисленных пожертвованиях, учреждении именных стипендий и т.д. Фонд Родионовского института относится к числу часто используемых фондов. Исследователи, занимающиеся в читальном зале Национального архива, обращаются к нему не только по изучению вопросов просвещения, но и в своих генеалогических изысканиях.

С.А. Фролова

Роль Казанской гимназии в подготовке государственных служащих Поволжско-Уральского региона

«... мужчине надобно служить, а для службы необходимо учиться...»¹.

Так уверяла С.Т. Аксакова его матушка, отправляя в Казанскую гимназию. «Я понял, – вспоминал он, – к чему клонится речь, понял, что беда не прошла, а пришла и что мне не уйти от Казанской гимназии», «с растерзанным сердцем я покорился ожидающей меня участи»².

Выбор Казани в качестве города, где планировалось учреждение третьей гимназии в России, объясняется следующими причинами. Во-первых, в силу особенностей геополитического положения и исторического прошлого, Казань являлась одним из самых крупных политических и экономических центров в стране. По меткому выражению А.И.Герцена, «это место встречи и свидания двух миров. И потому в ней два начала: западное и восточное»³. Через Казань западная и европейская части империи соединялись с восточной и юго-восточными окраинами. Во-вторых, это был центр Поволжско-Уральского региона, населенного преимущественно нерусским населением. Для управления им необходимы были чиновники, знающие специфику региона и владеющие языками местных народов. В-третьих, наличие в городе других учебных заведений, таких, как батальонная и новокрещенская школы, духовная семинария со своей обширной библиотекой, создавали хорошую базу для открытия в Казани среднего общеобразовательного учебного заведения, выпускники которого должны были стать одним из источников пополнения студенческого контингента Московского университета. Кроме того, представители дворян-

ского сословия региона позитивно относились к вышеназванной идее.

Идея создания гимназии в Казани принадлежала известному русскому государственному деятелю времен Елизаветы Петровны Ивану Ивановичу Шувалову (1727–1797 гг.), ставшему первым куратором Московского университета. Он был двоюродным братом Петра Ивановича Шувалова (1711–1762 гг.) – фактического руководителя правительства при императрице и Александра Ивановича Шувалова (1710–1771 гг.) – начальника Тайной розыскных дел канцелярии⁴.

При учреждении Московского университета именно И.И. Шувалов представлял от своего имени в Сенат «Доношение об учреждении в Москве университета и двух гимназий» вместе с проектом М.В. Ломоносова об их организации. Шувалову суждено будет сыграть существенную роль в области русской культуры. Отличаясь бескорыстием, Шувалов почти не имел врагов. Отказался он и от предложенного ему императрицей графского титула и поместий, не принял предложения о выбитии в честь его медали⁵.

Решая вопрос об открытии гимназии в провинции, Шувалов обратился в С.–Петербургскую академию наук с просьбой дать рекомендации, в каких городах наметить учреждение гимназии. Академик И.Э. Фишер, хорошо знавший Россию по своим многочисленным путешествиям, рекомендовал открывать гимназий только в больших городах, а «прежде всего, надлежит гимназию основать в Казани»⁶.

По указу Елизаветы Петровны от 21 июня 1758 г., «для размножения наук в империи» в Казани учреждалась гимназия «ко обучению дворян и разночинцев с такими же выгодами, как и в Московском университете»⁷. Ее торжественное открытие

⁴ Ермолаев И.П., Ермолаев А.И. Предшественница Казанского университета (к 250-летию Первой казанской гимназии) / И.П.Ермолаев, А.И.Ермолаев. – Казань: изд-во Казанск. гос. ун-та, 2008. – С. 29.

⁵ Там же. – С. 30.

⁶ Владимиров В.В. Историческая справка о 1-й Казанской гимназии. Ч. 1–3. – Казань, 1867–1868 / В.В.Владимиров. – Ч. 1. – Казань, 1867. – С. 18.

⁷ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. 15. – СПб., 1830. – С. 242.

¹ Аксаков С.Т. Воспоминания / Аксаков С.Т. // Аксаков С.Т. Собрание сочинений: В 5 т. – Т. 2. – М.: Изд-во «Правда», 1966. – С. 11.

² Там же.

³ Цит. по: Знаменитые люди о Казанском крае. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – С.65

состоялось 21 января 1759 г.⁸ Она существовала в составе двух гимназий: одной для детей дворян, другой – для разночинцев. Первой открылась дворянская гимназия – 25 января 1759 г., разночинская гимназия начала действовать с 10 мая того же года⁹.

«Словное разделение учащихся признавалось тогда необходимым условием, хотя видимо на первом плане выставлялось возможное распространение просвещения. Казанские гимназии являлись первым опытом исполнения очень обширного и довольно сложного плана, по которому предполагалось во всех знатных городах учредить гимназии, где обучались нужным европейским языкам и первым основаниям наук, а по городам малым открыть школы для обучения русской грамоте, арифметике и первым основаниям других наук. ... Дети дворян, не обучавшиеся в кадетском корпусе, в академии или в университете, обязаны были, пред поступлением в службу, подвергаться испытаниям в этих заведениях»¹⁰. Этому плану суждено было осуществиться в полном объеме лишь по истечении полстолетия, когда, по проекту Сперанского, даже состоявшие уже на службе чиновники должны были держать университетский экзамен.

Цель учреждения гимназии «состояла в приготовлении учащихся к службе военной и частью учебной»¹¹. Молодым людям преподавались, наряду с общеобразовательными предметами (Закон Божий, арифметика, геометрия, история, география, языки русский, латинский, немецкий, французский), специальные предметы (фортификация, фехтование) и дисциплины эстетического цикла (рисование, музыка, танцевание)¹². По воспоминаниям Г.Р.Державина, одного из первых учеников этой гимназии, в ней «более же всего старались, чтоб научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматике, и быть обходительным, заставляя сказывать на кафедрах сочиненные учителем и выученные наизусть речи; также представлять на театре

⁸ Артемьев А.И. Казанские гимназии в XVIII столетии / А.И.Артемьев. – СПб., 1874. – С. 29.

⁹ Там же. – С. 30.

¹⁰ Там же.

¹¹ Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 6.

¹² Там же. – С. 33–34.

бывшие тогда в славе Сумарокова трагедии, танцевать и фехтовать в торжественных собраниях при случае экзаменов; что сделало питомцев хотя в науках неискусными, однако же доставило людскость и некоторую розвязь в обращении»¹³.

Еще во время обучения в гимназии некоторые ученики «за прилежность и способность к наукам» в качестве вознаграждения записывались по распоряжению начальства и по желанию родителей в полки лейб-гвардии солдатами¹⁴, и считались отпущенными из полков для окончания наук. Вследствие этого гимназисты «надели все принадлежащие званию каждого мундиры»¹⁵.

Таким образом, Казанская гимназия в начале своего существования напоминала военное училище, начиная с целей и наименования начальника гимназии как командира, заканчивая военными мундирами учащихся. Хотя Державин в своих «Записках» несколько принижает значение тогда еще совсем молодой Казанской гимназии, лично для него годы обучения в гимназии не прошли даром. Были поддержаны и развиты его способности «к наукам до воображения касающимся»¹⁶. В отличие от предшествующего, домашнего образования, обучение в гимназии носило регулярный характер и привило Державину стойкий интерес к наукам, развитию которого так мешала военная служба¹⁷, начатая им в качестве солдата Преображенского полка.

Численность учеников гимназии быстро росла: с января по август 1759 г. она увеличилась в 8,5 раз: с 14 до 120 чел.¹⁸ В последующие годы происходило сокращение численности учащихся, дошедшее до 36 человек в 1770 г. С 1759 по 1764 гг. среди учеников гимназии доминировали дворяне. Их количество

¹³ Державин Г.Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гавриилы Романовича Державина / Г.Р.Державин // Державин Г.Р. Избранная проза. – М.: «Советская Россия», 1984. – С.28–29.

¹⁴ Г.Р.Державин был записан в инженерный корпус кондуктором.

¹⁵ Державин Г.Р. Указ. соч. – С. 29, 32.

¹⁶ Там же. – С. 29

¹⁷ Левенштейн О.Г. Г.Р.Державин на государственной службе / О.Г.Левенштейн // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. – 1993. – № 6. – С. 3–10.

¹⁸ Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 30.

в 1762 г. почти в 4 раза превосходило разночинцев. Дворянство привлекала возможность изучения иностранных языков в гимназии, хотя обучение нельзя было признать удовлетворительным, потому что некоторые учителя-иностранцы не знали русского языка.

По сенатскому указу от 15 декабря 1763 г., при Казанской гимназии было приказано обучать 60 человек из разночинцев для приготовления их в канцелярское звание. В 1765, 1768 гг. число дворян и разночинцев было почти одинаковым (по 19 и 17 человек соответственно). Начиная с 1773 г. по 1786 гг. разночинцы составляли большинство учеников гимназии, превосходя численно в несколько раз представителей первого сословия. В последние годы перед закрытием гимназии (в 1788 и 1788 гг.) среди ее учеников дворян не было вовсе¹⁹. Причина уменьшения числа учащихся заключается в отсутствии достаточного финансирования гимназии со стороны Московского университета. Нужду терпели не только учителя гимназии, но и казенные воспитанники. Сокращение численности своекоштных воспитанников также способствовало уменьшению доходов гимназии.

Первым директором Казанской гимназии, или главным командиром, был назначен в январе 1759 г. «товарищ» куратора Московского университета И.И. Шувалова, ассессор Михаил Иванович Веревкин (1732–1795 гг.). Ему было в это время всего 26 лет. Быстрому продвижению по службе способствовало хорошее знание Веревкиным иностранных языков, умение быть хорошим собеседником и артистическим рассказчиком. «В столицах всегда приглашали его на обеды или вечера; хозяева сзывали гостей «на Веревкина»²⁰. В должности командира над Казанскими гимназиями он оставался до 20 октября 1761 г. Его последующая деятельность была связана с литературным творчеством: он писал комедии, плодотворно занимался переводами. Полное собрание сочинений Веревкина составляет около 150 томов²¹.

¹⁹ См. Приложение, таб. 1.

²⁰ Пинегин М.Н. Казань в ее прошлом и настоящем. Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города, с приложением кратких адресных сведений / М.Н.Пинегин. – Казань, 2005. – С. 250.

²¹ Пинегин М.Н. Указ. соч. – С. 251.

Веревкину принадлежит инициатива введения восточных языков в Казанской гимназии. Уже в первый год своего директорства, в 1759 г., он писал в Московский университет: «Здесь город есть главный целого царства татарского национального диалекта. Не повелено ли будет завести при гимназиях класс татарского языка: со временем на оном отыскиваемы будут многие манускрипты: правдоподобно, что оные подадут некоторый, может быть и не малый, свет в русской истории»²². Однако тогда предложение Веревкина было отклонено. Через десять лет, в 1769 г., Екатерина II, обращая внимание на необходимость хороших переводчиков с татарского языка на русский и обратно, повелела «учредить единожды навсегда при Казанской гимназии для охотников класс того языка и определить учителем оного старой и новой в Казани татарских слобод депутата и тамошней адмиралтейской конторы толмача Сагита Хальфина»²³. По мнению современных специалистов, введение татарского языка как учебного предмета предопределило начало становления тюркологии как научного направления в нашей стране²⁴.

Впоследствии, кроме татарского, в гимназии началось преподавание других восточных языков: арабского и персидского (с 1822 г.), монгольского (с 1833 г.), турецко-татарского (с 1835 г.), китайского (с 1838), армянского (с 1842 г.), маньчжурского (с 1845 г.).

Новая веха в истории преподавания восточных языков в гимназии началась в 1836 г. после утверждения и введения в действие «Положения о преподавании в Первой Казанской гимназии восточных языков». Оно заложило организационные и учебно-методические принципы системы востоковедческого образования в России. В соответствии с «Положением» в гимназии создавались три разряда: 1) арабский и персидский, 2) турецко-татарский и персидский, и 3) монгольский и турецко-татарский.

²² Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 39.

²³ Там же. – С. 45.

²⁴ Валеев Р.М. Восточные языки в Казанской первой гимназии (1769–1855 гг.) / Р.М.Валеев // Третья в России, первая в Казани: к 250-летию со дня основания Казанской первой гимназии / Науч. ред. М.Х.Салахов. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – С. 267.

Для четырех азиатских языков назначались учителя, для практического их изучения – надзиратели «из иноверцев, свободно объясняющихся на сих языках». В число казеннокоштных воспитанников для изучения восточных языков в гимназию могли приниматься «иноверцы, как-то: татары, буряты и другие»; лучшие учащиеся с разрешения попечителя округа могли продолжить свое образование в университете, «совершенствуясь в языках восточных». Из 80 гимназистов, воспитывавшихся за казенный счет, 14 могли обучаться восточным языкам: 4 чел. – арабскому и персидскому, 6 чел. – арабскому, турецко-татарскому и персидскому, 4 – монгольскому и турецко-татарскому²⁵.

В этом заключалось преимущество и главное отличие Казанской гимназии от других. Она была, по словам К. Фойгта, «поставлена рассадником для распространения познаний о Востоке, для поддержания непрерывных сношений с соседственными нам странами Азии и приготовления способных молодых людей, которые в обоих сих отношениях заслужили бы полное доверие правительства». «Восточные языки, скрывая в недрах своих еще много нетронутых рудников, драгоценных для филолога и историка, они с другой стороны представляют и ту выгоду, что могут со временем ускорить распространение дипломатических сношений нашего отечества с Востоком, оживить торговую деятельность и произвести назидательный обмен промышленных сведений»²⁶. Гимназия была базой подготовки студентов-востоковедов для университета. Оба учебных заведения взаимно дополняли друг друга и находились в тесной связи.

В первой половине XIX в. Казанская гимназия сыграла исключительную роль в преподавании мусульманских и центральноазиатских языков, став основным востоковедческим средним учебным заведением в России²⁷. В числе ее выпускников – «учителя восточных языков общеобразовательных учебных заведений империи, переводчики для ведомств управления восточными областями Российской империи», крупные ученые²⁸.

²⁵ Валеев Р.М. Указ. соч. – С. 276.

²⁶ Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 40.

²⁷ Валеев Р.М. Указ. соч. – С. 268, 273.

²⁸ Там же. – С. 272.

До 1855 г., – времени закрытия восточного отделения в гимназии – она воспитала ряд востоковедов, реализовавшихся не только на ученом, но и на административном поприще. Это Карл Карлович Фойгт (1808–1873 гг.) – доктор философии, профессор, попечитель Харьковского учебного округа (с 1867 г.), Александр Васильевич Попов (1808–1865 гг.) – монголовед, ординарный профессор монгольского языка в Казанском университете, главный инспектор всех учебных заведений министерства народного просвещения в Западной Сибири, Дорджи Банзаров (1822–1855 гг.) – чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири (в Иркутске)²⁹.

Первые три десятилетия своего существования (до 1786 г.) гимназия зависела от Московского университета: организационно, материально, методически. Крайняя нужда университета в средствах не позволяла ему оказывать помощь Казанской гимназии в должном объеме. В гимназии не было даже часов, необходимых для организации начала и окончания учебных занятий. Они будут куплены только в 1761 г. Между тем с 1760 г. по 1765 г. цены выросли, все становилось дороже. Веревкин был вынужден обратиться к родителям и родственникам гимназистов из среды разночинцев с призывом «присылать в гимназию припасы натурою».

В этот период гимназия, по мнению современников и исследователей, «пришла в самое отчаянное положение, не только со стороны учителей, терпевших крайнюю нужду от просрочек в выдаче жалованья, сколько от учеников, из которых в особенности лучшие... просили об увольнении их из гимназии. Дети достаточных дворян и разночинцев были взяты из гимназий от дурного товарищества, даже многие бедные родители, предпочтя сохранение нравственности наукам, помещали детей своих хотя на скудное же, но обеспеченное квартирою, пищею и одеждою, содержание в военную школу, где учение ограничивалось чтением и письмом»³⁰. В таком положении находились гимназии до января 1765 г., когда главным командиром был назначен надворный советник Юлий Иванович фон Каниц, оставшийся в этой должности до самой смерти 6 марта 1781 г.

²⁹ Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 41–44.

³⁰ Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 98–99.

Талантливый педагог и организатор, он сумел несколько упорядочить учебную и материальную часть гимназии, навести общий порядок и дисциплину³¹.

Он выступил с предложением реформирования казанских гимназий (1765 г.). В нем он писал, что цель правительства привлечь в гимназии детей помещиков не вполне достигается, и что «некоторые дворяне, по непростительному о детях своих нерадению, обыкли воспитывать их паче в деревнях своих без учителей и в грубости, нежели отправлять в посвященное место наукам и хорошему воспитанию». Каниц признавал весьма полезным «сенатским указом узаконить, чтоб такие люди некоторым образом принуждены были детей своих записывать в гимназии»³².

Он считал также необходимым ввести директора в состав губернской канцелярии: «1. для отправления чрез полицию и присутственные места тех учеников гимназии, которые выпускались из этого учебного заведения с аттестатами для отправления их на службу; 2. для правильного сбора денег, которые вносились в разные канцелярии приватными и публичными учителями для отправления этой суммы в Казанские гимназии, и 3. для надзора при зачислении в гимназии детей тех дворян, которые воспитывают их в деревнях без учителей и «в дикости», как выразился фон Каниц»³³. Таким образом, в проекте Каниц поднял ряд проблем: привлечение детей дворян в число учащихся гимназии, распределение выпускников гимназии на службу и решение материальных проблем учебного заведения.

Представляют интерес взгляды директора гимназии на предметы, необходимые не только ученому человеку, «но и в военной, и гражданской службе нужные». Всего им перечисляется 22 учебные дисциплины. Среди них 6 языков, не считая русского (латинский, французский, немецкий, итальянский, греческий, еврейский). Все предложенные Каницем в 1765 г. науки и искусства, за исключением еврейского и итальянского

³¹ Королев В.С. Первая Казанская гимназия / В.С.Королев. – Казань, 2008. – С. 6.

³² Артемьев А.И. Указ. соч. – С.74.

³³ Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 122.

языков, будут преподаваться в гимназии по штату 1798 г. при императоре Павле I.

Однако, несмотря на все усилия правительства, в Казанской гимназии не удалось обеспечить высокое качество подготовки гимназистов, достигнутое в Москве, из-за недостатка средств и кадров. Директор Академии наук В.Г. Орлов, посетив в 1767 г. Казань, писал: «31 мая был я в гимназии, которую в очень дурном состоянии нашел, где 12 учителей, а учащихся всего с 40. Они говорили речи: на немецком, французском, русском и латинском языках, успехи учащихся очень несовершенны, как я сам их свидетельствовал»³⁴. Тем не менее, уровень самой Казанской гимназии по сравнению с другими русскими провинциальными городами был просто недостижим из-за отсутствия в этих городах каких бы то ни было общеобразовательных учебных заведений.

Во время штурма Казани пугачевцами в июле 1774 г. гимназия понесла значительные убытки: сгорел гимназический дом, богатейшая библиотека директора гимназии фон Каница, состоявшая из 980 русских и иностранных книг, была разграблена его квартира. Было убито несколько учителей. У некоторых преподавателей погибли родные, сгорели научные труды, и они не могли продолжать службу в гимназии. Тяжелым было и положение учащихся. На протяжении последующего десятилетия гимназия не смогла восстановить в должной мере свою материально-техническую базу и учебно-воспитательный процесс, хотя для этого многое делалось руководством гимназии и губернии³⁵.

Ситуация не изменилась после указа 1785 г. об учреждении в России народных училищ. В соответствии с ним Казанские гимназии, дворянская и разночинская, перешли в ведение казанского приказа общественного призрения, с тем, «чтобы учение, в оных преподаваемое, соображаемо было с правилами для прочих народных училищ, заимствуя потребные в том наставления от комиссии для установления народных училищ, в

³⁴ Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. / Л.М.Артамонова. – Самара, 2001. – С. 29.

³⁵ Ермолаев И.П., Ермолаев А.И. Указ. соч. – С. 165–167.

Санкт-Петербургской столице учрежденной»³⁶. В здании гимназии разместилось Главное народное училище. У приказа было недостаточно средств для финансирования двух общеобразовательных учреждений и в 1788 г. гимназия закрылась. Главное народное училище, куда перешли ученики гимназии, не могло заменить для Казани, «и в особенности для его дворянства, прежней университетской гимназии, которая в течение всего XVIII века воспитала много дворянских детей и постоянно старалась угождать не только сословному чувству, сильному в то время, отделением дворянских детей от разночинцев, но и вкусу дворянства заботами о языках, о наружности и формах, о светских манерах и проч. Ничего этого не было в народном училище, где сливались сословия, преподавался только один, и к тому же немецкий язык, и ни одного из предметов, приготовлявших к главному служебному поприщу дворянского сословия – военному»³⁷.

После закрытия гимназии в 1788 г., в течение последующих десяти лет, в Казани, кроме Главного народного училища, не было общеобразовательных светских учебных заведений, не считая частного пансиона выпускника одного из немецких университетов Мельхиора Вюльфинга. До конца XVIII в. его пансион был единственным в Казани привилегированным учебным заведением для детей обоюбого пола из состоятельных дворянских и купеческих семей³⁸. Обучение в нем было недоступно большинству провинциального дворянства, вынужденного довольствоваться услугами частных учителей, или отправлять детей в Москву или С.-Петербург в кадетский корпус, или в гимназии Московского университета.

Поэтому военный губернатор кн. П.С. Мещерский, поддерживая желание казанского дворянства, в 1797 г. обратился к Павлу I о восстановлении гимназии. Во время визита в Казань император подписал указ от 29 мая 1798 г., по которому гим-

³⁶ Владимирова В.В. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 6.

³⁷ Цит. по: Ермолаев И.П., Ермолаев А.И. Указ. соч. – С. 185.

³⁸ Подробнее см.: Фролова С.А. Учителя Казанской гимназии – основатели частных пансионатов (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) / С.А.Фролова // Третья в России, первая в Казани: к 250-летию со дня основания Казанской первой гимназии / Науч. ред. М.Х.Салахов. – Казань: изд-во Казан. ун-та, 2008. – С. 292–304.

назия возобновила свою деятельность. «Положением», утвержденным Павлом I в этом же году, гимназия руководствовалась до утверждения устава учебных заведений 1828 г., по которому была преобразована только в июле 1835 г.

Первоначальная цель гимназии была изменена: «предмет воспитания и учения в гимназии полагается тот, чтоб со временем можно было получать людей, способных к отправлению должностей как военной, так и штатской службы». Сообразно такому назначению гимназии, в ней положено было преподавать: «1. катехизис греко-российского исповедания; 2. логику; 3. нравоучение или практическую философию; 4. историю священную, гражданскую и в особенности историю Российского государства, географию всеобщую, а наипаче географию Российской империи, географию математическую; 5. арифметику; 6. геометрию; 7. тригонометрию; 8. алгебру; 9. высшим частям чистой математики; 10. механику и другие части смешанной математики; 11. гражданскую архитектуру; 12. артиллерию; 13. фортификацию; 14. тактику; 15. физику; 16. химию; 17. гидравлику; 18. натуральную историю; 19. земледелие; 20. законоискусство и наиболее практическое; 21. языки: 1) российский, 2) славянский, 3) латинский, 4) немецкий, 5) французский, 6) татарский; 22. рисовальное художество; 23. танцевальное искусство; 24. фехтовальное; 25. музыку»³⁹. Против прежнего времени существенно было увеличено количество математических и специальных дисциплин, в том числе военно-профессиональной направленности, рассчитанных на подготовку гимназистов к военной и гражданской службе.

Гимназии была свойственна многопредметность и жесткая дисциплина. Задача воспитания в гимназии состояла не только в том, «чтоб ученики получали сведения в науках, но чтоб образовывали душу по добрым и благу общественному полезным правилам»⁴⁰. Таким образом, на первое место выдвигалось умственное воспитание, в прямую зависимость от него ставилось нравственное.

Уже в этот период программа Казанской гимназии носила энциклопедический характер. Он будет присущ другим гимна-

³⁹ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. 25. – С. 262.

⁴⁰ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. 25. – С. 262, 264.

зиям, учрежденным по реформе 1804 г. Против такой программы выступало российское дворянство, считая, что она непрактична, таит опасности полуобразованности. Известный политический деятель Жозеф де Местр, принимавший участие в разработке «Устава» Царскосельского лицея, тоже был против «энциклопедического бешенства»⁴¹. Шлецер, Ф.А. Вольф, а также швейцарский гуманист и педагог-реформатор Песталоцци, пользовавшийся в то время влиянием в Европе, также ратовали против моды на энциклопедизм гимназического образования⁴².

Преподавательский состав гимназии того времени составляли в большинстве своем отечественные ученые, преподавание велось на русском языке. При открытии гимназии в 1798 г. из 19 учителей почти половина (9) – воспитанники Московского университета.

В гимназию принимались дети не моложе 8 и не старше 14 лет, «кои писать и читать по-русски обучены». Для поощрения учащихся правительство гарантировало выпускникам гимназии преимущества при поступлении их на службу. Гимназисты, окончившие с успехом курс гимназии, выпускались с аттестатом, по которому «имели право, спустя 3 года по вступлении своем в действительную службу, получать обер-офицерские чины, ибо ученики, обучаясь в гимназии, теряют то время, в которое, будучи в службе, по старшинству своему получали бы уже награждения». Руководство гимназии должно было стараться, чтобы ученики «прежде окончания курса из гимназии не выходили». Хотя, «снисходя крайним нуждам, ученики и прежде окончания курса выпускаются с аттестатами, приличными их прилежанию и успехам, но без той привилегии, какую получают окончившие уже курс учения»⁴³.

В этот период гимназия получила большое помещение в губернаторском доме на Воскресенской улице, ей была передана библиотека крупного государственного деятеля, сподвижника

⁴¹ Рославлев Д.А. Жозеф де Местр о целях и перспективах просвещения в России / Д.А. Рославлев // Человек эпохи просвещения. – М.: Наука, 1999. – С. 197.

⁴² Виттекер Ц.Х. Граф С.С. Уваров и его время / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой / Ц.Х. Виттекер. – СПб., 1999. – С. 77.

⁴³ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т.25. – С. 264.

Екатерины II, кн. Г.А. Потемкина-Таврического. По сути, это была частная коллекция, включавшая собрание книг, рукописей, металлов, минералов, картин и разные физические инструменты. Она была привезена в Казань в марте 1799 г. на 18 подводках общим весом в 429 пудов (т.е. почти 7 тонн)⁴⁴.

26 ноября 1798 г. «книги на разных языках и разных форматах, всего семьсот четыре» отдал «вечно в пользу Императорской Казанской гимназии» надворный советник В.И. Полянский (1742–1800)⁴⁵. Он служил секретарем Петербургской Академии Художеств, путешествовал по Европе, познакомился и подружился с французским писателем и философом Вольтером. В настоящее время собрания Потемкина и Полянского являются составной частью Научной библиотеки Казанского университета.

После реформирования системы образования в начале XIX в. и создания университета в Казани целевое назначение Казанской гимназии изменилось. «Сообразно уставу учебных заведений, найдено нужным поставить целью и для Казанской гимназии приготовление юношества к университетским наукам»⁴⁶. Хотя гимназия формально продолжала существование по «Положению» 1798 г., в ней признавалось ненужным преподавание ряда специальных предметов, готовивших к военной или гражданской службе⁴⁷.

С созданием в 1803 г. Казанского учебного округа (КУО) на его территории было открыто девять гимназий: Пензенская (1804), Иркутская (1805), Астраханская (1806), Нижегородская и Пермская (1808), Симбирская (1809), Тобольская (1810), Вятская (1811), Саратовская (1820). Для них Казанская гимназия стала своеобразным образцом, отличаясь не только организационно, но и своим педагогическим составом и численностью воспитанников. В первой четверти XIX в. Казанская гимназия оставалась самой многочисленной из всех гимназий КУО.

⁴⁴ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 141. Л. 18, 18об., 38.

⁴⁵ Там же. – Л. 120 об.

⁴⁶ Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 2. – Отд. 2. – С. 2.

⁴⁷ Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 8.

Таблица 1

**Динамика численности учеников в Казанской гимназии
в первой четверти XIX в.**

Год	Численность учеников в Казанской гимназии		Всего учеников в гимназиях КУО (чел.)
	(чел.)	%	
1808	141	38	368
1812	208	46	452
1821	226	46	490
1822	226	40	556
1825	250	39	639

Источник: Лексина Ю.А. Гимназии Казанского учебного округа в первой четверти XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 1997. – С. 153.

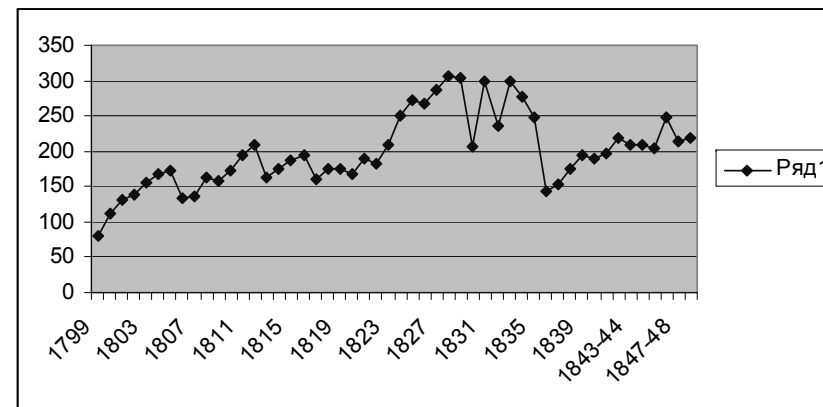
Численность гимназистов за три десятилетия (с 1799 г. по 1828 г.) возросла почти в 4 раза – с 80 до 307 чел. Наиболее активный рост происходил в первое десятилетие, когда количество учащихся увеличилось в два раза, достигнув к 1809 г. 158 чел. В следующее десятилетие темпы роста снизились. Они снова возросли в 1819 г. Думается, это было связано с расширением учебных площадей гимназии в связи с переездом в собственное помещение на Воздвиженской улице (ныне ул. К.Маркса, 10)⁴⁸. С началом гимназической реформы в 1828 г. количество гимназистов постепенно уменьшается и резко сокращается в 1836 г. (в 1,7 раза), по сравнению с предшествующим годом. Это произошло из-за открытия в Казани в 1835 г. второй гимназии, через тридцать лет преобразованной в реальную. В последующие годы число воспитанников Первой Казанской гимназии возрастет, достигнув 326 чел. в 1859–60 уч. г.⁴⁹

⁴⁸ Сейчас в здании располагается Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева.

⁴⁹ См. Приложение, таб. 2 и 6.

Всего за 150 лет существования гимназии (с 1758 по 1788 гг., с 1798 по 1918 гг.) в ней училось 18385 чел.⁵⁰

Численность учащихся гимназии с 1799 г. по 1848 г.

Выпускники гимназии, особенно в первые годы существования университета, были основным источником формирования студенческого контингента Казанского университета. С 1805 г. по 1825 г. поступило в студенты 271 чел., в учителя – 34 чел.⁵¹ Всего с 1805 по 1835 г. из 1038 студентов университета 444 чел. (42,8%) были выпускниками Казанской гимназии. С открытием других гимназий в округе доля выпускников Казанской гимназии постепенно снижается до 13–15%. Тем не менее, выпускники этого учебного заведения составляли самую многочисленную группу студентов университета по сравнению с выпускниками других учебных заведений⁵².

Н.В. Веригин, обучавшийся в Казанской гимназии с 1805 по 1813 годы, так же как и С.Т. Аксаков, отмечает недостаточную подготовленность первых студентов к университетским занятиям. Он не упрекает учителей в том, что «они были невнима-

⁵⁰ Цит. по: Лексина Ю.А. Выпускники Императорской Казанской первой гимназии (1868–1918); ее же. Первый юбилей (год 1868-й) / Ю.А.Лексина // Третья в России, первая в Казани... – С. 170, 256.

⁵¹ Владимиров В.В. Указ.соч. – Ч. 2. – Отд. 2. – С. 141.

⁵² Лексина Ю.А. Первый юбилей (год 1868-й) / Ю.А.Лексина // Третья в России, первая в Казани... – С. 256.

тельны к успехам и нерадению учащихся, что не умели растолковать детям для будущей их жизни пользу науки и выгоду хорошего поведения». «Большая часть учителей, – вспоминал Веригин, – ... все средства употребляла, чтобы мы учились хорошо, но в крови русского ребенка еще нет той усидчивости, которая требуется для науки, а без терпения и с хорошими способностями не приобретет положительных сведений учащийся в каком бы то ни было учебном заведении»⁵³. В гимназии заставляли Веригина садиться за уроки страх наказания (оставление без обеда, карцер). В университете «не было таких понуждений и оттого лень, невнимание к преподаваниям профессоров шли со мною об руку до конца 1815 года, когда я оставил университет и счел за лучшее поступить на военную службу»⁵⁴. Одновременно с Веригиным «вышли из Казанской гимназии для поступления... в военную службу» братья Жуковские, Иван и Григорий Васильевичи. Они были помещены во второй кадетский корпус. Впоследствии один из них стал золотопромышленником, второй, Григорий, симферопольским военным губернатором в чине генерал-лейтенанта⁵⁵. Сам Веригин поступил на службу в Дворянский полк, где уже служили другие выпускники Казанской гимназии Бобылев и Кожевников⁵⁶.

С 1814 г. по 1819 г. было несколько проектов реформирования гимназии, но ни один из них не был утвержден. Один из таких проектов составлялся при участии попечителя КУО Магницкого.

14 июня 1819 г. Главное Правление училищ, рассмотрев отчет Магницкого о ревизии Казанского университета, в одном из пунктов постановления предписало попечителю «заняться составлением проекта лучшего образования гимназии, которая бы заменила собой и нынешнюю Императорскую гимназию, и Главное народное училище»⁵⁷.

⁵³ Веригин Н.В. Записки / Н.В.Веригин // Русская старина. – 1892. – Т.76. – №10. – С. 49.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. – С. 50.

⁵⁶ Там же. – С. 51, 54.

⁵⁷ Сборник постановлений по МНП. – Т.1. – СПб., 1864. – Стб.1174. В 1815 г. попечитель предписал Совету университета, на основании предложения

М.Л. Магницкий поручил составить проект преобразования Казанской гимназии директору университета, статскому советнику А.П. Владимирскому. В создании проекта принимал участие ректор университета Г.Б. Никольский⁵⁸. Внес свои правки и попечитель округа. Через два года проект был готов и 28 июня 1821 г. «Проект устава гимназии Императорского Казанского университета» вместе с «Исторической запиской о Казанской гимназии», «Инструкцией директору гимназии...» был представлен на рассмотрение министра.

Казанская гимназия, подобно Московской, должна была стать гимназией университетской, т.е. главной поставщицей «благонравных и образованных студентов» (§ 3). В своем внутреннем устройстве она, по примеру С.–Петербургской, должна была вместить собственно губернскую гимназию, уездное и приходское училище (§ 4). Главное народное училище подлежало упразднению (§ 7). Курс обучения в гимназии продолжался 7 лет (§ 18)⁵⁹.

В гимназии, по мнению авторов «Проекта», кроме 60 казенных воспитанников, должны были обучаться «40 своекоштных или пансионеров и полупансионеров» (§ 11)⁶⁰. Для этих последних, согласно § 16, при гимназии полагалось иметь **дворянский пансион**⁶¹. Его устройству посвящено отдельное, X отделение «Проекта» – «О гимназическом пансионе». Он предназначался «для детей действительных и личных дворян, так же и для

министра, составить новый план и штат для казанской гимназии в соответствии с «Уставом учебных заведений, подведомых университетам». Через два года опять возникла мысль о преобразовании гимназии собственно по учебной части, по примеру преобразования Петербургской гимназии. Для этого совет университета прислал для соображения совету гимназии выписку из журнала главного правления от 1-го марта 1817 г. Но казанская гимназия не была преобразована до устава 1828 г. (Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 2. – Отд. 2. – Казань, 1868. – С. 89–90).

⁵⁸ Это следует из текста представления Магницкого: «Директор университета ст. сов. Владимирский представил мне порученное ему преобразование Казанской гимназии... Я удерживаюсь от похвал директору и ректору Казанского университета, коих совокупный труд ныне представляю». (РГИА. Ф. 733. Оп. 39 Д. 371. Л.1–1 об).

⁵⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 371. Л. 2 об.–3 об., 5 об.

⁶⁰ Там же. – Л. 3.

⁶¹ Там же. – Л. 4.

почетного купечества» (§ 109)⁶². Подобный социальный состав воспитанников пансиона не позволяет назвать его дворянским. В традициях того времени – это «пансион для детей мужского пола благородных родителей и почетного купечества». Думается, что противоречие между упомянутым в начале «Проекта» названием пансиона и социальным составом учащихся может объясняться, с одной стороны, недосмотром Магницкого, вносившего окончательные правки, с другой, отсутствием у составителей «Проекта» единства во взглядах на пансион.

В пансион, так же как и в гимназию, принимались дети не моложе 12 и не старше 15 лет (§ 111), только христианского вероисповедания (!). «Предметы обучения и нравственное образование воспитанников пансиона суть те же, как и в гимназии» (§ 114). Прием «в самые даже низшие классы» осуществлялся «судя по предварительным их (поступающих – Ф.С.) познаниям» (§ 115)⁶³. Имелось ограничение для приходящих учеников – их принимали только в высшие классы (с 4го). Слабые ученики могли оставаться в пансионе «произвольное время, зависящее от расположения их родителей и опекунов» (§ 116)⁶⁴. Отличнейшие воспитанники пансиона, «по окончании гимназического курса, если и пожелают для усовершенствования себя перейти в университет, то по окончании курса в оном, при поступлении в гражданскую службу, пользуются 14^м классом» (§ 118)⁶⁵. Последнее показывает, что составители проекта, будучи в курсе обсуждения вопроса о сравнении в правах выпускников Петербургского и Московского университетов и пансионов при них, опирались на «Положение о производстве в ученые степени» от 20 января 1819 г. и не стремились присвоить выпускникам пансиона особые преимущества по службе.

Ученый Комитет Главного Правления училищ на своем заседании от 25 сентября 1821 г. постановил разослать проект Магницкого на рассмотрение трем своим членам: гр. И.С. Лавалю, Д.П. Руничу, Н.Н. Фусу⁶⁶. Дальнейшее прохождение про-

⁶² Там же. – Л. 20.

⁶³ РГИА. Ф.733. Оп.39. Д.371. Л. 20–20 об.

⁶⁴ Там же. – Л. 21.

⁶⁵ Там же. – Л. 21 об.

⁶⁶ Там же. – Л. 43.

екта преобразования гимназии по инстанциям являет собой пример бюрократизма и волокиты в учебном деле⁶⁷. Оно так и не было решено.

Одна из существенных проблем в истории Казанской гимназии, так же как и в истории других учебных заведений России, состояла в том, что незначительное число учащихся выпускалось из учебного заведения, закончив его. С 1827 по 1841 г. из Казанской гимназии выбыло до окончания курса 585 учащихся (67%), и только 289 (33%) после окончания курса. Среди выбывших 80% оставили гимназию «по своей и родительской воле», 16% исключены «за дурное поведение», 4% (20 чел.) – умерло⁶⁸. Аналогичная ситуация была в других гимназиях КУО. По ведомостям за 1818 г., в нижегородской гимназии из 45 воспитанников было выпущено – 2, в симбирской из 36 – 4, в астраханской из 53 – 3, в вятской из 43 – 4, в пермской из 21 – 2, в иркутской из 25 – 2, в тобольской из 16 – ни одного⁶⁹. Так же обстояло дело и в уездных училищах, где вообще не было ни одного выпускника! Исследовав ситуацию, Совет университета выделил четыре причины этого явления. Во-первых, ограниченность самих родителей, в основном «из низших и средних состояний», желавших «обучить детей своих только чтению, письму и начальным правилам арифметики, почитая другие

⁶⁷ Рассмотрев на своем заседании 17 декабря 1821 г. мнения Лавалю и Фуса, Ученый Комитет постановил представить министру, что он «полагает оба вышеозначенные мнения препроводить в подлиннике к попечителю округа». 7 января 1822 г. членам комитета сообщили, что министр согласен с решением Комитета и разрешает «препроводить оные мнения попечителю на соображение и ожидать на сие отзыва его для дальнейшего заключения по сему делу». 20 января в Главном Правлении училищ было выслушано мнение Магницкого и утверждены изменения в проекте, 4 марта поручено А.С.Стурдзе представить свое мнение о расписании учебных предметов; в августе из-за его отъезда дело поручено Фусу, 11 января 1823 г. Устав гимназии и штат были одобрены Главным Правлением и с февраля 1823 г. находились у министра, но их утверждения не последовало.

⁶⁸ Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 2. – Отд. 2. Приложение. «Ведомость об учениках первой Казанской гимназии» с 1827 по 1842 г.

⁶⁹ Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. – Т. 3 / Н.П.Загоскин. – Казань, 1904. – С. 219.

науки для них излишними». Не устраивала родителей 7-летняя продолжительность полного среднего образовательного курса (1 год в приходском училище, 2 – в уездном и 4 – в гимназии). Поскольку они, как «люди бедные», никак не могли «так долго воспитывать детей своих на собственном иждивении» и брали их прежде окончания курса обучения⁷⁰.

Вторая причина заключалась, по мнению Совета, в том, что дети дворянского сословия «почти нигде не поступают в уездные училища и гимназии по разным причинам». Главнейшие из них: «а) что они опасаются унизиться, смешавшись с простолюдинством, и б) что по большей части отправляют детей своих в кадетские корпуса и другие учебные заведения, где они скорее достигают своей цели, то есть первого обер-офицерского чина». Поэтому «гимназии и уездные училища не числят учениками своими тех самых, которые имеют все средства к наилучшему воспитанию и содержанию со стороны своих родителей, и, напротив того, принимают в недра свои самую большую часть учащихся из состояний средних и простолюдинства, которые довольны и самым малым образованием»⁷¹. Поэтому Совет предлагал ввести за правило, чтобы дети дворян «не были принимаемы в дворянский полк и в кавалерийский учебный эскадрон, при корпусе находящийся», без представления свидетельства об окончании ими с похвалою учения в какой-либо гимназии, и, «в угождение дворянству», устроить при уездных училищах особые классы для дворянских детей⁷².

Третью причину университет видел в «духе старообрядства и раскола». Старообрядцы, по мнению профессоров, «охотнее вверяют детей своих для обучения какому ни есть простолюдину их толка, едва умеющему читать по церковной печати, нежели общественным учебным заведениям, особенно потому, что в них заменены старинные азбуки церковной печати, – часослов и псалтырь, – другими учебными книгами гражданской печати, а потому старообрядцы и староверы имеют опасение, что бы дети

⁷⁰ Там же. – С. 220.

⁷¹ Загоскин Н.П. Указ. соч. – С. 220.

⁷² Там же. – С. 223.

их, обучившись по новым книгам, не оставили древних отеческих обычаев и нравов»⁷³.

Четвертую причину малого вообще количества воспитанников в общественных учебных заведениях Совет находил в весьма значительной распространенности частного, внешкольного обучения⁷⁴.

В 1826 г. министр народного просвещения А.С. Шишков вынужден был констатировать: «Отец хочет видеть сына своего скорее пристроенным к какому бы то ни было месту, с некоторым званием в обществе, и гораздо скорее и надежнее достигает сего, не обучая его ничему, кроме первоначальных сведений... Молодого человека с столь ограниченным образованием стоит только записать в какое-либо присутственное место канцеляристом и чрез три года он будет офицером. Для чего же потеряет он пять или шесть лет на обучение в уездном училище и гимназии? Кончившим учебное образование в сих заведениях не предоставлено никакой особой выгоды. Известно, что 24-я статья «Высочайше утвержденных правил народного просвещения», чтобы чрез пять лет по устройении училищной части в какой-либо губернии никто не был определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище, ни по одному ведомству не исполняется; да и привести вдруг сию статью в исполнение по многим отношениям затруднительно»⁷⁵.

Подтверждение описанной министром ситуации находим в «Записках» В.А. Инсарского⁷⁶. «В числе различных отступлений от закона, существовавших в то время, было и такое, что мальчика, едва принявшегося за грамоту, старались уже зачислить на службу. Мой отец, в этом отношении, бесспорно, был счастливее других. Едва-ли не в одно время с поручением меня первым из моих домашних учителей, он успел определить меня в местный уездный суд, когда мне было только восемь лет. Таким образом, учение шло своим чередом, а счет службы своим. В 12 лет, когда

⁷³ Там же. – С. 220.

⁷⁴ Там же. – С. 221.

⁷⁵ РГИА. Ф. 737. Оп.1. Д. 6. Л. 9–9об.

⁷⁶ Впоследствии В.А. Инсарский стал директором канцелярии Кавказского наместника и московским почт-директором.

едва ли я умел писать правильно, я был уже произведен в офицеры... во время нахождения моего в местной гимназии, я уже состоял, кажется в чине губернского секретаря (12 чин по «Табели о рангах» – Ф.С.), и это обстоятельство значительно пугало мысли сколько учебного начальства, столько и моего отца, который желал это быстрое преуспеяние мое в гражданских чинах употребить с вящею пользою»⁷⁷. Отец взял сына из гимназии и определил в департамент государственных имуществ Сената.

Преодолеть подобные настроения должна была реформа гимназий, проводимая по «Уставу гимназий и училищ уездных и приходских состоящих в ведомстве университетов» от 8 декабря 1828 г. Преобразование Казанской гимназии по этому уставу последовало 12 июля 1835 г. Тогда же в Казани учреждается еще одна гимназия, получившая название Второй.

Цель гимназий по «Уставу» была двоякая: «доставить способы приличного по званию их воспитания тем из молодых людей, кои не намерены, или не могут продолжать учение в университетах; а готовящихся вступать в оные снабдить необходимыми для сего предварительными знаниями»⁷⁸.

В отличие от «Положения» гимназии 1798 г. программа обучения приобрела общеобразовательный характер. Предметы обучения были следующие: 1. Закон Божий, Священная и церковная история; 2. российская грамматика, словесность и логика; 3. языки: латинский, немецкий и французский (с 1837 г. по 1842 г. – английский язык)⁷⁹; 4. математика до конических сечений включительно; 5. география и статистика; 6. история; 7. физика; 8. чистописание, черчение и рисование⁸⁰. Исключительное преимущество Казанской гимназии перед другими учебными заведениями округа состояло в преподавании в ней греческого языка и восточных языков⁸¹. Продолжительность обучения в гимназии была увеличена с четырех до семи лет, в

⁷⁷ Инсарский В.А. Записки / В.А.Инсарский // Русская старина. – 1894. – Т.81. – №1. – С.8.

⁷⁸ Сборник постановлений по МНП. – Т.2. – Отд. 1. – СПб., 1875. – Стб.225.

⁷⁹ Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 10.

⁸⁰ Сборник постановлений по МНП. – Т. 2. – Отд. 1. – Стб.227.

⁸¹ Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 10.

этом случае выпускники поступали на службу восемнадцати лет, а не пятнадцати, как прежде, и притом более образованными. При гимназии создавался пансион для дворянских детей.

Главной особенностью гимназической программы стал уклон в классические дисциплины. Заметим, что изучение классических дисциплин не было особенностью только российской образовательной системы. На протяжении 30-х гг. XIX в. это оставалось общеевропейской традицией в среднем образовании. «Классическое образование ценили, – пишет американская исследовательница Ц. Виттекер, – как способствующее гармоничному интеллектуальному и нравственному развитию личности, полагая, что оно оттачивает ум, дает знания об античности как высочайшем достижении цивилизации и готовит учащихся к занятиям в университете, а заодно являет им примеры чести, долга, служения государству – добродетелей правящего класса»⁸².

Выпускники гимназии получали преимущества по службе. Согласно § 234 «Устава» 1828 г., «окончившие полный курс учения в гимназии и удостоенные похвальных аттестатов принимаются в гражданскую службу предпочтительно тем, кои не обучались в гимназиях, или других, по крайней мере равных оным по предметам преподавания, учебных заведениях; они определяются на места канцелярских служителей высшего разряда; сверх того, для них сокращаются одним годом установленные Высочайше утвержденным 14 октября 1827 года положением о канцелярских служителях сроки производства, и родовые дворяне поступают в первый классный чин через год, дети дворян личных – через три года, а прочие – чрез пять лет действительной службы»⁸³. Если успешный выпускник, кроме прочих предметов, обучался греческому языку, он определялся в гражданскую службу прямо 14-м классом (§ 235)⁸⁴. Стремясь привлечь в гимназии больше учеников и сократить влияние частного образования, правительство ограничило возможности получения учащимися аттестата. Только те, кто обучался в гимназии, по крайней мере в 4-х высших классах, мог рассчитывать на получение аттестата.

⁸² Виттекер Ц.Х. Указ. соч. – С.168.

⁸³ Сборник постановлений по МНП. – Т.2. – Отд. 1. – Стб.241.

⁸⁴ Там же.

Вышеназванные преобразования позитивно отразились на численности выпускников Первой Казанской гимназии. Во второй четверти XIX в. окончили гимназию с аттестатами 615 человек (с 1827 по 1861 гг.), из них 289 чел. (47%) с 1827 по 1841 гг. и 326 чел. (53%) – с 1843 по 1861 гг. С 1827 по 1841 г. только 7 чел. (2%) при выпуске получили аттестаты с правом на первый классный чин, большинство – 95% (276 чел.) – окончили «с аттестатами, но без прав». Из выпускников гимназии этого времени 43% поступили для дальнейшего обучения в высшие учебные заведения. С конца 1840-х до начала 1860-х гг. доля выпускников, получивших аттестаты, дающие им право на классные чины, возросла в 12 раз по сравнению с предшествующим периодом и составила 38% (84 чел.) от общего числа получивших аттестаты. Количество поступивших в вузы тоже увеличилось и составило 140 чел. (63%)⁸⁵. Всего с 1802 по 1867 г. гимназию окончило 1037 чел. К ним, по мнению Ю.А. Лексиной, следует добавить лиц, окончивших гимназию в XVIII – начале XIX в. «Их имена и общее количество в настоящее время остаются неизвестными»⁸⁶.

Социальный состав гимназии был следующим. В 1819 г. из 275 человек, учившихся в гимназии, дети дворян составляли только треть всего числа учащихся (75 человек)⁸⁷. Со второй четверти XIX в. Казанская гимназия по социальному составу стала дворянской. Из таблиц со сведениями о приеме в это учебное заведение и численности учащихся за 1848–1860 гг. видно, что дети дворян и чиновников составляли, в большинстве случаев, более 70% учащихся (от 54% до 94% всех учеников гимназии)⁸⁸.

Учитель гимназии и ее историограф В.В. Владимиров считал, что, в отличие от других учебных заведений КУО Первая Казанская гимназия имела особые преимущества «для доставления лучшего образования обучающимся в ней: 1) находясь в центре учебного округа, в университетском городе,

⁸⁵ См. Приложение, таб. 3–4.

⁸⁶ Лексина Ю.А. Первый юбилей (год 1868-й) / Ю.А.Лексина // Третья в России, первая в Казани... – С. 256.

⁸⁷ Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 2. – Отд. 2. – С. 141.

⁸⁸ См. Приложение, таб. 5–6.

гимназия бывает посещаемая высшим начальством округа очень часто в течение учебного года, что заставляет каждого учителя гимназии аккуратно готовиться к урокам и следить за педагогической литературой своего предмета. 2) Состав преподавателей может быть весьма удачен в выборе наставников в педагогическом отношении: вакантные места учителей замещались прежде преимущественно наставниками других гимназий округа, которые сделались известными высшему начальству его во время ревизии за свои педагогические труды и усердные занятия. 3) Нередко некоторые учителя наук и новейших языков занимали в то же время и кафедры в здешнем университете»⁸⁹. Например, в 40-е–60-е гг. в гимназии работали многие профессора и адъюнкты университета: словесники К.К. Фойгт, Н.Н. Булич, Г.Я. Лукашевский, М.П. Петровский, математики А.Ф. Попов, В.Г. Имшенецкий, Э.П. Янишевский, И.А. Больцани, А.К. Жбиковский и др.⁹⁰ «4) Младшими учителями русской грамматики и географии назначались лица, оказавшие особые познания в Испытательном комитете при университете. 5) Так как при гимназии состоит пансион, то учителя имеют возможность посещать вечерние занятия воспитанников и помогать им в занятиях; что исполнялось некоторыми наставниками... с особенным желанием... 6) Сближение гимназии с университетом может происходить посредством посещения уроков в гимназии профессорами»⁹¹.

Отличал гимназию многонациональный состав воспитанников («разнокалиберная масса воспитанников, составленная из разных национальностей и вероисповеданий»). Поскольку в гимназии обучали восточным языкам, в ней находились, «кроме местных татар, дети башкиро-мещерякского войска и других инородцев Сибири и Оренбургского края»⁹². Так как в городе было много чиновников католического и лютеранского вероисповеданий, то в гимназии всегда были ученики этих вероисповеданий. Например, в 1841 г., кроме русских, среди учени-

⁸⁹ Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 3. – С. 351–352.

⁹⁰ Королев В.С. Указ. соч. – С. 21.

⁹¹ Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 3. – С. 351–352.

⁹² Там же. – С. 353.

ков гимназии были немцы, французы, англичане, татары, башкиры, мещеряки и буряты.

Принятие в гимназию учеников из поляков ограничивалось несколько раз особыми распоряжениями Министерства народного просвещения. Тем не менее, в 1853–54 учебном году в гимназии обучалось 7 поляков, 1854–55 уч. г. – 5, 1855–56 уч. г. – 6, 1856–57 уч. г. – 4, 1857–58 уч. г. – 2, 1858–59 уч. г. – 4, 1859–60 уч. г. – 9, 1860–61 уч. г. – 7, 1861–62 уч. г. – 5, 1862–63 уч. г. – 3. «Ученики Царства Польского выпускались из гимназии 14 классом только за успехи в русской словесности»⁹³.

С 1818 г. по 1857 г. гимназия с пансионом при ней «служила местом воспитания детей инородцев Сибири и Оренбургского края», поскольку в ней обучались кантонисты. Они предназначались для занятия учительских должностей по отделениям военных кантонистов и в переводчики по восточным языкам для военного ведомства. Их обучали всем предметам гимназического курса, за исключением латинского, французского и немецкого языков, а также преподавали восточные языки. Кантонисты резко отличались своим положением от учеников других сословий: дети народов Сибири и Оренбургского края (башкир, бурят, киргизов и т.п.) присылались в Казань нередко едва понимающими русский язык. По воспоминаниям одного из учеников гимназии, «класса с четвертого они начинали отстаивать, и из десяти человек добирался до седьмого класса один или два. Никто их не развлекал, не учил думать, а директор называл их прямо дикарями»⁹⁴.

С 1818 по 1857 г. в гимназии ежегодно обучалось до 12-ти человек и более кантонистов. Всего за этот период через казанское учебное заведение прошло 625 человек. Из них курс заканчивали единицы (всего за четыре десятилетия 28 чел.) Значительная часть их отчислялась за «неспособность и неуспешность». Причинами этого было невнимание военного начальства к нуждам учащихся кантонистов, несвоевременное снабжение их учебными пособиями, а главным «было нераспо-

⁹³ Владимирова В.В. Указ. соч. – Ч. 3. – С. 353.

⁹⁴ Клеменц Д.А. Из прошлого / Д.А.Клеменц. – Л.: «Колос», 1925. – С. 89.

ложение к наукам самих кантонистов, не видевших в них для себя никаких материальных выгод и преимуществ по службе»⁹⁵.

Педагогический коллектив гимназии, особенно во время преподавания в ней восточных языков, тоже был многонациональным. «Если бы посторонний посетитель вошел в гимназию 20 лет тому назад, во время полного сбора учителей в гимназии, – писал в 1868 г. учитель гимназии В.В. Владимиров, – то ему представились бы физиономии всех известнейших племен Европы и Азии: кроме господствующего племени России, посетитель увидел бы поляков (Лукашевского, Люстинга и Цилли), датчан (Струве и Вейля), жителей Берлина (Больцани и Оперта), природного француза (Дютресселя), англичанина (Турнерелли), швейцарца (Ге), немцев (Камбека и Вахсмунда), из Кенигсберга (Зоммера), казанского татарина (Махмудова), жителя Селенгинска (Гомбоева), жителя Дербента (мирзу Казембека Абдуссетара) и природного китайца. В числе наставников посетитель увидел бы, кроме священника, и лютеранского пастора, и католического ксендза, и жреца Будды»⁹⁶.

Распорядок учебных занятий и испытаний в гимназии почти не изменялся с самого ее основания в 1758 г. «Занятия начинались в 9 часов утра и продолжались до 12-ти и, каждый урок 1½ часа, а, следовательно, утром было 2 урока. В 12 часов обед и после обеда отдых до 3-х часов; от 3 же до 6 часов опять были уроки по 1½ часа. Всего, следовательно, 4 урока в день»⁹⁷.

Коренная реформа произошла в 1849–1850 уч. г.: учение в гимназии начиналось в 9 часов утра, и в 11.30 заканчивались первые два урока, до 12 часов полагался отдых, а потом назначались другие два урока до 2.30 минут пополудни. Это было полезно для учеников, живших далеко от гимназии, в районе Архангельской или Адмиралтейской слободы. С разрешения министра народного просвещения от 26 августа 1849 г. годовые испытания в гимназии стали проводиться перед наступлением каникул (вакаций), а не после, что было также в гимназии в течение долгого времени. С одной стороны, ученики экзамено-

⁹⁵ Владимирова В.В. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 11; Ч. 2. – Отд. 2. – С. 70–75.

⁹⁶ Владимирова В.В. Указ. соч. – Ч. 3. – С. 354.

⁹⁷ Ильинский А.И. За полстолетия. 1841–1892. Воспоминания о пережитом / А.И.Ильинский // Русская старина. – 1894. – Т. 81. – № 1. – С. 77.

вались сразу после изучения ими предметов в течение года, что повышало показатели успеваемости, с другой, «ленивые же ученики лишены были средств надеяться, что они повторят все во время вакаций»⁹⁸.

В 1849 г. началось проведение гимназической реформы. Она кардинально не меняла назначения гимназий, но вносила ряд уточнений. Гимназический курс делился на общее (первоначальное) и специальное обучение. Дисциплины, преподававшиеся в четырех старших классах гимназии, должны были готовить воспитанников к определенному роду деятельности. Поскольку полный курс обучения был 7 лет, возраст выпускника гимназии составлял, как правило, 17 лет, т.е. был достаточным, чтобы поступить на гражданскую, военную службу, или продолжить образование в высших учебных заведениях, и, прежде всего, в университетах.

С этой целью желающие продолжать обучение в университетах обязаны были «приобрести в гимназиях основательное знание латинского языка, к какому бы факультету не готовились, а для первого отделения философского факультета, сверх латинского, должно основательно обучаться и греческому языку». «Воспитанники же, намеревающиеся вступить прямо в военную или гражданскую службу, вместо древних языков, занимаются: желающие определиться в службу военную – математикой, а в службу гражданскую – русским законоведением»⁹⁹. В гимназиях КУО такой порядок распределения учебных предметов был введен с 1849/1850 уч.г. Изучение законоведения началось с января 1850 г.

Так, 14-летние юноши – гимназисты 4 класса должны уже были определить направление своей дальнейшей профессиональной деятельности. Вот что писал о проведении этой реформы в Нижегородской гимназии ее выпускник П.Д. Боборыкин. Инспектор Нижегородской гимназии наставлял четвероклассников, чтобы они, поговорив дома с кем нужно, решили, как желают учиться дальше: «хотим ли продолжать учиться латинскому языку (нас ему учили с первого класса) для поступления в университет, или новому предмету «законоведению»,

⁹⁸ Владимир В.В. Указ. соч. – Ч. 3. – С. 367.

⁹⁹ Владимир В.В. Указ. соч. – Ч. 3. – С. 368.

или же ни тому, ни другому. «Законоведы» будут получать чин четырнадцатого класса¹⁰⁰; университетские – поступать без экзамена, при высших баллах; а остальные – те останутся без латыни и знания русских законов, и ничего не получают; зато будут гораздо меньше учиться»¹⁰¹.

Новая программа способствовала «лучшему преподаванию наук против прежних годов». Число окончивших полный гимназический курс увеличилось до 30 и более человек. Из них большая часть поступила в университет и медико-хирургическую академию. Уже в 1854 г. 29 человек окончило курс, из них в университет поступило 22, а в медико-хирургическую академию – 2¹⁰².

За отличные успехи в законоведении предписано было давать аттестаты с правом на чин XIV класса при вступлении в гражданскую службу. В Первой Казанской гимназии это право оставалось для тех учеников, которые, при хороших успехах в прочих предметах, будут обучаться и греческому языку. Кроме того, в гимназии было оставлено и преподавание восточных языков. В связи с этим в расписании занятий были сделаны изменения, предложенные историко-филологическим факультетом Казанского университета¹⁰³.

В 1851/1852 уч.г. во всех гимназиях КУО, кроме Первой Казанской, было прекращено преподавание греческого языка и заменено курсом естественных наук¹⁰⁴. Получалось, что из всех гимназий КУО только выпускники Первой Казанской гимназии получили право поступать на историко-филологический факультет университетов, так как обязательным условием при поступлении являлось знание греческого языка¹⁰⁵. Тогда же гимназии

¹⁰⁰ По «Табели о рангах» это чин коллежского регистратора.

¹⁰¹ Боборыкин П.Д. Воспоминания / П.Д.Боборыкин. – М.: Изд-во: «Художественная литература», 1965. – Т.1. – С. 43–44.

¹⁰² Владимир В.В. Указ. соч. – Ч. 3. – С. 420.

¹⁰³ Там же. – С. 405.

¹⁰⁴ Начальственные распоряжения по КУО. – Казань, 1852. – Т.15. – Отд. 4. – С. 30.

¹⁰⁵ В 1856 г. попечитель КУО В.П.Молоствов ходатайствовал об отмене такого порядка, министр народного просвещения разрешил в виде опыта допускать в студенты историко-филологического факультета молодых людей, «которые не знают греческого языка, но во всех остальных предметах, особенно в латинском языке, окажут при приеме в университет

были разделены на три разряда. Первая Казанская отнесена к тем, где преподавались греческий язык и латинский в большем объеме. Но расписание других подобных гимназий не могло быть применено к ней, поскольку здесь изучали еще и восточные языки, было введено также обучение военным приемам и выправке, необходимо было сохранить в учебном плане законоведение, «потому что многие из пансионеров желали приготавливаться прямо на службу». Для Первой Казанской гимназии было составлено особое распределение предметов, приведенное в исполнение в 1854 г.

«С этого времени учащиеся Первой гимназии разделены были сообразно изучаемым ими предметам на три разряда: 1) готовящихся на службу, 2) готовящихся в университет по историко-филологическому факультету и 3) готовящихся в университет по прочим факультетам. Для всех вообще преподавались Закон Божий, история, география, словесность, язык французский, и всем же, за исключением только обучавшихся восточным языкам, немецкий язык и физика. Для всех вообще готовящихся в университет – латинский язык, а для готовившихся на службу – российское законоведение. Математика для готовившихся в университет по историко-филологическому факультету преподавалась отдельно в меньшем объеме, а всем прочим по программе, общей для всех гимназий; сверх того, они имели по одному уроку в неделю в каждом из 4-х высших классов для практических занятий французским и немецким языками; готовившиеся на службу в 4-м классе – по два урока в неделю для особых занятий математикой и русским языком»¹⁰⁶.

Гимназия исполнила цель своего учреждения – готовила юношей для поступления на военную и гражданскую службу, доставляла студентов в высшие учебные заведения, в том числе Казанский университет. С момента своего основания до середины XIX в. гимназия осуществляла подготовку общеобразовательную и профессиональную, «являясь учреждением с вариативными, разноуровневыми учебными планами и програм-

удовлетворительные познания». Обучение их греческому языку проводилось в университете. (Сборник распоряжений по МНП. – СПб., 1866. – Т. 3. – № 230).

¹⁰⁶ Владимирова В.В. Указ. соч. – Ч. 3. – С. 433.

мами»¹⁰⁷. По уставу 19 ноября 1864 г. Первая Казанская гимназия была преобразована в классическую гимназию, с двумя древними языками. Она стала типичным губернским образовательным учреждением. Ее характерными чертами стали «классицизм, академизм, предметное структурирование содержания образования, классно-урочная форма организации учебных занятий»¹⁰⁸. Во время празднования 100-летнего юбилея гимназии в 1868 г. ей было присвоено наименование Императорской.

В 1918 г. гимназия была реорганизована в советскую общеобразовательную школу № 1 первой ступени. Это была пятилетняя школа для обучения детей с 8 до 13 лет. «Эволюционное развитие старейшего в стране полного среднего общеобразовательного учреждения было прервано»¹⁰⁹.

Гордостью гимназии всегда были ее выпускники. «На каких поприщах государственной деятельности в нашем отечестве не было сынов твоих, древнейшая русская гимназия!» – восклицал на юбилее гимназии ее преподаватель В.В. Владимиров¹¹⁰. «Они управляли министерствами и заседали в Государственном совете и Правительствующем Сенате. Они управляли губерниями в звании военных губернаторов и командовали бригадами и полками; они отличались на поле чести как храбрые воины, проливая кровь свою за отечество еще на полях Бородина. Они стояли во главе различных ученых управлений, начиная от попечителей учебных округов и ректора университета до начальников средних учебных заведений. Голос их раздавался с кресел академии наук кафедр университетов и у скромной классной доски гимназии. Их литературные произведения считались классикой русской литературы и читались всеми сословиями в России. На семиструнной лире раздавались звуки музыки первой Казанской гимназии. Они стояли во главе разных губернских управлений и предводительствовали дворянским сословием как в губерниях, так и в уездах; даже и в заграничных миссиях и

¹⁰⁷ Хабриева О.А. «Для размножения наук в империи...» Первая гимназия в российской провинции / О.А.Хабриева // Третья в России, первая в Казани... – С. 238.

¹⁰⁸ Хабриева О.А. Указ. соч. – С. 241.

¹⁰⁹ Там же. – С. 243.

¹¹⁰ Цит. по: Описание празднования столетнего юбилея 1-й Казанской гимназии. [Казань, 1868]. – С. 16.

консульствах наших встречались деятели первой Казанской гимназии»¹¹¹.

В подтверждение справедливости вышеназванных слов приведем лишь некоторые имена. Среди учеников гимназии лица, занимавшие крупные посты в органах высшего, центрального и местного государственного управления¹¹²:

Державин Гавриил Романович (1743–1816 гг.) – кабинет-секретарь Екатерины II (1791–1793 гг.), сенатор (1793–1803 гг.), первый министр юстиции России (1802–1803 гг.).

Попов Василий Степанович (1743–1822 гг.) – сподвижник Г.А. Потемкина, заведующий Кабинетом Ее Императорского Величества (1793–1797 гг.), сенатор (1798–1799 гг.), член Государственного Совета (1810–1816 гг.), председатель Департамента гражданских и духовных дел Гос. совета (1819–1820 гг.).

Матюнин Андрей Ефимович (1800–1885 гг.), один из лучших цивилистов-практиков дореформенной эпохи, был обер-прокурором 1 отделения 3 департамента Сената, потом сенатором и первоприсутствующим гражданского кассационного департамента Сената.

Княжевич Александр Максимович (1792–1872 гг.) – министр финансов России (1858–1862 гг.), сенатор, член Государственного Совета¹¹³.

Княжевич Николай Максимович (1794–1852 гг.) – начальник инспекторского отделения военного министерства, затем государственного казначейства, вице-губернатор рязанской казенной палаты (с 1836 г.).

Княжевич Владислав Максимович (1798–1873 гг.) – вице-губернатор, затем председатель казенной палаты Таврической

¹¹¹ Там же.

¹¹² В составлении этого списка мною использовались следующие работы: Владимирова В.В. Указ. соч. – Ч. 3. Приложения; Лексина Ю.А. Гимназии Казанского учебного округа в первой четверти XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук / Ю.А.Лексина. – Казань, 1997; Достопамятные воспитанники 1-й Казанской гимназии за все годы ее существования / Сост. Ю.А.Лексина, В.И.Шишкин, С.В.Писарева // Ермолаев И.П., Ермолаев А.И. Указ. соч. – С. 266–272; Словарь Вульфсона.

¹¹³ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Библиографический справочник / Д.Н.Шилов. – СПб., 2001. – С.214–215, 537–538, 295–296.

губернии (1832–1862 гг.), член Совета министра финансов (с 1862 г.).

Панаев Владимир Иванович (1792–1859 гг.) – директор канцелярии Министерства императорского двора со званием статс-секретаря, с 1832 г. товарищ министра уделов, действительный член Императорской АН (1833 г.), поэт.

Воскресенский Петр Герасимович (1793–1853 гг.) – московский вице-губернатор (1824 г.), управляющий Московской таможни (1825–1834 гг.), начальник Архангельского таможенного округа (1835г.), вице-губернатор и гражданский губернатор в Симбирске (1836–1838 гг.), председатель Московского отделения Мануфактурного Совета (1838–1845 гг.).

Евреин Алексей Петрович (1801–1886 гг.) – чиновник особых поручений при министерстве иностранных дел К.В. Несельроде (1840-е – сер. 1850-х гг.)

Лазарев Александр Емельянович (1815–1877 гг.) – управляющий палатой государственных имуществ в Казани (1840–1846 гг.), в той же должности в Кавказской области, Ставропольской, Гродненской, Владимирской, Курской губерниях (1846–1868 гг.), председатель Казанского окружного суда (1871–1874 гг.), председатель департамента судебной палаты Казанской губернии (1875–1877 гг.).

Второв Николай Иванович (1818–1865 гг.) – столоничальник в департаменте общих дел МВД (1844–1849 гг.), советник Воронежского губернского правления (1849–1857 гг.), закончил карьеру в должности вице-директора хозяйственного департамента МВД. Известен как краевед, историк, этнограф.

Дорджи Банзаров (1822–1855 гг.) – чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири (в Иркутске).

Шесть выпускников гимназии были депутатами Государственной думы Российской империи: юристы Ахтямов Абусугуд Абдульхаликович (1843–?) и Алкин Саидгирей Шагиахметович (1867–1919 гг.), врачи Дунаев Сергей Владимирович (1858–?), Карташов Лев Васильевич (1870–1963 гг.), Ложкин Сергей Владимирович (1868–?), Теренин Дмитрий Степанович (1873–?).

Выпускники гимназии занимали руководящие должности в сфере образования как попечители учебных округов, ректоры университетов, директора гимназий и училищ губернии. Среди них были:

Княжевич Дмитрий Максимович (1788–1842 гг.) – попечитель Одесского учебного округа (с 1837 г.). В 1822 напечатал «Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенных по азбучному порядку». Будучи в Одессе, основал Общество истории и древностей (1839 г.);

Грубер Эварест Андреевич (1792–1859 гг.) – попечитель Виленского учебного округа (более 20 лет), директор канцелярии министерства народного просвещения (1851 г.), попечитель Казанского учебного округа (1857–1859 гг.);

Фойгт Карл Карлович (1808–1873 гг.) – доктор философии, профессор, попечитель Харьковского учебного округа (с 1867 г.);

Бобровников Николай Александрович (1854–1921 гг.) – математик, попечитель Оренбургского учебного округа (1906–1908 гг.), затем внештатный член Совета министра народного просвещения;

Попов Александр Васильевич (1808–1865 гг.) – монголовед, ординарный профессор монгольского языка в Казанском университете, главный инспектор всех учебных заведений министерства народного просвещения в Западной Сибири.

Значительная часть воспитанников Казанской гимназии становилась учителями и служащими других гимназий, уездных училищ. Наиболее талантливые из них делали карьеру ученых, занимая впоследствии посты руководителей высших и средних учебных заведений. Например, с 1805 по 1922 гг. из 19 ректоров Казанского университета четверо – лучшие выпускники Казанской гимназии:

– с 1827 по 1846 гг. – выдающийся математик Николай Иванович Лобачевский (1792–1856 гг.);

– с 1847 по 1855 гг. – Иван Михайлович Симонов (1794–1855 гг.), астроном, участник кругосветной экспедиции шлюпов «Восток» и «Мирный» под командой Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева (1819–1821 гг.), член-корреспондент Российской АН;

– с 1861 по 1863 гг. – Александр Михайлович Бутлеров (1828–1886 гг.), химик, академик Петербургской АН¹¹⁴;

¹¹⁴ Учеником гимназии был и его отец. (Ермолаев И.П., Ермолаев А.И. Указ. соч. – С. 202).

– с 1917 по 1922 гг. – Евгений Александрович Болотов (1870–1922 гг.), механик.

Некоторые из выпускников гимназии возглавили другие учебные заведения:

Перовщиков Дмитрий Матвеевич (1788–1880) – астроном и математик, профессор, ректор Московского университета (1848–1851).

Фойгт Карл Карлович (1808–1873 гг.) – ректор Харьковского университета (1852–1859 гг.).

Николай Леопольд Федорович (1844–1908 гг.) – ученый в области моторостроения, профессор, затем директор Института инженеров путей сообщения (1901–1905 гг.).

Александров Александр Иванович (1861–1918 гг.) – славист, профессор Казанского университета, ректор Казанской духовной академии (1912–1913 гг.), ректор Петербургской духовной академии (с 1913 г.).

Ляпунов Михаил Васильевич (1820–1868 гг.) – астроном, директор Демидовского юридического лицея в Ярославле (1856–1864 гг.).

Дмитриевский Николай Степанович (1801–1850 гг.) – директор Вятской гимназии и училищ Вятской губернии (1848–1850 гг.).

Рыбушкин Михаил Самсонович (1792–1849 гг.) – и.д. директора Казанских училищ (1826–1828 гг.), директор Астраханской гимназии и училищ Астраханской губернии (1835–1843 гг.), в аналогичной должности в Пензенской губернии (1843–1845 гг.), автор «Краткой истории города Казани» (1-е изд. 1834 г., 2-е изд. 1848–1849 гг.).

Манассеин Елпидифор (Элпилифор) Петрович (1795–1833 гг.) – директор училищ Кавказской губернии (1821–1827 гг.), затем управляющий Саратовской удельной конторой.

Европов Ясен (Ясон) Петрович (1807–?) – директор училищ Пермской губернии (1842–1843 гг.), Нижегородской губернии (1844–1858 гг.).

Лубкин Валериан Александрович (1807–1884 гг.) – директор Астраханской гимназии и училищ Астраханской губернии (1843–1847 гг.), в аналогичных должностях в Саратовской (1847–1850 гг.) и в Пензенской губерниях (1851–1859 гг.).

Бобановский Константин Петрович (1813?–1866 гг.) – директор Иркутской гимназии и училищ Иркутской губернии (1850–1865 гг.).

Фишер Эдуард (Франц-Карл) Егорович (1824–1877 гг.) – директор Вятской гимназии и училищ Вятской губернии (с 1866 г.).

Кропачев Михаил – директор Пензенской гимназии и училищ.

Сапожников Дмитрий – директор Астраханской гимназии и училищ.

Честнов Александр – директор Оренбургской гимназии и училищ Оренбургской губернии (1817 г.).

Матвеев Владимир Николаевич (1842–?) – директор Уральской войсковой гимназии (с 1873 г.), директор Уфимской мужской гимназии (1879–1916 гг.).

Котовщиков Евгений Степанович (1850–?) – директор Астраханской гимназии (с 1888 г.), директор Симбирской гимназии (с 1894 г.), директор Симбирского дворянского пансиона-приюта (с 1905 г.).

Белилин Василий Алексеевич (1852–1932 гг.) – филолог, директор 2-го Казанского реального училища, автор книги о 3-й Казанской гимназии.

Иванов Михаил Михайлович (1860–?) – директор 3-й Казанской гимназии.

Корбут Михаил Ксавельевич (1899–1937 гг.) – историк, профессор Казанского университета, ректор Казанского института сельского хозяйства и лесоводства, репрессирован.

Многие из воспитанников гимназии становились врачами, служили в органах местного государственного управления и земского самоуправления. В конце XIX в. были среди казанских гимназистов деятели революционного движения: Христофоров Александр Христофорович (1838–1913 гг.), Бурцев Владимир Львович (1862–1942 гг.), Федосеев Николай Евграфович (1871–1898 гг.), Ульянов Дмитрий Ильич (1874–1943 гг.), брат В.И. Ленина.

Первая Казанская гимназия воспитала замечательную плеяду будущих советских историков. Среди них археолог и краевед Николай Филиппович Калинин (1888–1959 гг.), автор двухтомной истории Казанского университета за 125 лет Михаил

Ксавельевич Корбут (1899–1937 гг.), исследователь истории Казанского ханства Михаил Георгиевич Худяков (1894–1936 гг.).

Среди последних выпускников Первой Казанской гимназии резидент советской разведки в Италии и других странах Европы, на Ближнем и Среднем Востоке, заместитель начальника Комитета Информации при МИД – Совете министров СССР (1946–1953 гг.), генерал майор Журавлев Павел Матвеевич (1898–1956 гг.); ученый-криминалист, следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, зам. директора по научной работе Института криминалистики Прокуратуры СССР Тарасов-Родионов Петр Игнатьевич (1897–1955 гг.).

В целом Казанская гимназия, по мнению специалистов, была уникальным явлением в истории отечественной культуры. Единственная из российских гимназий, она прошла эволюционный путь развития длиной в 150 лет. Сочетала в себе черты среднего общеобразовательного и высшего профессионального заведения, учитывавшего этнокультурные особенности региона, а ее высококвалифицированный педагогический коллектив, учащиеся и выпускники активно формировали образовательную и культурную среду губернского города Казани, всего Поволжско-Уральского региона и России в целом¹¹⁵.

Подведем итоги. До XVIII в. проблема профессиональной подготовки чиновничества не получила своего реального воплощения. Восемнадцатое столетие еще более обострило проблему кадрового обеспечения государственной службы. Петр I, положивший начало светскому образованию в России, пошел по пути создания учебных заведений, нацеленных на скорейшую подготовку специалистов, необходимых государству. Постепенно по всей стране организуются десятки начальных школ: цифирных (для подготовки чиновников низшего звена), епархиальных (для подготовки священнослужителей), гарнизонных (для воспитания солдатских детей), горнозаводских (для подготовки мастеров казенных мануфактур). Подобные школы возникли в Казани, которая в середине XVIII в. была выбрана местом для учреждения в ней гимназии.

Казанская гимназия была старейшей гимназией в России. Это была третья гимназия в стране и первая в российской

¹¹⁵ Хабриева О.А. Указ. соч. – С. 250.

провинции. Оставаясь на протяжении первых пятидесяти лет своей истории единственным учебным заведением подобного рода, гимназия обеспечивала учительскими кадрами губернские города России. Ее воспитанники прославили свое Отечество на разных поприщах государственной службы.

Гимназия, находясь в центре учебного округа, в университетском городе получила целый ряд преимуществ перед другими подобными учебными заведениями. Она чаще осматривалась руководством округа и профессурой университета, что заставляло учителей аккуратно готовиться к занятиям, преподавательский коллектив подбирался из числа лучших учителей округа и университетских преподавателей. Некоторые учителя гимназии успешно занимались не только учебной, но и методической деятельностью, разрабатывая учебные пособия и новые методики обучения. В конечном счете, выросший на базе гимназии университет стал для нее покровителем и руководителем.

В целом, проблемы кадрового наполнения государственной службы решались системой общего образования, включавшей в XVIII–XIX вв. духовное, светское (гражданское, военное, морское), специальное (горное, инженерное), частное (пансионное и домашнее) образование. Постепенно домашнее обучение вытесняется многоуровневым государственным образованием, создаются специализированные учебные заведения, для которых подготовка госслужащих становится основной, а не побочной задачей.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Социальный состав учащихся Казанской гимназии с 1759 по 1788 гг.

Год	Дворяне	Разночинцы	Всего
1759	120	0	120
1760			108
1762	99	20	119
1764			88
1765	19	19	38
1768	17	17	34
1770	12	24	36
1773	37	88	125
1775	10	42	52
1780	28	59	87
1785	20	70	90
1786	2	54	56
1787	0	40	40
1788	0	25	25

Источник: Владимиров В.В. Историческая справка о 1-й Казанской гимназии / В.В.Владимиров. – Ч. 1. – Казань, 1867. – С. 161–162.

Таблица 2

**Численность учащихся Казанской гимназии
с 1799 г. по 1848 г.**

Год	Кол-во учащихся	Год	Кол-во учащихся	Год	Кол-во учащихся
1799	80	1816	194	1833	299
1800	111	1817	161	1834	276
1801	131	1818	176	1835	247
1802	138	1819	176	1836	144
1803	156	1820	167	1837	152
1804	167	1821	189	1838	174
1805	172	1822	182	1839	195
1806	133	1823	208	1840	190
1807	135	1824	250	1841–42	197
1808	162	1825	273	1842–43	219
1809	158	1826	267	1843–44	208
1810	172	1827	286	1844–45	209
1811	195	1828	307	1845–46	205
1812	208	1829	303	1846–47	248
1813	163	1830	207	1847–48	214
1814	174	1831	299		
1815	187	1832	235		

Источник: Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 2. – Отд. 2. – С. 141, 231–237; Ч. 3. – С. 331, 395–397, 403.

Таблица 3

**Численность учащихся, поступивших и выбывших
из Казанской гимназии с 1827 по 1841 г.**

Год	Поступило учеников в гимназию	Выбыло по окончании курса				Из них поступило в вузы	Выбыло до окончания курса			Итого
		с правами на классные чины	с аттестатами, но без прав	без аттестатов	Итого		по своей и родительской воле	умерло	исключено за дурное поведение	
1827	68	0	15	0	15	6	14	0	9	23
1828	54	0	12	1	13	0	20	0	4	24
1829	74	0	19	1	20	18	16	0	5	21
1830	71	0	35	0	35	15	22	0	0	22
1831	59	0	29	0	29	14	43	0	0	43
1832	78	0	31	0	31	13	36	1	5	42
1833	71	0	38	0	38	16	40	5	11	56
1834	62	0	29	2	31	4	29	4	15	48
1835	22	0	27	0	27	8	156*	2	18	176
1836	57	0	0	0	0	0	13	0	2	15
1837	32	2	0	0	2	2	20	1	4	25
1838	39	1	2	0	3	2	20	1	2	23
1839	36	1	15	0	16	9	13	0	3	16
1840	44	0	9	2	11	5	11	3	4	18
1841	49	3	15	0	18	13	16	3	14	33
Всего	816	7	276	6	289	125	469	20	96	585

Источник: Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 2. – Отд. 2. Приложение. «Ведомость об учениках первой Казанской гимназии» с 1827 по 1842 г. В дополнение к данной таблице: в 1843 г. окончил гимназию с аттестатами 16 учащихся, в 1844 г. – 16, в 1845 г. – 15, в 1846 г. – 17, в 1847 г. – 17, в 1848 г. – 23.

* Из них 115 переведено в открытую Вторую Казанскую гимназию. Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 3. – С. 259.

Таблица 4

**Численность учащихся, выбывших из
Казанской гимназии с 1849 г. по 1861 г.**

Год	Выбыло по окончании курса				Из них поступило в ВУЗы	Выбыло до окончания курса			Итого
	С правами на классные чины	с аттестатами, но без прав	без аттестатов	Итого		По своей и родительской воле	умерло	исключено за дурное поведение	
1849	5	4	0	9	5	9	12	–	21
1850	11	9	–	20	11	11	1	5	17
1851–52	8	18	0	26	6	9	1	4	17
1852–53	6	21	0	27	5	15	3	8	26
1853–54	6	23	0	29	24	27	5	2	34
1854–55	8	10	0	18	17	36	0	5	41
1855–56	–	–	–	4	–	–	–	–	22
1856–57	6	13	1	20	16	25	0	5	30
1857–58	4	11	0	15	10	42	2	6	50
1858–59	6	7	0	13	11	50	1	6	57
1859–60	6	15	1	22	18	37	3	4	44
1860–61	18	1	0	19	17	–	–	–	94
Всего	84	132	2	222	140	261	28	45	453

Источник: Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 3. – С. 370, 374, 395–397, 403, 413, 423, 428, 440–441, 443–446, 451–452, 455–456, 460–461, 482–483. Прочерк означает отсутствие сведений.

Таблица 5

**Социальный состав поступивших в
Казанскую гимназию с 1827 г. по 1860 г.**

Год	Сословие						Итого
	Дворян и чиновников (чел.)	%	Купцов и мещан (чел.)	%	Разночинцев, духовенства (чел.)	%	
1827	55	81%	3	4%	10	15%	68
1828	47	87%	2	4%	5	9%	54
1829	63	85%	1	1%	10	14%	74
1830	67	94%	4	6%	0	0%	71
1831	48	81%	1	2%	10	17%	59
1832	64	82%	3	4%	11	14%	78
1833	49	69%	9	13%	13	18%	71
1834	44	71%	5	8%	12	19%	62
1835	20	91%	1	5%	1	5%	22
1836	31	54%	3	5%	23	40%	57
1837	25	78%	0	0%	7	22%	32
1838	26	67%	2	5%	11	28%	39
1839	29	81%	2	6%	5	14%	36
1840	39	89%	1	2%	4	9%	44
1841	41	84%	1	2%	7	14%	49
1851	41	72%	7	12%	9	16%	57
1852	48	84%	5	9%	4	7%	57
1853	39	85%	5	11%	2	4%	46
1854	61	78%	8	10%	9	12%	78
1855	40	70%	5	9%	12	21%	57
1856	48	74%	15	23%	2	3%	65
1857	42	78%	1	2%	11	20%	54
1858	50	72%	10	14%	9	13%	69
1859	48	75%	10	16%	6	9%	64
1860	50	83%	5	8%	5	8%	60

Источник: Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч.2. – Отд. 2. Приложение. «Ведомость об учениках первой Казанской гимназии» с 1827 по 1842 г.; Ч.3. – С. 403, 413, 428.

Таблица 6

**Социальный состав учащихся
1-й Казанской гимназии с 1848 г. по 1860 г.**

Учебный год	Сословие						Итого
	Дворян и чиновников (чел.)	%	Купцов и мещан (чел.)	%	Разночинцев, духовенства (чел.)	%	
1848–49	161	75%	10	5%	43	20%	214
1850–51	156	72%	47	22%	14	6%	217
1851–52	155	73%	16	8%	40	19%	211
1852–53	186	74%	21	8%	44	18%	251
1853–54	196	75%	28	11%	39	15%	263
1854–55	212	77%	26	9%	37	13%	275
1855–56	98	80%	13	11%	11	9%	122
1856–57	213	74%	33	12%	40	14%	286
1857–58	222	78%	42	15%	21	7%	285
1858–59	200	64%	65	21%	46	15%	311
1859–60	252	77%	26	8%	48	15%	326

Источник: Владимиров В.В. Указ. соч. – Ч. 3. – С. 370, 397, 419, 424, 428, 440, 441, 446, 451, 456, 460.

Н.С.Хамитбаева, Л.Ф.Байбулатова

**Вопросы образования в Казани на страницах
газеты «Казанские губернские ведомости» (XIX в.)**

Как известно, одной из старейших казанских газет являлись «Казанские губернские ведомости», выходившие с 1838 по 1917 год. Это был официальный орган губернских властей, отражавший правительственную точку зрения на все вопросы внутренней жизни края и находившийся под бдительным наблюдением губернатора. Тем не менее, в «неофициальной части» газеты публиковались исторические, географические, топографические, статистические материалы, содержащие достаточно большой объем информации, необходимой при исследовании ряда исторических проблем.

Нужно сказать, что историки проделали определенную работу по изучению этого интересного исторического источника как в целом¹, так и по отдельным проблемам, таким, как материальное и правовое положение разночинцев, антикрепостнические взгляды просветителей эпохи падения крепостного права, крестьянский вопрос в Поволжье, цены на продукты первой необходимости и др.²

¹ Айплатов Г.Н. Губернские ведомости как исторический источник. (По материалам неофициальной части «Казанских ведомостей» / Г.Н.Айплатов // Исторические науки: Межвузовская конференция. – Л., 1968. – С. 43–44; Дейч Г.М. Губернские ведомости как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. – Вып. 9 / Г.М.Дейч. – Л., 1978. – С. 236–253 и др.

² Бурмистрова Л.П. «Губернские ведомости» как источник для изучения материального и правового положения разночинцев в конце 50-х – нач. 60-х годов XIX в. / Л.П.Бурмистрова // Итоговая научная аспирантская конференция за 1964 г. – Казань, 1964. – С. 132–135; ее же. Крестьянский вопрос в губернских ведомостях Поволжья и Приуралья // Вопросы истории, филологии и педагогики. – Казань, 1967. – Вып. 2. – С. 61–65; ее же. Губернская печать как источник изучения цен на продукты первой необходимости в эпоху падения крепостного права. (На материалах «Казанских губернских ведомостей») // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. – Вып.4. – Общественно-политическое движение и классовая борь-

В данном случае ставится задача на материалах случайной выборки получить предварительные данные о том, какие вопросы по теме образования поднимались в газете, как она отражала те объективные явления и процессы, которые происходили в образовании казанского общества в XIX веке.

Обработка собранных материалов газеты «Казанские губернские ведомости» потребовала, прежде всего, применения к ним обычных, традиционных методов исследования. Для решения некоторых задач использовался контент-анализ³.

Поставленные задачи определили подход к анализу полученной информации. Анализ проводился в системе двух групп: А и Б. В группе А ставилась задача выявления основных проблем образования в газете «Казанские губернские ведомости». Чтобы выяснить, какие проблемы образования волновали газету, за смысловую единицу анализа принималась определенная проблема, за единицу счета – частота ее появления. Картотека укомплектовывалась по следующему перечню основных проблем: 1) Высшее образование, 2) Среднее, 3) Специальное, 4) Начальное. Результаты анализа сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Образование									
высшее		среднее		специальное		начальное		итого	
к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
26	32,1	17	20,9	22	27,2	16	19,8	81	100

Как видно из таблицы, из всего объема случайной выборки 32,1% приходится на публикации, посвященные высшему обра-

ба на Средней Волге (конец XIX – нач. XX в.). – Казань, 1972. – С. 41–52; Литвина Ф.А. «Губернские ведомости» как источник изучения литературных вечеров эпохи падения крепостного права / Ф.А.Литвина // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. – Казань, 1969. – Вып. 2/3. – С. 97–111 и др.

³ См: Архангельская Д.И. К вопросу изучения периодической печати методами контент-анализа / Д.И.Архангельская // Методы количественного анализа текстов нарративных источников. – М., 1983; Мазырин В.М. Применение методов контент-анализа к материалам прессы // Количественные методы в гуманитарных науках / В.М.Мазырин. – М., 1981 и др.

зованию. Как известно, в XIX в. высшее образование в Казани было представлено университетом, ветеринарным институтом и высшими женскими курсами. Высшее религиозное образование можно было получить в Казанской духовной академии. На своих страницах газета отводила достаточно много места для сообщений об университете – ведущем высшем учебном заведении в городе, которое играло значительную роль в развитии науки и культуры. В своих публикациях она описывала результаты научных путешествий университетских профессоров, сообщала о публичных защитах диссертационных работ, считая, что «провинциальные университеты часто представляют замечательные магистерские и докторские диссертации, большая известность которых по всей России была бы желательна в интересах русской науки»⁴. Газета «Казанские губернские ведомости» знакомила своих читателей с деятельностью научных обществ, созданных при университете, с выставками, которые устраивались обществами с целью, как она писала, «ознакомления публики с коллекциями, собранными преимущественно в местном крае при антропологических и археологических изысканиях»⁵. На своих страницах она подробно описывала съезды археологов и естествоиспытателей, знакомила читателей с их программой, выступлениями ученых, с дискуссиями по проблемам, поднимавшимся на этих съездах.

Как известно, с открытием Казанского университета связана практика публичных лекций. Так, в 1812 г. в газете «Казанские известия» сообщалось об открытых чтениях в Казанском университете для чиновников и всех желающих по юриспруденции, истории, географии, математике, физике, геометрии, химии⁶. Эта практика продолжалась и в последующие годы. Сообщая о публичных лекциях, газета «Казанские губернские ведомости» подчеркивала их значимость. Так, например, сообщая о публичных лекциях по практической химии, она писала, что целью их является желание «распространить знания по химии, полезные в практической жизни для земледельцев, заводчиков, фабрикантов,

⁴ Казанские губернские ведомости. – 1869. – 14 мая.

⁵ Казанские губернские ведомости. – 1879. – 26 сентября.

⁶ Казанские известия. – 1812. – 20 апреля.

ремесленников и вообще для производительного класса»⁷. Сообщая о публичных лекциях В.Н. Виноградского по космографии и метеорологии, газета писала, что «очень было бы хорошо, если бы эти лекции, да и вообще все читаемые публично – появлялись в печати. Польза таких лекций несомненна. Публика наша так еще нуждается в популяризации научных предметов, что успех таких изданий верный»⁸. Газета «Казанские губернские ведомости» считала, что для подъема уровня народного образования одних только школ недостаточно, поэтому «общество, – пишет она, – должно всеми мерами способствовать дальнейшему самообразованию человека», и к числу этих мер относит и народные чтения⁹. Исходя из уверенности в их неоспоримой полезности, газета широко пропагандировала публичные лекции, сообщая их тематику, отмечая сильные и слабые стороны лекторов; призывая слушателей к активному участию, она пишет: Желателен и голос самого народа, пусть каждый высказывает свои замечания, чего не достает в народных чтениях, каких вопросов желал бы он объяснения»¹⁰. Из газетных статей видно, что при проведении публичных чтений иногда возникали некоторые проблемы. Так, например, в 1883 году газета пишет, что «заступающий место городского головы отказал в пользовании залой общественного дома», мотивируя тем, что публика портит мебель, паркет, ломает водопровод, расходуется много газа. В дискуссии по этому поводу газета сообщала о позициях членов городской думы, и, поддерживая мнение профессора Н.А. Осокина, она пишет, что «ввиду несомненной полезности» чтений «необходимо совершенно безвозмездно уступить зал», что «городскому самоуправлению следует хлопотать о расширении народных чтений», для чего нужно понизить плату за вход¹¹. В результате прений, сообщает газета, дума согласилась уступить зал для публичных чтений бесплатно.

⁷ Казанские губернские ведомости. – 1839. – 18 февраля.

⁸ Казанские губернские ведомости. – 1873. – 3 февраля.

⁹ Казанские губернские ведомости. – 1880. – 23 февраля.

¹⁰ Там же.

¹¹ Казанские губернские ведомости. – 1883. – 3 февраля.

В августе 1874 года в Казани состоялось открытие второго высшего учебного заведения – ветеринарного института. Организация института была обусловлена объективными причинами и, прежде всего, необходимостью улучшить подготовку специалистов – ветеринарных врачей. Приветствуя открытие этого учебного заведения, газета «Казанские губернские ведомости» писала: «Мы находим совершенно лишним распространяться о необходимости этого заведения для сельского хозяйства вообще, и для скотоводства в частности. Кому известны огромные потери, происходящие от столь часто свирепствующих у нас скотских падежей, тот ни на минуту не может сомневаться, что только основательно образованные ветеринары и достаточное их повсеместное число может, если не совершенно искоренить, то, несомненно, ограничить этого рода случаи»¹². Автор публикации обращает внимание на то обстоятельство, что институт, не имея своего собственного здания, должен размещаться в арендованном помещении. «Заведение столь специальное как ветеринарный институт, – пишет автор, – при котором должны находиться различные кабинеты, лаборатории, зоотомический амфитеатр, кузница, зооклиника и проч., не может найти удобного помещения в нанятом доме и нуждается в здании собственно для него построенном»¹³. Строительство собственных зданий и клиник института началось, как известно, только в 1891 г. на Арском поле и продолжалось до 1907 г.

В 1876 г. в Казани были открыты высшие женские курсы, которые функционировали до 1884 г. Сообщая об их открытии, газета писала, что «обязательными предметами преподавания на сих курсах назначены: 1) русская литература, 2) всеобщая литература, 3) всеобщая история, 4) история России, 5) история цивилизации и история искусств, 6) физика; дополнительными предметами назначены: иностранные языки, математика и гигиена, причем педагогическому совету курсов предоставлено право, в случае необходимости, ходатайствовать об увеличении обязательных предметов преподавания»¹⁴. Как видно из этой

¹² Казанские губернские ведомости – 1874. – 20 марта.

¹³ Там же.

¹⁴ Казанские губернские ведомости. – 1876. – 4 сентября.

публикации, лекции на этих курсах вели в основном профессора Казанского университета. Так, профессор Булич Н.Н. читал лекции по русской литературе, Осокин Н.А. – по всеобщей истории, Фирсов Н.А. – по истории России, доцент Суворов Ф.М. – по математике, Скворцов – по гигиене, лектор университета Колмачевский – по немецкому языку¹⁵.

Следующая большая группа публикаций газеты «Казанские губернские ведомости» освещает проблемы профессионального образования. На эту группу приходится 27,2% из всего объема публикаций случайной выборки. И это вполне объяснимо, так как развитие капитализма требовало специально подготовленных людей, которые могли бы практически вести дело, развивая производство. Так, в публикации от 21 июня 1872 г. в объявлении от Казанского земледельческого училища газета подчеркивала, что училище это «имеет целью доставить возможность молодым людям всех сословий приобретать теоретические и практические сведения, необходимые для управителей и арендаторов имений и вообще для всех лиц, желающих посвятить себя деятельности по сельскохозяйственным предприятиям»¹⁶. При училище, как сообщалось в публикации, имелась учебная ферма, служившая образцом целого организованного хозяйства и доставлявшая ученикам возможность практического изучения технической стороны каждой отдельной отрасли хозяйства. В течение 5½ лет учащиеся одновременно с общим получали специальное образование по полеводству, луговодству, лесоводству, садоводству, животноводству, изучали земледельческое оборудование, сельское строительное искусство, технологию сельскохозяйственного и лесного производства. Выпускникам училища присваивалось звание ученых управительских помощников, они освобождались от платежа податей и от рекрутской повинности, а через 6 лет получали звание ученых управителей, с правами и преимуществами, которые получали инженеры-технологи, окончившие технологический институт.

Как известно, в конце 50-х годов XIX в. торговое общество Казани, осознавая необходимость образования для процветания

¹⁵ Там же.

¹⁶ Казанские губернские ведомости. – 1872. – 21 июня.

отечественной торговой промышленности, пришло к убеждению, что «дети купцов и промышленников, как для блага отечества, так и для личной пользы нуждаются в основательном коммерческом образовании». А так как такое образование не могли дать ни реальное, ни университетское учебное заведение, то торговое общество пришло к мысли учредить в Казани коммерческий институт, который имел бы назначением готовить сведущих бухгалтеров, конторщиков, приказчиков и вообще «способных деятелей на коммерческом поприще»¹⁷. Вопрос об открытии в Казани коммерческого института неоднократно обсуждался в течение 20 лет. Составлялись проекты уставов, сметы на содержание учебного заведения, которые рассматривались в комиссиях и посылались на утверждение высших властей. К 1860 году, как сообщалось в «Казанских губернских ведомостях», по подписке, организованной казанским купечеством, было собрано 20 тыс. рублей¹⁸. К 1873 году в распоряжении городского управления находился капитал 117 тыс. рублей¹⁹. Однако этой суммы было недостаточно для учреждения и содержания коммерческого учебного заведения, необходима была государственная финансовая поддержка.

В 1872 году вышел закон о реальных училищах ведомства Министерства народного просвещения, по которому училища эти «имели целью доставлять юношеству общее образование, приспособленное к практическим (следовательно, и коммерческим) потребностям и приобретению технических познаний»²⁰. Этот устав Казанской городской думой решено было принять без изменений, и капитал, собранный для учреждения коммерческого учебного заведения, использовать для открытия в Казани реального училища высшего разряда. В 1875 году для него, как сообщала газета, было нанято помещение в доме казанского купца Тиханова на Проломной улице с первоначальным открытием первых трех классов. К июлю 1879 г. для реального училища было построено

¹⁷ НА РГ. Ф. 1. Оп. 2, Д. 1478. Л. 2–2 об.

¹⁸ Казанские губернские ведомости. – 1860. – 23 мая.

¹⁹ Систематический сборник постановлений Казанской городской думы за 22 года (с 1871 по 1892 включительно). – Казань, 1898. – С. 243.

²⁰ Там же.

новое здание на углу Булака и Варлаамской улицы. Газета «Казанские губернские ведомости» подробно описывала торжественное открытие нового здания реального училища, сообщая историю его создания, расходы по его строительству. В этой публикации даны все выступления гостей, присутствовавших на открытии, приводятся статистические сведения из отчета директора реального училища Орлова за 1878 год²¹.

Расширение сети учебных учреждений в Казани потребовало в свою очередь увеличения числа преподавательских кадров. Как известно, подготовка учителей для начальной школы проводилась в Казани в нескольких учебных заведениях: учительском институте, учительской семинарии, крещено-татарской учительской школе, татарской учительской школе. Учительницы получали подготовку в восьмых педагогических классах женских гимназий, в специальной земской учительской школе, в епархиальном женском училище и окружном женском духовном училище.

Подготовка учителей, как правило, ограничивалась предметами, изучавшимися в начальной школе, общеобразовательные предметы преподавались по сокращенной программе. Кроме учебных предметов в некоторых учебных заведениях, например, в земской учительской школе, учащиеся, как сообщает газета «Казанские губернские ведомости», обучались рукоделию, башмачному и переплетному ремеслу, что, по мнению газеты, «соответствует цели школы – приучить будущих народных учительниц практически к ожидающей их деятельности»²². Сведения, которые не входили в учебную программу учительской школы, но полезные в предстоящей деятельности на поприще учительниц народных школ, такие как: деятельность земских учреждений и их уставы, мировых, судебных учреждений, положение о всеобщей воинской повинности и др. давались воспитанницам, по сообщению газеты, в ежедневных беседах председателем попечительного совета. Директор народных училищ в таких беседах знакомил их с практическими правилами ведения школьного дела, которые необходимы были для поддержания порядка в школе и успешного обучения.

²¹ Казанские губернские ведомости. – 1879. – 1 сентября.

²² Казанские губернские ведомости. – 1884. – 26 июля.

К 80-м годам XIX в. в Казани ежегодно открывались временные педагогические курсы по усовершенствованию учителей. Курсы эти, как сообщает газета «Казанские губернские ведомости», устраивались на средства Казанского уездного земства. Так, например, обязательных слушателей на курсах, открытых 2 августа 1881 г., получивших пособие от земства на проезд и проживание в Казани, было 17 человек, из них 6 учителей и 11 учительниц. Кроме обязательных слушателей на курсы допускались все желающие учителя и кандидаты на учительские должности. Таким образом, всех слушателей курсов в 1881 г. было 79 человек, принимавших участие в теоретических и практических занятиях. На курсах у слушателей предварительно собирались сведения по их методике преподавания, о состоянии их школ, о трудностях в учительской практике. На основании этих сведений составлялась программа занятий курсов. Автор публикации, описывая теоретическую и практическую работу курсов, рассматривает практические занятия, останавливается на всестороннем разборе педагогической комиссией конспектов слушателей и проведенных ими уроках, на беседах наблюдателя и руководителя курсов об отношении учителей к своему делу, о необходимости наглядных пособий, о методике преподавания в каждом классе и т.д.²³

В 1872 году, по инициативе Н.И. Ильминского, была открыта Казанская русско-инородческая учительская семинария, которая готовила учителей-миссионеров для татарских, мордовских, марийских, чувашских, удмуртских школ. Из статьи Ильминского на торжественной закладке нового здания для учительской семинарии можно узнать о цели этого учебного заведения, которая, как пишет газета, «состоит в прочном соединении инородческих племен с коренным русским народом путем образования. Потому в ней будут обучаться русские с крещеными инородцами пяти племен: татарами, чувашами, черемисами, вотяками и мордвами, всего 150 учеников на счет казны, с допущением стипендиатов разных других ведомств и своекоштных учеников при имеющейся к тому возможности... Эти

²³ Казанские губернские ведомости. – 1881. – 23, 30 сентября.

воспитанники готовятся в учителя начальных сельских народных училищ, каждый для своего племени»²⁴.

Кроме фельдшерской школы при Казанском ветеринарном институте, в Казани функционировала земская фельдшерская школа, о хорошей подготовке выпускников которой писала газета «Казанские губернские ведомости». Недостатком этой школы, по мнению газеты, являлось то обстоятельство, что ученики ее не были избавлены от воинской повинности до окончания курса, как в других школах. Поэтому, пишет автор, не успевший окончить курса в школе ученик поступает на военную службу без образовательной льготы, а потому должен служить более продолжительный срок. А после военной службы земство не возьмет его на службу, как не получившего полное фельдшерское образование, но и в школу обратно он поступить не сможет, так как по уставу запрещается принимать на обучение лиц старше 20 лет²⁵.

Музыкальное образование в Казани можно было получить в домашней музыкальной школе Новицкого Л.К., открытой в 1870 году. «До настоящего времени, – писала газета, – Казань была бедна музыкальным образованием, и домашняя музыкальная школа, если сохранит цель своего учреждения и приведет в исполнение заявленные программой правила преподавания, будет, без сомнения, лучшим местом, где люди, желающие серьезного изучения музыки, найдут все необходимое для того, чтобы быть впоследствии хорошими музыкантами»²⁶. Позднее в «Казанских губернских ведомостях» было опубликовано письмо директора Варшавской консерватории, скрипача Контского А.Г., который писал: «Я убедился, что Вы, открывая Вашу школу, отнеслись к делу музыкального образования серьезно и основали ее на началах хорошо обдуманых, которые стараетесь проводить и осуществлять неуклонно, правильно и систематически, не потворствуя (как это, к сожалению, довольно часто бывает) личным учеников или их родных взглядам, желаниям и самолюбию, а единственно преследуя интересы дорогого нам обоим

²⁴ Казанские губернские ведомости. – 1872. – 17 июня.

²⁵ Казанские губернские ведомости. – 1884. – 26, 28 июля.

²⁶ Казанские губернские ведомости. – 1870. – 19 августа.

искусства, которому Вы служите честно – интересы музыки. Школа Ваша, поистине, могла бы войти в состав любой консерватории»²⁷.

Из газеты «Казанские губернские ведомости» также можно узнать о существовании в Казани частной школы рисования и живописи, открытой художником Федором Петровичем Травкиным. В статье сообщается, что в текущем 1881 году в школе числилось до 25 человек обоего пола, большинство из них – учащиеся средних и высших учебных заведений Казани, что кроме рисования и живописи они обучаются черчению и чистописанию, и некоторые из них готовятся к поступлению в академию художеств. Автор публикации, сожалея о том, что школа недостаточно известна казанскому обществу, советует Травкину ежегодно весной или осенью устраивать в школе выставки ученических работ, которые знакомили бы публику с деятельностью школы, с работами ее учеников, которые, по замечанию автора, отличаются художественным исполнением и твердой техникой. «Это, – пишет газета, – первый рассадник живописи в нашем городе, могущий принести немалую пользу»²⁸.

Следующая небольшая группа материалов газеты «Казанские губернские ведомости», всего 20,9% случайной выборки, относится к вопросам среднего образования.

Как известно, буржуазные реформы 60-х годов уничтожили сословный характер средней школы. Гимназия была официально объявлена общеобразовательной средней школой. В нее мог поступить любой, выдержавший вступительный экзамен и внесший плату за обучение. Однако единой средней школы в XIX в. не существовало. Так, в Казани функционировало три казенные мужские гимназии, одна мужская частная Мануиловой, три женские частные гимназии (Мариинская, Ксенинская и А.М. Котовой). В городе существовало также закрытое женское среднее учебное заведение – Родионовский институт благородных девиц, в котором обучались семь лет.

До открытия Казанского университета, Первая Казанская гимназия была единственным учебным заведением, дававшим

²⁷ Казанские губернские ведомости. – 1873. – 24 марта.

²⁸ Казанские губернские ведомости. – 1881. – 25 апреля.

общее образование в Восточной России и Сибири. Газета «Казанские губернские ведомости» знакомит своих читателей с краткой ее историей до и после ее преобразования в классическую. «С преобразованием гимназии в 1835 году, исключительное преимущество ее пред прочими учебными заведениями Казанского округа, – пишет газета, – состояло, в особенности, в преподавании в ней греческого языка и восточных языков», в том числе татарского, первыми учителями которого были Хальфины (отец, сын и внук). Постепенно вводились и другие языки: арабский, персидский, турецкий, китайский, монгольский. Кроме восточных языков, в гимназии преподавались: греческий, латинский, французский и немецкий, а с 1837 по 1842 гг. – английский. Многие из ее воспитанников, «обучавшихся восточным языкам, – пишет газета, – сделались впоследствии известными ориенталистами»²⁹.

Достаточно много внимания газета «Казанские губернские ведомости» уделяла открытию нового учебного заведения – Родионовскому институту благородных девиц. Газета сообщала о начале учебы в нем, писала о казанской помещице Родионовой, на средства которой было открыто и содержалось это учебное заведение. На своих страницах она помещала правила приема девиц в институт, из которых видно, что это учебное заведение предназначалось для дочерей потомственных дворян и чиновников, служащих в военном ведомстве; при наличии свободных мест допускались к приему дочери личных дворян³⁰.

Газета «Казанские губернские ведомости» часто публиковала статьи о жизни казанских гимназий, о строительстве новых зданий для них, об открытии в них библиотек, приобретении учебных пособий и т.д. На ее страницах часто публиковались отчеты гимназий, в которых сообщались сведения о количестве преподавателей и учащихся с указанием их вероисповедания и сословия, о наличии в гимназиях библиотек и кабинетов, наглядных пособий, описывалась деятельность педагогического и попечительского советов, давались сведения об успехах учеников, раскрывались источники содержания и т.д. Сообщая об

²⁹ Казанские губернские ведомости. – 1866. – 18 марта.

³⁰ Казанские губернские ведомости. – 1855. – 25 апреля.

открытии новой женской прогимназии, впоследствии Ксенинской гимназии, газета писала: «Уже давно начал обнаруживаться сильный прилив учениц в здешнюю женскую гимназию, уже несколько последних лет многим желающим учиться в ней отказывалось от места. Потребность в первоначальном и среднем женском образовании успела здесь до такой степени окрепнуть и усилиться, что в устройстве второго женского учебного заведения, с правами не только прогимназии, но и гимназии, начала ощущаться положительная необходимость»³¹.

Религиозное образование можно было получить в Казанской духовной семинарии – среднем духовном учебном заведении православной церкви. Семинария готовила церковнослужителей, но давала также общее образование. «Хотя наши духовные семинарии пользуются скромным именем средних учебных заведений, но нельзя отрицать и важных заслуг ее для церкви и отечества», – писала газета в статье, посвященной 50-летию юбилею Казанской духовной семинарии³². В период своего существования «Казанская семинария, – пишет она, – долгое время служила рассадником духовного образования не для одной нынешней Казанской епархии, но и Симбирской, Самарской и других соседних епархий, не имеющих семинарий, и приготовила великое множество деятелей не только на службу церкви, но и на все роды общественной деятельности... И из получивших начальное образование в Казанской семинарии за последнее ее 50-летие многие с честью занимали и занимают высокие и почетные места и в епархиальном ведомстве, и в ведомстве духовно-учебном, также в Министерстве народного просвещения, в звании профессоров университетов и проч.»³³.

Последняя группа материалов случайной выборки (19,8%) относится к начальному образованию. Сама система начального образования в XIX в. была довольно сложной. В Казани функционировали начальные школы (училища) нескольких типов: казенные трехклассные, приходские двухклассные, одно четырехклассное, земские начальные школы, церковно-приходские,

³¹ Казанские губернские ведомости. – 1876. – 11 сентября.

³² Казанские губернские ведомости. – 1868. – 22 июня.

³³ Там же.

училища при детских приютах, русско-татарские школы, русские классы при медресе, татарские мектебе, медресе и новометодные школы. Кроме того, существовали частные начальные и воскресные школы. Сообщая об открытии частных пансионатов, например, женского пансиона Чулковой Е.А., газета «Казанские губернские ведомости» писала, что это «явление важное: ибо оно служит очевидным свидетельством, что в обществе более и более распространяется потребность образования»³⁴. Из этих небольших сообщений можно узнать некоторые сведения о частных пансионатах, например, что в частном пансионе Чулковой в 1862 г. обучалось 34 мальчика; предметами обязательного обучения в нем были: закон Божий, русский язык, арифметика, история, география, французский и немецкий языки, рисование и каллиграфия, к необязательным относились чистописание, рукоделие, танцы.

В 1859 г., как сообщала газета, на пожертвования казанских купцов было открыто женское училище 1-го разряда. Из этой публикации можно узнать, что в училище было принято 66 воспитанниц, из них детей чиновников – 47, купцов – 8, мещан – 7, иностранцев – 4, бесплатно обучающихся – 27 человек³⁵.

Газета сообщала об открытии бесплатных воскресных школ, об их инициаторах, о преподававшихся в них предметах, публиковала их отчеты. Из этих отчетов можно узнать, например, что в 1860 г. в воскресной школе, расположенной в доме уездного училища, обучалось более 80 человек: русских – 71, евреев – 9, поляков – 1; что это были ученики в возрасте от 8 до 17 лет, но были и старше, например, одному из учеников было 50 лет. Преподавали в ней 28 человек: 2 учителя гимназии, 1 – чиновник, 1 – гимназист, остальные – студенты университета. В воскресной школе было два отдела: первый отдел для начинающих с азбуки, второй отдел для умеющих читать и писать, которые обучаются арифметике и рисованию³⁶. Вторая воскресная бесплатная школа была открыта по инициативе смот-

³⁴ Казанские губернские ведомости. – 1856. – 5 марта.

³⁵ Казанские губернские ведомости. – 1859. – 7 сентября.

³⁶ Казанские губернские ведомости. – 1860. – 17 сентября.

рителя казанских училищ Андреева и ряда учителей в доме купца Блохина на Проломной улице³⁷.

В 60-е годы газета сообщала о том, что по распоряжению Казанского губернского тюремного комитета в казанской тюрьме и смирительно-работном доме начали действовать начальные школы, в которых обучали, кроме чтения, письма и церковного пения, еще и ремеслу: столярному и сапожно-башмачному³⁸.

Сообщая об открытии новых начальных училищ, газета освещала их материальное положение, количество учащихся, писала о низкой оплате труда преподавателей, поднимала вопросы о необходимости введения в них обучения ремеслам, о необходимом ремонте ряда школ, о необходимости открытия новых начальных училищ и т.д.

Публикаций о татарских учебных заведениях в газете «Казанские губернские ведомости» практически не встречается, если не считать «Выписку из журнала Казанского губернского училищного совета» от 19 июня 1870 г., в которой были даны правила, регламентирующие образование инородцев как христиан, так и мусульман, – «главные начала, на которых, – как пишет газета, – должна быть устроена на будущее время система образования инородцев»³⁹. Больше внимания газета оказывала частной школе Ильминского по обучению детей крещеных татар. Из этих публикаций можно узнать историю ее создания, методику обучения, источники ее содержания, о посещениях ее высокими гостями и их щедрых пожертвованиях.

В группе «Б» ставилась задача выявления формы подачи информации в газете «Казанские губернские ведомости». Для решения этой задачи за смысловую единицу был принят тип или характер информации, за единицу счета – частота появлений, что может служить показателем, характеризующим предпочтение газеты тому или иному способу аргументации. Картотека укомплектовывалась карточками по следующему перечню типов публикации: А) Простая информация или сообщение о событиях в области образования; Б) Описание этих событий; В) Указание

³⁷ Казанские губернские ведомости. – 1860. – 34 сентября.

³⁸ Казанские губернские ведомости. – 1863. – 1 февраля; 1868. – 18 декабря.

³⁹ Казанские губернские ведомости. – 1870. – 8 августа.

причин того или иного изменения в сфере образования; Г) Предложение мер по развитию образования. Результаты обработки данных картотеки сведены в таблицу 2.

Таблица 2

Характер информации									
А		Б		В		Г		итого	
к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
34	42,0	26	32,1	12	14,8	9	11,1	81	100

Нужно сказать, что такая группировка материалов газеты «Казанские губернские ведомости» достаточно условна, так как иногда при описании того или иного события в области образования в публикациях указывались и его причины, а при указании причин иногда предлагались и меры по изменению, улучшению или развитию тех или иных сторон образования в Казани. Однако, в целом, такая группировка позволяет систематизировать собранные материалы газеты и сделать некоторые наблюдения. Так, из таблицы 2 видно, что большинство, т.е. 42,0% публикаций из случайной выборки несет в себе простую информацию о событиях в области образования; это объявления об открытии тех или иных учебных заведений, о начале публичных лекций и т.п. Несколько меньше, 32,1% публикаций газеты «Казанские губернские ведомости» описывали учебные заведения города: краткую историю их деятельности, их здания, кабинеты, предметы обучения, источники их содержания, сообщали количество учителей и учеников, празднование юбилеев, посещение их высокими гостями города и т.п. Небольшое число (14,8%) публикаций газеты указывали на причины тех или иных событий, происходивших в сфере образования: не только на правительственные и административные указы и положения, но и на инициативу некоторых чиновников, купцов, учителей. И только 11,4% публикаций газеты давали не только оценку, но и предлагали меры по улучшению и развитию образования: о необходимости открытия новых учебных заведений, повышении заработной платы учителям, об улучшении материального положения многих школ Казани. Таким образом, в целом газета «Казанские губернские ведомости» отдавала предпочтение

информативным и ценностным аргументам (42,0% и 32,1%), чем критическим и предписывающим (14,8% и 11,1%), т.е. больше описывала, чем предписывала.

В целом анализ материалов газеты «Казанские губернские ведомости» по случайной выборке позволяет сделать следующие выводы.

1) Газета «Казанские губернские ведомости» содержит достаточно большой объем информативного материала, достоверность которого не вызывает сомнений, и который в целом может быть использован при исследовании проблем развития образования в Казани в XIX в.

2) Будучи официальным органом губернских властей, она отражала правительственную точку зрения на все вопросы в сфере образования. Тем не менее, информативная и ценностная аргументация позволяли ей, не навязывая своего мнения, поднимать некоторые проблемы, существовавшие в сфере образования.

3) При изучении материалов газеты «Казанские губернские ведомости» необходимо учитывать условия, в которых она издавалась. Жесткие цензурные рамки вынуждали ее ограничиваться публикациями общего характера, с осторожностью подходить к описанию тех или иных проблем образования. Как и большинство дореволюционных, да и некоторых современных периодических изданий, она была засорена мелким, несущественным материалом. Тем не менее, поднимая различные вопросы образования, привлекая к ним внимание читателей, она создавала общественное мнение, заставляя думать, сравнивать, действовать.

4) Общественный прогресс газета «Казанские губернские ведомости» связывала с развитием просвещения, а основным средством для достижения этой цели считала развитие сети учебных заведений.

5) Материалы случайной выборки позволили сделать лишь предварительные выводы, которые, очевидно, могут быть дополнены и уточнены при изучении материалов газеты «Казанские губернские ведомости» путем сплошной выборки.

М.З.Хабидуллин

Система конфессионального образования в Казанской духовной академии

В последнее время среди исследователей существенно возрос интерес к изучению проблем, связанных с историей конфессионального образования в России и в Республике Татарстан, к педагогическому наследию преподавателей, разрабатывавших основы миссионерского образования среди нерусских народов. Стремление найти более совершенные педагогические системы для обучения в средних общеобразовательных учреждениях, так и для определения путей дальнейшего развития нашего образования в целом, вынуждает ученых находить ответы, на свои вопросы, анализируя историю крупных образовательных центров. Актуальность темы возрастает и в связи с тем, что в нашей стране идет повсеместный процесс реформирования всей системы советского образования. Все чаще внимание исследователей и практиков обращается в сторону дореволюционной системы образования. Российская Федерация является, да и всегда являлась многонациональным и поликонфессиональным государством. Поэтому ей в своей государственной политике постоянно приходилось учитывать эти факты и обращаться к историческому опыту в образовании и просвещении. Особенно дипломатический подход в конфессиональном образовании был применен на базе миссионерских отделений Казанской духовной академии.

К середине XIX в. Российская империя столкнулась целой группой кризисов. Все это очень ярко проявилось, во-первых, в кризисе сверхдержавы, выразившийся в угрозе экономического и технологического отставания России от стран Западной Европы, во-вторых, в кризисе имперской системы управления, проявившийся в отсутствии компенсационного механизма по сглаживанию этнодемографических диспропорций, различий стадийных и цивилизационных состояний народов Российской империи.

Помимо этого нельзя забывать и о том, что с обострением кризисных явлений в Российской империи в 1850–1860-х гг. начался процесс массового отпадения крещеных инородцев из православия в ислам, традиционные верования (язычество). Особенно этот процесс был активным среди крещеных татар. Первые массовые отпадения из православия в ислам наблюдались среди них уже в 1-й трети XIX века: в 1802 и 1827 гг.

Н.И.Ильминский главную причину массового отступничества крещеных инородцев, а особенно татар, видел в самой сущности исламской религии. По его мнению, она наложила неизгладимый отпечаток на весь уклад семейной и общественной жизни татарского населения, объединяя всех мусульман в одну большую семью. Процесс отпадения от православия усиливали также этническая близость коренных народов Казанской губернии с татарами-мусульманами, сплоченность мусульманской общины, наличие на территории губернии большого количества мечетей, медресе и мектебов, активная пропаганда ислама на страницах печати¹.

Массовый возврат крещеных татар в лоно ислама и плохо поставленная миссионерская и религиозно-просветительская работа среди прихожан-инородцев вынудили высшие духовные и гражданские структуры власти прибегнуть к конкретным мерам по их пресечению. Так, самой насущной проблемой для представителей Казанской епархии в те годы стала подготовка миссионерских и учительских кадров для работы среди крещеного инородческого населения. Поэтому в 1842 г. произошло повторное открытие Казанской духовной академии. И главным приоритетным направлением в ее деятельности стала подготовка профессиональных кадров для работы среди православной инородческой паствы. Позднее произошла определенная специализация миссионерской деятельности, оформление конфессионального образования.

С середины 19 века в России центром конфессионального образования становится Казанская духовная академия. Именно

¹ Ильминский Н.И. Записка по вопросу об отпадении крещеных татар Казанской губернии 1881 г. / Н.И.Ильминский // Православный собеседник. – 1895. – Ч.2. – С.261–262.

на нее были возложены функции духовного развития нерусских народов Поволжья, Приуралья, Средней Азии. В ее введение включались огромные территории с многомиллионным населением, говорящим на разных языках и диалектах. Поэтому именно Казанской духовной академии приходилось разрабатывать педагогические программы просвещения инородцев, систему конфессионального образования, как в ее стенах, так и в школах и духовных семинариях. Именно здесь процесс изучения ислама, буддизма, религиозных верований и языков нерусских народов России, легли в основу общей системы конфессионального образования, реализовывались на практике новые идеи и формировалась целая плеяда выдающихся ученых, таких как Н.И.Ильминский, Г.С.Саблуков, Е.А.Малов, Н.П.Остроумов, М.А.Машанов, М.Г.Иванов, П.К.Жузе, Я.Д.Коблов, Н.Ф.Катанов и др.

Одной из самых главных причин открытия Казанской духовной академии для правительства и высшей церковной власти стало «желание научно освятить сложный инородческий вопрос в России и выработать рациональные меры к сближению многомиллионного инородческого мира с коренным населением империи на почве религии и культуры»². Но ее самой важной прерогативой, безусловно, было изучение языков нерусских народов России для ведения среди них активной миссионерской деятельности. В истории миссионерских отделений Казанской духовной академии мы выделили 5 этапов:

- 1) Предпосылки образования и создание миссионерских отделений (1842–1858 гг.).
- 2) Миссионерские отделения в 1858–1868 гг.
- 3) Последствия принятия Устава духовных академий 1869 г. для миссионерских отделений.
- 4) Изменения в миссионерском образовании, связанные с принятием Устава духовных академий 1884 г.
- 5) Устав духовных академий 1910 г. и миссионерские кафедры.

² Миссионерское отделение при Казанской духовной академии и внутренняя миссия в России // Церковно-общественная жизнь. – 1906. – № 18 – С. 634.

Работа по созданию миссионерских отделений в Казанской духовной академии началась сразу после ее открытия³. Определив наиболее распространенные языки у нерусских народов, проживающих на территории Среднего Поволжья и восточных окраинах Российского государства, руководство учебного заведения открыло в 1845 г. две кафедры: 1) турецкий, татарский и арабский языки и 2) монгольский и калмыцкий языки⁴. Первыми учителями-лингвистами стали выдающиеся ученые из Казанского университета А.К.Казем-Бек (вел занятия по турецко-татарскому и арабскому языкам) и А.А.Попов (преподавал монголо-калмыцкий язык). Оба профессора занимались главным образом изучением языков и сведения по истории, этнографии и религии арабов, монголов и калмыков сообщали поверхностно. Тем не менее, они успели за полтора года своего преподавания в стенах академии подготовить несколько отличных наставников нерусских языков для семинарий и двоих для Казанской духовной академии⁵. Среди которых лингвисты Н.И.Ильминский и А.А.Бобровников. Однако неопределенность положения кафедр и неупорядоченность изучавшихся на них предметов, а также трудность самих языков сказались на небольшом количестве желающих получать здесь свое образование. В 1846–1847 учебном году из 60-ти студентов академии татарскому языку обучались 14 человек, монгольско-калмыцкому – 7. В 1847–1848 учебном году на татарский язык записались 10, а на монгольско-калмыцкий – всего 5 студентов⁶.

Первым вопрос о более определенной постановке миссионерских кафедр поднял Н.И.Ильминский в 1848 г. В своей записке правлению академии, он указал пути приобщения студентов к изучению восточных языков, призывал определить

³ Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за I дореформенный период его существования. 1842–1870. – Вып. II / П.В.Знаменский. – Казань, 1892. – С. 5.

⁴ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 463. Л. 1; Д. 827. Л. 40.

⁵ Харлампович К.В. Казанская духовная академия. (1842–1907 гг.). Исторический очерк / К.В.Харлампович // Православная богословская энциклопедия. – СПб., 1907. – Т. VIII. – С. 740; Открытие Казанской духовной академии. – Б/м., б/м. – С. 59.

⁶ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 464. Л. 34–35; Д. 589. Л. 42–43.

цели кафедр, разработать учебные программы и т.д. По поручению ректора Григория правление академии приступает к большой работе по созданию проектов будущих миссионерских отделений. В 1854 г. при ректоре академии Агафангеле Соловьеве произошло открытие единственных в России миссионерских отделений: 1) противораскольническое, 2) противомусульманское, 3) противобуддийское и 4) черемисско-чувашское⁷. С этого времени можно говорить о специфической миссионерской направленности образования Казанской духовной академии по сравнению с другими аналогичными академиями, о становлении системы конфессионального образования.

На черемисско-чувашском отделении студентам должны были преподаваться вероучение, этнография и языки этих племен и соответствующая часть миссионерской педагогики. Преподавание было возложено на протоиерея Вишневого. В 1854 г. на это отделение записалось 12 человек. Через два года черемисско-чувашское отделение было закрыто, так как число прошедших курс обучения в нем показался руководству академии достаточным для удовлетворения потребностей края⁸.

Противобуддийское отделение академии не проявляло широкой практической деятельности, как противомусульманское, вследствие уже самой отдаленности заведения от регионов с буддийским населением, и в основном носила только учебный характер. В 1854 г. на него записалось всего 7 студентов. И в последующие годы количество воспитанников в отделении не менялось. Единственным преподавателем здесь был А.А.Бобровников. Он читал лекции по монгольскому и калмыцкому языкам, вел буддийское учение с полемикой, миссионерскую педагогику и даже народную медицину.

Противомусульманское отделение должно было стать центром подготовки специалистов для ведения миссионерской деятельности среди мусульман, новообращенных христиан и язычников, проживающих в основном на территории Поволжья и Приуралья. Преподавателями на него были назначены Н.И.Ильминский, Г.С.Саблуков (с 1856 г.) и практикант татар-

⁷ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 827. Л. 39; Д. 1324. Л. 96–97об.

⁸ Харлампович К.В. Указ. соч. – С. 744.

ского языка Ямбулатов. На отделении студентам преподавались в течение 4-х лет следующие науки: «история Мухаммеда», «мухаммеданская вера» по ее источникам с раскрытием общего характера татар, их образа мышления, обычаев и привычек, «педагогика», «татарский» и «арабский» языки⁹. На начальном периоде своего существования противомусульманское отделение осуществляло сбор материала о предмете своего научного исследования, приобретало мусульманскую литературу и источники и нарабатывало методы работы с ними¹⁰. Так, с целью изучения арабского языка, истории и учения ислама и Востока, а также в связи с возросшей необходимостью рассмотрения постановки миссионерской работы католического духовенства, Совет Казанской духовной академии направил Н.И.Ильминского на два с половиной года в мусульманские страны (Египет, Аравия, Сирия и др.)¹¹. Здесь надо указать, что эта поездка была первым в России случаем «отправки за границу» в научную командировку преподавателя духовного учебного заведения¹².

После возвращения из этой научной командировки в 1854 г. Н.И.Ильминский был назначен преподавателем в миссионерское противомусульманское отделение академии. Он вел занятия по истории Мухаммеда, «мухаммеданской вере», педагогике, татарскому и арабскому языкам. На первых порах он ставил «изучение языков выше изучения мусульманства и особенно бого-

⁹ Гвоздев И.А. 25-летие Казанской духовной академии / И.А.Гвоздев. – Казань, 1868. – С. 49.

¹⁰ Валеев Р.М. Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед / Р.М.Валеев. – Казань, 1993. – С. 7; НА РТ. Ф.10. Оп.1. Д.898. Л.11–11 об.

¹¹ Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей, как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии / А.Н.Григорьев // Материалы по истории Татарии. – Вып. 1. – Казань, 1948. – С.261; Спасский Н.А. Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский / Н.А.Спасский. – Самара, 1900. – С.32–33; НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 994. Л. 1.

¹² Смоленский С.В. В защиту просвещения восточно-русских инородцев по системе Николая Ивановича Ильминского / С.В.Смоленский. – СПб., 1905. – С. 5.

словской против него полемики»¹³. Но все же определенная увлеченность миссионерскими идеями, по мнению И.Ю.Крачковского, не дала полностью раскрыться его научным талантам: «Н.И.Ильминский, выдающийся представитель казанской школы, блестящий тюрколог и арабист, глубоко увлеченный идеями миссионерства и «просветительской» деятельностью среди «инородцев», не дал ни тюркологии, ни арабистике того, что он мог бы дать»¹⁴.

Другим преподавателем миссионерского противомусульманского отделения, известнейшим представителем казанского исламоведения второй половины XIX в., был Г.С.Саблуков. Период 1856–1858 гг. является самым эффективным в деятельности противомусульманского отделения благодаря совместным усилиям Ильминского и Саблукова. Первый преподавал мусульманское вероучение с полемикой против него, второй – татарский и арабский языки¹⁵.

Изменения и преобразования в учебной сфере 1858 г. связаны с деятельностью ректора Казанской духовной академии епископа Иоанна Соколова (1858–1864 гг.). Его мероприятия в этой сфере были направлены, прежде всего, против миссионерских отделений. Он не понимал значение изучения миссионерских предметов. «Какие то курятники понастроили»¹⁶, выражался он об них презрительно и находил, что их кафедры занимаются не стоящими никакого внимания глупостями какой-то там татарвы да бурят и только мешают развитию в академии преподавания более солидных наук»¹⁷. Он сократил число кафедр на миссионерских отделениях, на каждом отделении

¹³ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики / И.Ю.Крачковский. – М.-Л., 1950. – С. 125–126.

¹⁴ Там же. – С. 127.

¹⁵ Казанская духовная академия. Исторический очерк. – Казань, б/г. – С. 746; Валеев Р.М. Указ. соч.

¹⁶ Миссионерское отделение... – С. 634.

¹⁷ Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (до-реформенный) период ее существования (1842–1870 гг.) / П.В.Знаменский. – Вып. I. – Казань, 1892. – С. 158.

было оставлено по одному наставнику и уволен практикант разговорного татарского языка¹⁸.

3 ноября 1858 г. Н.И.Ильминский покидает Казань и отправляется на службу в Оренбургскую пограничную комиссию. Одной из главных причин его ухода из академии стало, по мнению И.Ю.Крачковского, расхождение во взглядах с академическим начальством. Ректор академии Иоанн весьма пренебрежительно относился к миссионерским дисциплинам. Ильминский был «обличен в увлечении исламом и даже в его пропаганде»¹⁹. Предметы татарского отделения ректор Иоанн сделал общеобязательными для младшего курса и их преподавание отдал Саблукову, а Ильминского перевел на математику.

В 1862 г., из-за нерасположения ректора Иоанна, Саблуков уходит из противомусульманского отделения академии. Один из лучших его учеников за это время Е.А.Малов, считал Саблукова даже основателем противомусульманской полемики в академии, т.к. Ильминский систематически ею не занимался. Саблуков составил и программу этой науки, стараясь совместить в ней и изучение ислама по источникам, и вместе с тем опровержение его по сравнению с христианством²⁰.

Место преподавателя по турецкому, татарскому и арабскому языкам снова занимает Ильминский. Он ведет работу по восстановлению на свои средства кафедры противомусульманской полемики. Кафедру противомусульманской полемики возглавил Евфимий Александрович Малов²¹. Состав татарского отделения одновременно увеличился практикантом, крещеным татаринном В.Т.Тимофеевым.

Некоторые изменения в отношении миссионерских отделений произошли в период правления ректора Иннокентия Новгородова (1864–1868 гг.). Он начал дело по восстановлению миссионерских отделений в прежнем виде. В 1865 г. по инициативе преподавателей противомусульманского отделения Св. Синод

¹⁸ Харлампович К.В. Указ. соч. – С. 709.

¹⁹ Крачковский И.Ю. Очерки по истории... – С. 126.

²⁰ Православный собеседник. – 1880. – Ч. 1. – С. 296–297.

²¹ Харлампович К.В. Указ. соч. – С. 748.

вновь преобразовал миссионерские отделения. Он восстановил их в том виде, в каком они существовали до 1858 г.²²

Преобразование Казанской духовной академии по утвержденному Св. Синодом 30 мая 1869 г. уставу и штату духовных академий совершилось 15 августа 1870 г. С этой даты начинается новый период в преподавательской и научной деятельности всей Казанской духовной академии и особенно у существовавших прежде миссионерских отделений. В академии были введены три новых отделения: богословское, церковно-историческое и церковно-практическое.

Новый устав не только не учел, но и практически исключил миссионерские отделения из структуры такого типа учебных заведений²³. Только благодаря настоянию Казанского архиепископа Антония и Казанской духовной академии, Св. Синод указом от 24 июня 1870 г. разрешил преподавание в Казанской духовной академии некоторых миссионерских предметов против «мухаммеданства» и против «буддизма», хотя на условиях довольно невыгодных²⁴. Такая постановка миссионерских предметов не могла гарантировать определенного числа слушателей и привлечь к ним работников. Вслед за Н.И.Ильминским, бывшее противомусульманское отделение оставил и Е.А.Малов. Он перешел на кафедру еврейского языка и библейской археологии академии. Оставил, было академию и практикант татарского языка В.Т.Тимофеев, лишенный штатного оклада, но скоро возвратился, получив вознаграждение из другого источника. Из всего вышеизложенного казалось, что дело шло к закрытию миссионерских отделений, к прекращению изучения миссионерских предметов. Но благодаря, некоторым лицам, в числе которых были Н.П.Остроумов и М.А.Машанов, бывшие миссионерские отделения получили заметную поддержку и не были закрыты.

²² Харлампович К.В. Указ. соч. – С. 710.

²³ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1870 г. – Казань, 1870. – С. 6; Бердников И.А. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за пятьдесят лет ее существования. 1842–1892 гг. / И.А.Бердников. – Казань, 1892. – С. 18.

²⁴ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1870 г. – Казань, 1870. – С. 6–7.

Представителем миссионерского противомусульманского отделения академии после ухода Е.А.Малова стал Н.П.Остроумов (1870–1877 гг.), а после его отъезда в Туркестанский край – М.А.Машанов (1878–1911 гг., в 1911 г. уволен, но оставлен в академии как сверхштатный профессор до 1921 г.)²⁵.

Устав духовных академий 1869 г. преобразовал и противобуддийское отделение. Оно, как и противомусульманское было сокращено, а существовавшие при ней предметы оставались необязательными для изучения. В.В.Миротворцев в 1869 г. получил степень магистра богословия и стал преподавать монголо-калмыцкий язык в академии. С июля 1870 г., т.е. до введения нового устава, он становится экстраординарным профессором по кафедре миссионерских предметов против буддизма²⁶. В первые годы после введения устава 1869 г. число слушателей его было не более 2–3. В 1871 г. никто из вновь принятых студентов не пожелал изучать эти предметы. В 1872 г. единственный представитель бывшего противобуддийского отделения Миротворцев перешел на кафедру русской гражданской истории.

15 августа 1884 г. в Казанской духовной академии был введен новый устав духовных академий, разработанный при участии нового обер-прокурора Св. Синода К.П.Победоносцева. Устав 1884 г. учел в большей степени желание и просьбы преподавателей миссионерских отделений Казанской духовной академии, которые постоянно заботились об улучшении качества образования на единственных в дореволюционной России миссионерских отделениях. В Казанской духовной академии были проведены структурные изменения, которые ликвидировали существовавшие с 1870 г. богословское, церковно-историческое и церковно-практическое отделения. Предметы академического курса были разделены на две группы: словесную и историческую. Кроме перечисленных изменений, устав ввел для Казанской духовной академии еще третью, совершенно новую

²⁵ Терновский С.П. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования. 1870–1892. / С.П.Терновский. – Казань, 1892. – С. 21, 30.

²⁶ Терновский С.П. Указ. соч. – С. 430.

группу – миссионерскую, которая распадалась, в свою очередь, на два отдела: татарский и монгольский.

Устав 1884 г. предписывал преподавать на татарском отделе следующие предметы: 1) история и обличение магометанства; 2) этнография татар, киргизов, башкир, чуваш, черемис, вотяков и мордвы; 3) история распространения христианства между означенными инородческими племенами; 4) арабский и татарский языки с общим филологическим обзором языков и наречий означенных племен. На монгольском отделе: 1) история и обличение ламайства; 2) этнография монголов, бурят, калмыков, остяков, самоедов, якутов, чукчей, тунгусов, манджур, корейцев, гольдов, гиляков, коряков и других; 3) история распространения христианства между означенными племенами; 4) монгольский язык с его наречиями, бурятским и калмыцким и общий филологический обзор языков и наречий других вышешпоименованных племен²⁷.

С 1884 г. по татарскому отделу кафедру татарского языка и этнографии занял экстраординарный профессор академии Е.А.Малов. Он преподавал татарский язык, этнографию татарских племен и историю распространения среди них христианства. Кафедру арабского языка и обличения мухаммеданства занял и.д. доцента академии Михаил Александрович Машанов, прежде состоявший приват-доцентом по кафедре миссионерских противомусульманских предметов²⁸. Машанов с 1884 г. преподавал арабский язык и «обличение мухаммеданства»²⁹. Штатным практикантом татарского языка продолжал оставаться крещенский священник В.Т.Тимофеев. После его смерти в декабре 1895 г. эту должность занял его ученик и продолжатель дела просвещения старокрещенных татар – священник Тимофей Егорович Егоров. Сверхштатным практикантом арабского языка, по особому указу Св. Синода от 6 февраля 1891 г., был назначен с марта 1891 г. природный татарин-мусульманин Сахиб-Гирей Ахмеров, принявший крещение с именем Павла³⁰. К этой же

²⁷ Терновский С.П. Указ. соч. – С. 246.

²⁸ Терновский С.П. Указ. соч. – С. 424.

²⁹ Казанская духовная академия. – Казань, б/г. – С. 810–811, 814; Устав и штат православных духовных академий 1884 г. – Казань, 1884. – С. 26.

³⁰ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1891 г. – Казань, 1891. – С. 19, 33.

кафедре был временно прикомандирован в 1893 г. архимандрит араб Рафаиль (в 1895 г. оставил академию, уехал в Америку, где стал епископом бруклинским). После смерти Ахмерова сверхштатным практикантом арабского языка с 12 августа 1896 г. (с 1900 г. единственным) стал природный сириец, окончивший в том году Казанскую духовную академию, впоследствии – магистр богословия, Пантелеймон Крестович Жузе³¹.

Монгольский отдел был представлен менее значительными в научном отношении деятелями. Кафедру истории и обличения ламайства и монгольского языка с бурятским наречием с 1884 г. по сентябрь 1891 г. занимал, по поручению академического Совета, экстраординарный профессор по кафедре русской гражданской истории Василий Васильевич Миротворцев. С 1884 г. он совмещает преподавание русской гражданской истории и монгольского языка с обличением ламайства. 22 сентября 1891 г. Миротворцев скончался. Кафедру калмыцкого наречия, общего филологического обзора и наречий монгольского отдела, этнографии племен этого отдела и истории распространения христианства между ними с сентября 1886 г. занял в звании и.д. доцента М.С.Нефедьев³². Однако в августе 1893 г. кафедры монгольского отдела были замещены новыми, более способными к науке лицами. На кафедру истории и обличения ламайства и монгольского языка был определен выпускник Казанской духовной академии 1889 г., священник Иван Васильевич Попов³³, защитивший 29 ноября 1898 г. магистерскую диссертацию по теме: «Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждение»³⁴. Иоанн Попов был по собственному желанию уволен из академии в августе 1909 г.

На кафедру калмыцкого языка в августе 1893 г. (одновременно со священником И.Поповым) был определен выпускник Казанской академии 1892 г. Илья Иванович Ястребов, 18 октября 1898 г. защитивший магистерскую диссертацию под названием

³¹ Отчет о состоянии Императорской Казанской духовной академии за 1915–1916 учебный год. – Казань, 1916. – С. 55.

³² Терновский С.П. Указ. соч. – С. 252–253.

³³ Памятная книжка Казанской духовной академии на 1902–1903 акад. год. – Казань, 1902. – С. 24.

³⁴ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1898 г. – Казань, 1898. – С. 197.

«Миссионер Высокопреосвященнейший Владимир, архиепископ Казанский и Свияжский»³⁵, а в 1902 г. принявший монашество с именем Иннокентий³⁶. В 1906 г. Ястребов уезжает в Киев. Его место занимает иеромонах Гурий (Степанов), который в январе 1909 г. был утвержден в степени магистра богословия за сочинение «Буддизм и христианство в их учении о спасении». С августа 1909 г., после ухода на пенсию и.д. экстраординарного профессора священника И.Попова, архимандрит Гурий временно совмещал преподавание по своей кафедре и кафедре монгольского языка.

В апреле 1910 г. был принят один из самых суровых уставов духовных академий. Под его негативное влияние попадали многие известные профессора, в числе которых были и преподаватели миссионерского отделения. В ноябре 1910 г. Е.А.Малов, в связи с требованиями устава 1910 г., написал заявление об уходе с «кафедры татарского языка, этнографии татар, киргизов, башкир, чуваш, черемис, вотяков и мордвы и истории распространения христианства между означенными племенами». В академии освободилась штатная преподавательская должность на кафедре миссионерских предметов. С аналогичным заявлением обратился в Совет Казанской духовной академии и М.А.Машанов. С его уходом освобождалось место на кафедре «истории и обличения магометанства и арабского языка».

В июле 1911 г. были приняты «Изменения в действующем уставе духовных академий», которые предписывали новые правила для деятельности духовных академий. Науки, изучаемые всеми студентами, были распределены по 17 кафедрам. Кроме того, в Казанской духовной академии вводилась группа миссионерских предметов, подразделяющихся на два отдела: 1) Татарский и 2) Монгольский.

К татарскому отделу были отнесены следующие предметы: «А) История и обличение магометанства. Б) Этнография татар, киргизов, башкир, чуваш, черемис, вотяков и мордвы. В) Исто-

³⁵ Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1898–1899 учебный год. – Казань, 1899. – С. 24.

³⁶ Памятная книжка Казанской духовной академии на 1902–1903 акад. год. – Казань, 1902. – С. 25.

рия распространения христианства между означенными инородческими племенами. Г) Арабский и татарский языки, с общим филологическим обзором языков и наречий означенных племен»³⁷.

К монгольскому отделу были отнесены: «А) История и обличение ламайства. Б) Этнография монголов, бурят, калмыков, остяков, самоедов, якутов, чукчей, тунгузов, манджур, корейцев, гольдов, гиляков, коряков и других. В) История распространения христианства между означенными инородческими племенами. Г) Монгольский язык и его наречия бурятское и калмыцкое. Д) Тибетский язык». В каждом отделе должно было числиться по 3 преподавателя каждый с 6 лекциями в неделю.

С августа 1911 г. кафедру арабского языка, истории и обличения мухаммеданства занял выпускник академии 1910 г., епархиальный противомусульманский миссионер Михаил Григорьевич Иванов (с 1915 г. – магистр богословия, с марта 1916 г. – экстраординарный профессор³⁸). Магистерскую степень М.Г.Иванов получил за сочинение «О почитании святых в исламе с точки зрения православного богослова. Богословско-полюемическое исследование». Он также опубликовал ряд статей в академическом журнале, среди которых «О характере религиозной обрядности в христианстве и в исламе» (1912), «К вопросу о почитании святых в исламе» (1915) и др. Кафедру татарского языка и этнографии занял выдающийся ученый, преподаватель Казанского императорского университета Николай Федорович Катанов, занимавший ее до самого закрытия академии. Штатным практикантом татарского языка до 1918 г. продолжал оставаться крещенский священник Т.Е.Егоров.

На монгольском отделе на кафедру монгольского языка, истории и обличения ламайства 5 февраля 1910 г. был назначен иеромонах Амфилохий (Скворцов)³⁹, который в 1910 г. окончил

³⁷ Высочайше одобренные в 29 день июля 1911 года изменения в действующем уставе Духовных Академий // Приложения к протоколам Совета Казанской духовной академии за 1911 г. – Казань, 1911.

³⁸ Памятная книжка Императорской Казанской духовной академии. 1916–1917 акад. год. – Казань, 1916. – С. 27.

³⁹ Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1909–1910 учебный год. – Казань, 1910. – С. 23.

академию и был оставлен на год в качестве профессорского стипендиата, а с 16 августа стал и.д. доцента академии по кафедре монгольского языка, истории и обличения ламайства⁴⁰. Иеромонах Амфилохий состоял на этой кафедре до сентября 1918 г., когда вместе с белочехами и Народной армией покинул Казань и, следовательно академическую службу, из-за опасений репрессий со стороны ЧК. Практикантом калмыцкого языка с августа 1911 г. стал Александр Петрович Межуев (крещенный калмык), окончивший в 1909 г. Казанские миссионерские курсы. С сентября 1914 г. практикантом бурятского языка стал природный бурят Иосиф Иванович Шаракшинов, окончивший Иркутскую учительскую семинарию (1910), а затем и Казанские миссионерские курсы (1912–1914)⁴¹.

Миссионерские предметы преподавались в академии вплоть до 1920 г., когда послереволюционные события стали причиной крушения всей системы духовного образования Казани; именно тогда была закрыта известная на всю Россию Казанская духовная академия.

Таким образом, открытые в 1854 г. единственные в дореволюционной России миссионерские отделения, являлись своеобразными центрами становления и функционирования системы конфессионального образования, изучения этнографии, истории, религиозных верований и языков нерусских народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Кроме того, они стали центром проведения российской властью широкомасштабной политики по внедрению миссионерского конфессионального образования по отношению к нерусским народам Поволжья и Приуралья. «Система образования инородцев» Н.И.Ильминского получила широкое распространение в системе просвещения нерусских народов России, особенно среди чуваш, марийцев, удмуртов, татар.

Рассматривая основные этапы существования миссионерских отделений Казанской духовной академии мы приходим к выводу, что миссионерские отделения переживали как периоды

⁴⁰ Памятная книжка Казанской духовной академии за 1912–1913 учебный год. – Казань, 1913. – С. 30.

⁴¹ Памятная книжка Казанской духовной академии за 1916–1917 учебный год. – Казань, 1916. – С. 34.

расцвета, так и застоя. Политика в этой сфере формировалась и предопределялась под влиянием и высшей духовной власти, и государства, и просто личностью и деятельностью ректоров Казанской духовной академии. Нередко среди последних оказывались противники и просто безразличные к изучению миссионерских предметов. Несмотря на негативное отношение некоторых руководителей академии, преподавание учебных предметов миссионерских отделений сохранялось до самого закрытия академии.

Миссионерские отделения стали производителями научно подкованных кадров для образования и просвещения татар, удмуртов, марийцев, чувашей, калмыков и других народов. Преподаватели миссионерских отделений развернули активную политику по разработке методических пособий, грамматик, учебников для изучения нерусскими народами русского языка. Они стали инициаторами профессионального изучения христианства, ислама, буддизма и других религиозных концепций, приверженцами которых являлись народы России. Исследования, проведенные преподавателями и выпускниками миссионерских отделений, стали известны по всей России, нередко получали высокую оценку среди современников и являлись неоценимым вкладом в отечественную науку. А сами отделения оказывались в эпицентре внимания со стороны ведущих востоковедческих учреждений России. Педагогическую систему, разработанную в Казанской духовной академии, активно применяли в учебно-воспитательной работе духовные семинарии и школы, в которых преобладали представители нерусских народов. О плодотворности этой системы свидетельствуют и повышение грамотности среди нерусских народов, особенно среди чуваш, марийцев и удмуртов, у которых процент грамотности до этого был очень мал. Благодаря «системе просвещения инородцев», разработанной преподавателем миссионерского отделения Н.И.Ильминским, был сделан огромный шаг в просвещении и ликвидации безграмотности многих народов, которые до этого вообще не имели своей письменности.

Сведения об авторах

Абдуллин Халим Миннуллович – к.и.н., с.н.с. Музея археологии Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Багаутдинова Халида Зиннатовна – н.с. отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Байбулатова Лилия Фаритовна – к.и.н., с.н.с. отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Вишленкова Елена Анатольевна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой отечественной истории до XX века Казанского государственного университета

Гайнетдинова Эндже Рифгатовна – зав. архивохранищем Национального архива РТ

Галиуллина Диляра Магзумовна – к.и.н., доцент кафедры историографии и источниковедения Казанского государственного университета

Ермошин Антон Владимирович – аспирант кафедры истории России Казанского государственного гуманитарно-педагогического университета

Загидуллин Ильдус Котдусович – д.и.н., зав. отделом средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Ильина Кира Андреевна – аспирантка кафедры отечественной истории до XX века Казанского государственного университета

Ислаев Файзулхак Габдулхакович – д.и.н., профессор кафедры истории и обществоведческих дисциплин Института развития образования РТ

Исхаков Радик Равильевич – м.н.с. отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Кострюков Михаил Александрович – аспирант отдела истории и общественной мысли Института татарской энциклопедии АН РТ

Лола Светлана Владимировна – студентка 4-го курса исторического факультета Казанского государственного университета

Махмутова Альта Хазеевна – к.и.н., доцент кафедры истории татарского народа Казанского государственного университета

Сазонова Людмила Александровна – аспирантка кафедры отечественной истории до XX века Казанского государственного университета

Саначин Сергей Павлович – гл. архитектор проектов Центра разработки генплана Казани ОАО «Институт «КазГраждан-Проект»

Свердлова Людмила Михайловна – к.и.н., доцент кафедры юридической педагогики и психологии Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета

Файзрахманов Ильшат Завдатович – н.с. отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Федотова Ольга Викторовна – начальник отдела публикации документов Национального архива РТ

Фролова Светлана Анатольевна – к.и.н., доцент кафедры права, истории и политологии Академии государственного и муниципального управления при Президенте РТ

Хамитбаева Найла Сахабитдиновна – к.и.н., с.н.с. отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Хабибуллин Марс Забирович – к.и.н., с.н.с. отдела истории и общественной мысли Института татарской энциклопедии АН РТ

Содержание

Х.М.Абдуллин	
Школа батальонов военных кантонистов как единственное военно-образовательное учреждение Казани в первой половине XIX в.	3
Х.З.Багаутдинова	
Некоторые аспекты истории развития Казанского реального училища (1875–1900 гг.).....	15
Е.А.Вишленкова	
Университетский человек и время.....	24
Э.Р.Гайнетдинова	
Из истории Казанской земской школы для образования народных учительниц (по документам Национального архива РТ).....	53
Д.М.Галиуллина	
Влияние идей И.Гаспринского на развитие просветитель- ства среди казанских татар в конце XIX – начале XX вв.	59
А.В.Ермошин	
Учебно-методическая основа преподавания Закона Божьего в средних учебных заведениях в XIX веке....	76
И.К.Загидуллин	
Проект Инструкции инспекторам татарских, башкирских и киргизских школ 1876 г.: на перекрестке суждений учебного и силового ведомств.....	88
К.А.Ильина	
Инструкция попечителя и управление Казанским учебным округом (первая четверть XIX века).....	111
Ф.Г.Ислаев	
Казанская новокрещенская школа.....	117
Р.Р.Исхаков	
Просветительско-миссионерская концепция Н.И. Ильминского в образовательной системе пореформенной Казани.....	126

М.А.Кострюков	
Научная и педагогическая деятельность П.К. Жузе.....	139
С.В.Лола	
Конфликты студентов Казанского университета с горожанами (первая четверть XIX в.).....	151
А.Х.Махмутова	
Медресе «Мухаммадия»: этапы развития.....	161
Л.А.Сазонова	
Корпоративные отношения профессоров Казанского университета. Вторая половина XIX века.....	169
С.П.Саначин	
Вклад казанских гимназий XVIII века в изобразительную «казаниану».....	176
Л.М.Свердлова	
У истоков женского образования Казани.....	186
И.З.Файзрахманов	
Подготовка кадров в Казанской адмиралтейской школе (1726–1798 гг.).....	195
О.В.Федотова	
Казанский Родионовский институт благородных девиц. Из истории женского образования в Казани (по документам Национального архива РТ).....	214
С.А.Фролова	
Роль Казанской гимназии в подготовке государственных служащих Поволжско-Уральского региона.....	222
Н.С.Хамитбаева, Л.Ф.Байбулатова	
Вопросы образования в Казани на страницах газеты «Казанские губернские ведомости» (XIX в.).....	267
М.З.Хабибуллин	
Система конфессионального образования в Казанской духовной академии.....	284
Сведения об авторах	300